

СИБИРСКАЯ ТАЙГА.

(П. В. Чебыкину.)

Есть убѣжденіе, что Сибирь, хотя страна и холодная, но зато богатая, что это наше русское Эльдорадо, гдѣ смѣлаго искателя ждетъ и счастье и богатство. Поддавшись этому обольстительному убѣжденію, я полетѣлъ туда искать счастья, и для перваго дебюта поступилъ *довѣреннымъ* на службу въ одну богатую золотопромышленную компанію, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о сибирской жизни, ни о людяхъ, съ которыми приводилось мнѣ имѣть дѣло, ни о золотопромышленности, къ которой предназначалъ себя. На новомъ поприщѣ, первый шагъ мой былъ, командировка въ *тайгу*, въ партію, назначенную для развѣдки приисковъ. Въ этой партіи, состоящей изъ пятидесяти человекъ рабочихъ, кромѣ меня, уже находились двое опытныхъ, знающихъ дѣло, довѣренныхъ, подъ начальство которыхъ я и долженъ былъ поступить.

I.

16-го апрѣля, 1859 года, оставивъ главный приискъ нашей компаніи, въ сопровожденіи конюха, который велъ лошадь навьюченную моими пожитками, рано утромъ, я отправился на Б—скій приискъ, гдѣ была расположена партія. Погода была самая весенняя: шелъ дождь, снѣгъ таялъ и ручьями бѣжалъ съ горъ, ледъ на рѣкѣ синѣлъ, въ воздухѣ былъ разлитъ тотъ неувимый ароматъ, который составляетъ всю прелесть весенней погоды. Дорога была ужасная. Мы пробирались почти шагомъ, то по берегу быстрой рѣки, то по вершинѣ крутой

горы. Мѣстами дорога шла или по обрыву, или спускалась въ ложбину, или пересѣкала ручей, превратившійся отъ весеннихъ водъ въ порядочную рѣчку. Грязь—чуть не по брюхо лошади, глубокія выбоины, камни и пни: повидимому, ни въ какомъ экипажѣ нельзя было бы проѣхать по этой дорогѣ. Однако золотопромышленники ухитряются и тутъ ѣздить на двухколесныхъ кабриолеткахъ. Видно и здѣсь русское *авось* помогаетъ!

Послѣ трехчасоваго путешествія (хотя проѣхали всего пять верстѣ) мы стали подъѣзжать къ пріиску. Чтобы попасть на мѣсто, гдѣ была расположена партія, мы должны были своротить съ дороги и спуститься, чуть-чуть не по отвѣсному склону горы, на поляну, гдѣ стояли балаганы. Путь былъ не легкій. Лошади проступались въ подтаявшемъ, рыхломъ снѣгу, который въ иныхъ мѣстахъ, лежа огромными сугробами, закрывалъ пни, камни и колоды, и наши лошади безпрестанно спотыкались на нихъ. Здѣсь малѣйшая неловкость грозила паденіемъ.

— Ну, слава Богу, вотъ и пріѣхали! вдругъ громко проговорилъ безмолвный доселѣ конюхъ.

— Развѣ здѣсь партія?

— А вотъ, только выѣдемъ изъ лѣска, тутъ и есть! отвѣчалъ онъ, въѣзжая въ такую трущобу, что я, слѣдуя за нимъ, никакъ не могъ понять, какимъ это образомъ проберемся мы чрезъ такую чащу.

Однако все обошлось благополучно, кромѣ только того что одна пола моего войлочнаго пальто осталась на суку, да шальная вѣтвь, не ловко спущенная конюхомъ, едва не сбила съ меня шапки. Наконецъ, мы выѣхали на довольно большую поляну, лежащую подъ крутыми, обрывистыми, почти перпендикулярными утесами хлористоваго сланца, съ густымъ лѣсомъ на вершинѣ. Четыре большіе балагана, построенные изъ жердей и покрытые толстымъ слоемъ хвои и вѣтвей, составляли временное жилище рабочихъ. Пятый, не очень большой балаганъ, выстроенный у самаго берега рѣки, былъ назначенъ для довѣренныхъ. Близъ него помѣщалась кухня, то-есть на вѣтвяхъ двухъ деревьевъ была утверждена толстая перекладина, и на ней висѣли два большіе котла, да нѣсколько маленькихъ, въ которыхъ варилась солонина. У этой кухни хлопоталъ грязный, законтѣлый

работникъ, выбранный артелью въ кашевары. Видъ кругомъ былъ самый пустынный. Всюду видѣлись лишь высокіе горныя хребты, или покрытые густымъ лѣсомъ, или бѣлѣющіе своими снѣжными вершинами. Только въ одномъ мѣстѣ горы какъ будто раздвигались и выпускали изъ себя рѣку, покрытую уже посинѣвшимъ льдомъ. Рѣка, сбѣлавъ передъ пологою крутой поворотъ, исчезала въ густомъ лѣсу. Картина была дикая, и не представлялось ни одной точки, на которой можно бы было съ отрадой остановить взоръ. Звонъ маленькихъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, которые по сибирскому обыкновению привѣшиваются на шею лошадей, частью изъ щегольства, частью для отогнанія съ пути *звѣря* (такъ въ Сибири называютъ медвѣдя), оторвалъ кашевара отъ его занятія. Онъ обернулся, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на приближавшихся всадниковъ. Нашъ шумный пріѣздъ вызвалъ изъ балагана, гдѣ помѣщались служащіе, еще и другую фигуру. Оттуда вышелъ человѣкъ высокаго роста, плечистый, довольно красивый, одѣтый въ дубленый полушубокъ, длинныя таежныя сапоги и въ высокую армянскую шапку. На видъ ему нельзя было дать болѣе сорока лѣтъ, хотя ему, какъ я узналъ послѣ, было далеко за пятьдесятъ. Конюхъ сообщилъ, что это довѣренный, Дмитрій Яковлевичъ К — нъ. Я слѣзъ съ лошади. Мы раскланялись, и я объяснилъ ему съ какою цѣлю присланъ въ ихъ партію. Онъ выслушалъ меня холодно.

— Ну, учитесь, учитесь! Ступайте пожалуй смотрѣть, какъ работаютъ. Пойдемте вмѣстѣ; кстати я иду на шурфы.

Я поспѣшилъ воспользоваться его приглашеніемъ, и мы отправились. Тропинка была узкая, и мы должны были идти другъ за другомъ: онъ впередъ, я за нимъ. Храня глубокое молчаніе, подошли мы скоро къ мѣсту работъ. Онъ производился только на одномъ шурфѣ, по случаю большого притока воды. Половина людей работала у шурфа; другая отдыхала, сидя у разведеннаго огня. Въ толпѣ рабочихъ, одѣтыхъ въ лохмотья, я примѣтилъ человѣка лѣтъ восьмидесяти, стоявшаго у шурфа и пристально смотрѣвшаго въ его глубину. На совершенно посѣдѣвшей головѣ этого человѣка была надѣта какая-то странная шапка, не то монашескій клобукъ, не то скуфейка; теплое пальто покрывало его тѣло, а носъ ослѣдланъ былъ серебряными очками. Я спросилъ моего спут-

ника: „кто это?“ и получилъ въ отвѣтъ, что это Александръ Мартыновичъ А—евъ, другой довѣренный компаніи.

Дмитрій Яковлевичъ К—нъ, какъ я уже сказалъ, былъ муштина лѣтъ за пятьдесятъ, высокій, стройный и крѣпко сложенный. Лицо его, чрезвычайно хорошо сохранившееся, было еще очень красиво; большіе, черные, блестящіе глаза выражали силу воли и энергію. Занимаясь почти съ малолѣтства золотопромышленностію, онъ отличался неутомимѣйшею дѣятельностію при поискахъ, знаніемъ тайги и дѣла, привычкою переносить всѣ неудобства таежной жизни со всѣми ея невзгодами и лишеніями. Никто лучше его не умѣлъ отыскать какую-нибудь ничтожную рѣчку въ лабиринтѣ сибирскихъ рѣкъ и горъ, добраться до ней кратчайшимъ путемъ, заявить площадь въ мѣстности, гдѣ показалось золото, поставить столбъ подъ носомъ у другой партіи, обмануть довѣреннаго чужой компаніи и ложною рекогносцировкой отправить его въ противоположную сторону. Какъ истый Сибирякъ, онъ имѣлъ свой взглядъ на вещи, и будучи въ сущности весьма честнымъ человѣкомъ, былъ убѣжденъ, что въ дѣлѣ золотопромышленности всѣ средства дозволительны, лишь бы они вели къ прямой цѣли: отысканію золота. Онъ былъ вовсе не образованъ, едва умѣлъ читать, мало говорилъ, за то много дѣлалъ. Онъ былъ грубъ, необщителенъ, и не очень любимъ рабочими за ту суровость и строгость, съ которыми требовалъ точнаго исполненія ихъ работъ. Тѣ изъ золотопромышленниковъ, которымъ, по мѣстному выраженію, онъ успѣлъ насолить, то-есть либо отнялъ площадь, либо какъ-нибудь обманулъ, сильно бранили его за глаза, что однако не мѣшало всѣмъ считать его дѣльнымъ человѣкомъ и стараться всѣми мѣрами перетянуть къ себѣ на службу.

Другой довѣренный, Александръ Мартыновичъ А—евъ, былъ человѣкъ совсѣмъ другаго рода. Случайно заброшенный въ Сибирь, онъ принадлежалъ къ числу такъ-называемыхъ „несчастливыхъ“, или попросту, ссыльныхъ. Нѣкогда, еще при покойномъ Лазаревѣ, служилъ онъ во флотѣ, отличался въ турецкую кампанію, былъ штурманомъ, и потомъ, за какое-то преступленіе, былъ подвергнутъ военному суду, разжалованъ и сосланъ безъ срока въ каторжную работу. Потомъ участь его была облегчена, и онъ приписанъ въ число поселенцевъ. Не берусь сообщить читателю, что за преступленіе совершилъ Александръ Мартыновичъ, хотя онъ много разъ, съ чрезвы-

чайною охотой и съ подробностями, разказывалъ этотъ эпизодъ своей жизни. Каждый разъ въ его разказѣ была такая сбивчивость и столько противорѣчій, что никакъ нельзя было составить ничего дѣлаго. Вообще видно было, что и лѣта, и тяжелый опытъ его жизни, имѣли сильное вліяніе на его умственные способности. Его мысли были всегда въ какомъ-то хаосѣ. Изъ всего, что онъ зналъ и видѣлъ,—а видѣлъ онъ много, посѣтивъ въ молодости много странъ — онъ вынесъ очень смутныя воспоминанія, и въ своихъ разказахъ перепутывалъ и перемѣшивалъ разные происшествія. Попавъ въ Сибирь, онъ какъ-то сумѣлъ приобрести довѣренность нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, былъ управляющимъ, ходилъ въ розыскныя партіи и ознакомился съ Тайгой и ея жизнью. Но пристально вглядываясь въ его дѣйствія, прислушиваясь къ его словамъ, сейчасъ же можно было видѣть разницу между нимъ и К—мъ. Одинъ, не хвастаясь, не выставляясь, былъ что называется мастеръ своего дѣла. Другой, безпрестанно повѣствуя о своихъ подвигахъ и на сушѣ, и на морѣ, о своихъ походахъ въ Тайгѣ, при дѣлѣ являлся человѣкомъ болѣе говорящимъ чѣмъ знающимъ, безъ той энергіи, которая видна была въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ К—на.

И вотъ, подъ руководствомъ этихъ-то господъ, имѣвшихъ передо мной огромныя преимущества знанія, соединеннаго съ опытностію, я долженъ былъ начать свое новое поприще.

Я сказалъ, что къ мѣсту работъ мы подошли въ то время, когда половина людей отдыхала у разведеннаго огня. Зная изъ разчетныхъ листковъ, которые я привезъ съ собой, что эта партія, въ которой считается до пятидесяти человѣкъ, состоитъ по большей части изъ ссыльно-поселенцевъ, и что мнѣ придется прожить съ ними все лѣто, я нетерпѣливо желалъ поближе познакомиться съ моими будущими сотрудниками. Первый взглядъ на эту разнохарактерную, оборванную толпу произвелъ во мнѣ грустное и болѣзненное чувство. Въ кружку людей, сидѣвшихъ у огня, шелъ повидимому оживленный разговоръ. Слышался хохотъ и голоса спорящихъ. Я подошелъ къ огню, сѣлъ на колоду и сталъ прислушиваться. Предметомъ смѣха были два съ азартомъ спорившіе между собой рабочіе, которыхъ товарищи, для своей потѣхи, поджигали къ продолженію спора.

— Ужь какъ я примусь за дѣло, такъ и комаръ носу не подточить!.... Тебѣ и во снѣ не видать!

— Чтобъ тебя язвило!.... отвѣчалъ товарищъ, пустивъ въ него цѣлую кучу самыхъ отвратительныхъ ругательствъ.—Да хватить ли въ твоей башкѣ мозгу?

— Ахъ, ты варнакъ, такой, сякой!...—И пошла потѣха.

Незнакомый еще съ языкомъ и особыми выраженіями сибирскихъ рабочихъ, я долго не могъ понять о чемъ идетъ рѣчь..... Каково же было мое изумленіе, когда наконецъ я узналъ, что рѣчь идетъ о ловкости, съ которою одинъ лучше другаго сумѣетъ обдѣлать дѣльце, скрыть слѣды, и обмануть кого угодно. Пораженный и удивленный темой разговора, я пристально сталъ всматриваться въ фигуры спорившихъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, худой, рыжій мужикъ, лѣтъ сорока, съ сѣрыми плутовскими глазами, съ худощавымъ лицомъ, обрамленномъ рѣдкими рыжими бакенбардами и такою же клинообразною бородой, съ острымъ носомъ и тонкими губами. Онъ былъ въ какомъ-то кафтанѣ, у котораго не доставало цѣлой полы, въ синей дабовой рубахѣ, такихъ же шароварахъ, покрытыхъ заплатками, и въ бараньей истертой шапкѣ. Звали его Тимоѣей Юткевичъ. Выглядывалъ онъ истиннымъ плутомъ, способнымъ на все. Другой былъ маленькій, вертлявый, гладко обстриженный, съ узенькими глазами, курносый и рябой. Одежа его была не лучше одежды товарища, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что бродни и шаровары были густо покрыты грязью. Окружающая группа тоже не могла развеселить взоръ: измученныя, измученныя лица, оборванная одежда, наглость въ разговорѣ и обращеніи.

Среди самаго разгара спора, вдругъ съ шурфа закричали: „смѣна! смѣна!“ И вся толпа, шумя, толкаясь и бранясь, бросилась къ шурфу. На оставленное мѣсто подошли другіе работники и расположились также какъ и первые. Одни принялись отыскивать свободные чайники; другіе пошли за водой; иные, набивъ трубочки, закурили махорку. Вообще эти рабочіе походили на прежнихъ; только они менѣ шумѣли и кричали. Видно было, что люди эти, сильно утомившись на тяжелой работѣ, не пришли еще въ себя. Но вотъ, мало-по-малу, усталость прошла, и прежніе разговоры, шутки и остроты, съ примѣсью отвратительной брани, посыпались со всѣхъ сторонъ.

Около пяти часовъ вечера, рабочіе кончили свой урокъ и отправились на отдыхъ. Балаганы наши были такъ близко другъ отъ друга и постройка ихъ была такъ ээирна, что изъ одного балагана можно было слышать все что говорилось въ другомъ. Поужинавъ, рабочіе развели огни, и усьлись въ своихъ балаганахъ. Уже темнѣло; и при красноватомъ свѣтѣ пяти большихъ костровъ, среди лѣсу, вблизи рѣки, подъ громадными, мрачными утесами, нашъ бивакъ представлялъ довольно красивую, оживленную, но дикую картину. Утомленные товарищи мои уснули, не обращая никакого вниманія на шумъ, смѣхъ и говоръ рабочихъ. Но я не спалъ; любопытство мучило меня. Хотѣлось поближе и поскорѣе познакомиться съ людьми.

Выйдя изъ своего балагана, я зашелъ въ ближайшій. Вотъ какая картина представилась мнѣ: у огня расположились чело-вѣкъ десять; нѣкоторые грѣлись, иные курили трубки, такъ характеристически прозванныя носогрѣйками; другіе чинили свои платья; одинъ, снявъ съ себя рубашку и набросивъ на плеча изорванный *осямъ*, какъ-то подозрительно разсматривалъ свою одежду; двое спали, а одинъ рабочій, сидя важно по близости огня, на толстомъ полѣнѣ разказывалъ, для потѣхи компаніи, сказку о походе какого-то солдата. Такая картина, конечно съ нѣкоторыми отмѣнами въ подробностяхъ, представлялась во всѣхъ балаганахъ. Въ одномъ сказка замѣнялась похвальбами въ томъ, кто что лучше своровалъ, и *опростоволосившійся*, какъ они выражались, подвергался дружному смѣху всей компаніи. Когда я вошелъ, предметомъ насмѣшки служилъ ссыльный Малороссъ съ глуповатою фizioноміей, по фамиліи Черненко, сосланный за покражу пары воловъ.

— Эхъ, ты простофиля, простофиля! говорилъ ему смѣясь парень лѣтъ двадцати пяти, небольшого роста, шадровитый, съ плутовскими сѣрыми глазами:—эхъ, ты, простофиля! Воловъ схоронить не умѣлъ! Я и табунъ лошадей согналъ, да и то съ рукъ сошло.

— А вже здись... возразилъ Черненко.

— Эхъ ты дура! Важное дѣло, что здѣсь! За то такое дѣло обдѣлалъ, продолжалъ онъ,—что тебя бы, олуха, за него плетьюгами угостили, а я только розогъ отвѣдалъ.

Какъ новичокъ, я былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ и

слышаннымъ. Однако, въ послѣдствіи, присмотрѣвшись и прислушавшись ко всему что дѣлалось вокругъ меня, я, подобно моимъ товарищамъ, уже равнодушно слышалъ всѣ эти выходки и видѣлъ всѣ эти сцены. Мало того, люди эти, къ которымъ сперва я возымѣлъ чуть-чуть не отвращеніе, потомъ пробудили во мнѣ совсѣмъ иное чувство. Сдѣлавшись черезъ мѣсяцъ ихъ начальникомъ, одинъ среди этихъ работниковъ, собранныхъ сюда чуть не со всѣхъ концовъ нашей Руси, изъ которыхъ многіе очень хорошо извѣдали на практикѣ какъ лучше и вѣрнѣе всадить ножъ, какъ выломать замокъ, обмануть, ограбить, я прожилъ въ лѣсу пять мѣсяцевъ, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ слова участія и состраданія. Я полюбилъ душой этихъ людей, такъ справедливо называемыхъ *несчастными*. Зато и рабочіе мои не остались въ долгу. Они отъ всей души платили мнѣ тѣмъ же, предупреждая всѣ мои желанія, работая усердно, и слушаясь во всемъ. Я даже достигъ того, что они чисто-сердечно, съ полною откровенностію, разказывали мнѣ грустные эпизоды изъ своей прошлой, часто преступной жизни.

Сидя въ балаганѣ, я часто думалъ, какъ легко написать приговоръ: *сослать въ Сибирь на поселеніе*, и этими словами рѣшить навсегда участь человѣка, оторвать его отъ родины, семьи, всего милаго и дорогаго, бросить въ другую сферу, къ другимъ людямъ, въ инныя условія и положенія жизни! Три слова, — и человѣку уже нѣтъ возврата въ тотъ уголокъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ свѣтъ Божій и узналъ первыя радости жизни. Грустно, — потому что рѣшеніе: *сослать въ Сибирь*, одинаково гремитъ и надъ головой мелкаго ворышки, не сумѣвшего скрыть свое небольшое воровство, и надъ бродягой, не помнящимъ родства (когда онъ негоденъ въ арестантскія роты) и, быть-можетъ, отяготившимъ жизнь свою не однимъ, ловко скрытымъ, преступленіемъ, и надъ человѣкомъ идущимъ въ Сибирь по прихотливой волѣ помѣщика или по несовсѣмъ-то чистой волѣ своего общества. Конечно, въ Россіи, всѣ эти люди подвергаются разныхъ степеней наказаніямъ, и часто на жилистой рукѣ видишь роковую букву Б; но въ Сибири они терпятъ одинаковую участь. И бродягъ, и ворышекъ, и сосланному по чьей-либо волѣ — одинъ удѣлъ: бѣдность, безпріютность, трудовая жизнь и вѣчная разлука съ родиной, съ семь-

ей со всѣмъ что дорого и близко человѣческому сердцу. Мнѣ кажется (да впрочемъ и сами ссыльные признають это), что именно безнадежность возврата на родину отнимаетъ у нихъ много энергіи и портитъ людей, которые, еще не успѣвъ зачерствѣть въ пороки и развратъ, при другихъ условіяхъ, могли бы еще выйти на добрый путь.

Тюрьмы у насъ (особенно уѣздныя) не могутъ похвастаться своимъ устройствомъ. Люди, попавшіе туда по какому бы то ни было случаю, ве могутъ быть строго распределены по родамъ преступленій. Здѣсь соблюдается только раздѣленіе по вѣдомствамъ и званіямъ. Часто, въ одну камеру сажаются арестанты, подозрѣваемые въ разнородныхъ преступленіяхъ, съ соблюденіемъ лишь того, чтобы вмѣстѣ не сидѣли соучастники по одному и тому же дѣлу. Что же дѣлаетъ вся эта разнохарактерная компанія въ теченіи долгихъ дней своего заключенія?

Да ничего. Работать въ острогѣ нельзя. Арестантамъ не дозволяется имѣть никакихъ орудій. Правда, ихъ занимають работами на острожномъ дворѣ, но на это употребляется лишь небольшое число заключенныхъ, и то на короткое время. Времени же остается много, особенно въ длинные зимніе вечера. Каждый можетъ мечтать, если склоненъ къ меланхоліи, ходить изъ угла въ уголь, если любитъ движеніе, говорить, если любитъ болтать, спать, если можетъ постоянно спать въ теченіи многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ своего заключенія. Однако арестанты не унываютъ; они умѣютъ разнообразить свою жизнь. По увѣренію моихъ рабочихъ, въ острогахъ въ большомъ ходу азартныя игры, несмотря даже на бдительный надзоръ. Если нѣтъ картъ (тамъ гдѣ смотритель очень строгъ), то водится жулька, нѣчто въ родѣ дѣтской юлы. „Въ острогѣ все можно дѣлать, говорили мои рабочие, было бы только чѣмъ подмазать конвойнаго; а то все будетъ шито да крыто“. Но любимое занятіе и препровожденіе времени въ острогѣ—разговоры. Арестанты, заключенные въ одной камерѣ, скоро сближаются между собой. Каждый, съ большею или меньшею искренностью, открываетъ товарищамъ свою душу, въ увѣренности, что его не выдадутъ; каждый сообщаетъ свои опасенія, надежды и планы на будущее. Здѣсь, общими силами, обдумываются и обсуживаются пути и средства къ спасенію, какъ ловче

увернуться отъ уликъ, какъ избавиться отъ наказанія, обмануть судей и слѣдователей. Здѣсь же бывалые даютъ новичкамъ наставленія какъ жить въ послѣдствіи, что дѣлать, что принимать.

Въ моей партіи былъ одинъ очень умный работникъ, Иванъ, какъ значилось въ его билетѣ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати девяти, ловкій, расторопный и чрезвычайно смѣтливый. Одѣвался онъ чище другихъ, и во многомъ отличался отъ своихъ собратій. Я часто удивлялся его сужденіямъ, всегда здравымъ и толковымъ. Однажды, взявъ у меня почитать разказы Щедрина, онъ сдѣлалъ объ одномъ изъ нихъ такое мѣткое критическое замѣчаніе, что я невольно спросилъ его:—Гдѣ ты нахватаешься такихъ премудростей, Иванъ?

— Эхъ, сударь, отвѣчалъ онъ улыбаясь.—вѣдь я и самъ былъ въ университетѣ, да еще и всѣ факультеты прошелъ. Шестъ остроговъ выучать уму-разуму! Да и видѣлъ же я много. Не даромъ поболтался по бѣлому свѣту.

Онъ былъ правъ. Острогъ, точно, школа; но такая въ которую если попадетъ даже и не совсѣмъ испорченный человѣкъ, да если, по несчастію, просидитъ тамъ нѣсколько времени въ пріятномъ обществѣ своихъ товарищей, то навѣрное выйдетъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, много болѣе просвѣщеннымъ противъ прежняго. Кто занимался юридическою практикой, производилъ слѣдствія и наблюдалъ за заключенными, тотъ согласится въ этомъ со мной. Простолудинъ нашъ пуще всего боится острога. Я думаю, всякій практикъ видалъ, какъ одно слово: острогъ, заставляетъ человѣка блѣднѣть и трепетать. Посмотрите же на него въ тюремной камерѣ! Онъ уже не тотъ; онъ, что называется, отерпѣлся. Но вотъ онъ вышелъ. Стыдъ и страхъ совсѣмъ потеряны; движенія бойки и развязны, и онъ уже рисуется передъ толпой, особенно послѣ наказанія.

Оставленные въ подозрѣніи, эти люди часто возвращаются на мѣста жительства. Осторожный опытъ, дѣлаетъ человѣка только осторожнѣе и скрытнѣе, научаетъ его всякимъ уверткамъ и обманамъ. А трудно ли остаться въ подозрѣніи, особенно если нѣтъ очень сильныхъ уликъ? Стоить только запереться да не сбиться при допросахъ. Въ этихъ случаяхъ отвѣтъ извѣстный: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Одинъ арестантъ, воротившись послѣ допроса въ свою камеру, на вопросъ своихъ товарищей: „Ну что? Какъ дѣло?“ отвѣчалъ: „Слава Богу, оправдался братцы! Во всемъ заперся.“

Спросите иного арестанта неожиданно при допросѣ: „А какъ тебя зовутъ?“ онъ пожалуй, не обдумавшись, отвѣтитъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, хотя прежде и объявлялъ свое имя.

Одна изъ величайшихъ язвъ острожной жизни—тѣ люди, которые, шутка сказать, забыли бездѣлицу: свое имя, происхожденіе и мѣсто жительства. Я говорю о бродягахъ, не помнящихъ родства, на которыхъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы обратить побольше вниманія. Подъ этою маскою часто скрываются величайшіе злодѣи, умѣвшіе ловко скрыть быть-можетъ не одно преступленіе и прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду и мѣдные трубы. Сколько людей не совсѣмъ еще испорченныхъ можетъ испортить до конца одинъ такой бывалецъ, и чѣмъ онъ опытнѣе, чѣмъ наглѣе и краснорѣчивѣе умѣетъ разказывать о своихъ похожденіяхъ, тѣмъ, конечно и опаснѣе.

Какъ бы то ни было, острожная жизнь—только фундаментъ дальнѣйшей порчи. Кончилось дѣло. Приговоръ подписанъ, объявленъ и частію приведенъ въ исполненіе. Осталось еще одно—пересылка въ Сибирь. Арестанта привели въ губернское правленіе, тамъ его одѣли, обули, выдали кормовыя деньги, и сдали конвойнымъ. Все готово! Съ Богомъ въ дальнюю дорогу! И вотъ идетъ партія по Владимірскъ. Впереди конвой; за нимъ окованные по рукамъ и ногамъ, съ позорными клеймами на лицахъ, идутъ каторжники; далѣе, скованные по-парно на длинномъ желѣзномъ прутѣ, ссыльно-поселенцы; за тѣмъ женщины, иногда съ дѣтьми, и даже съ грудными младенцами на рукахъ. Въ заключеніе тянутся подводы съ багажемъ и больными, окруженные конвоемъ. Вглядитесь въ эти лица: на нихъ тупость, безчувственность. Равнодушіе ли это? Покорность ли судьбѣ или ожесточеніе? Богъ вѣсть. Партія подходитъ къ селу. Ударилъ барабанъ, и все оживилось въ деревнѣ. На встрѣчу спѣшить народъ, бѣгутъ торгаша, чтобы продать что-нибудь изъ своихъ домашнихъ произведеній, бѣгутъ любопытные поглазѣть на несчастныхъ, бѣгутъ и такіе, которые хотятъ подать что-нибудь именемъ Христа. Иногда партія начинается громко, не то пѣтъ, не то кри-

чать, взывая о милосердіи. Это, значить, добрый партіонный позволилъ партіи просить въ голосъ, чтобы собрать побольше подаванія.

Иному арестанту, назначенному на жительство въ отдаленныя мѣста, приходится путешествовать болѣе года; партія идетъ медленно, дѣлая каждый день по станціи съ дневками. Сколько въ это время приведется испытать разнообразныхъ ощущеній и наслушаться всякихъ наставленій! Если въ острогѣ общество было разнообразно, то въ партіи оно еще разнообразнѣе. Кого-кого тутъ нѣтъ! Здѣсь собрались представители чуть не со всѣхъ концовъ нашей матушки Руси, люди всѣхъ званій и племенъ. Есть съ кѣмъ познакомиться, свести дружбу. Если въ острогѣ было много празднаго времени, то теперь его еще болѣе,—и какое веселіе! Утромъ прогулка, вечеромъ разговоры, игра въ карты, жульку и кости, а подѣ часъ вино и даже женщины! Чего еще лучше! Даютъ подаваніе, даютъ кормовыя, у другаго есть и свои деньжонки. За деньги все можно получить, все можно сдѣлать, и дѣйствительно, все получается и все дѣлается, особенно если конвойные добры, партія тиха, арестанты не дѣлаютъ буйствъ, и никто не показываетъ наклонности къ побѣгу. Сами арестанты, видя въ этомъ свою выгоду, заботятся о порядкѣ не менѣе конвойныхъ. „Мы и сами не хуже солдата“, говорилъ мнѣ одинъ рабочій, „смотримъ за своимъ братомъ, чтобы дурости какой не вышло. Имъ противъ насъ не уемотрѣть. Гдѣ ужъ! Коли конвойные добры, небось не напалимъ, даромъ что у насъ все есть, и ножъ про случай, и все прочее. Отъ хорошихъ и сбѣжать никто не могъ, не позволимъ. А коли кто заартачится, пожалуй, и сами выдадимъ. Ужъ тамъ, пришелъ на мѣсто, аль у худыхъ конвойныхъ, ну пожалуй, дѣлай что хощь. Какова пора и сами поможемъ. А у хорошихъ, нѣтъ, братъ, шалишь, никакъ не могъ. Разъ, намъ будетъ худо, скрутятъ, воли не будетъ; а второе, и конвой занапрасно подведешь; ну и сзади которые будутъ идти, и тѣмъ худо будетъ. Значить, и не рука! Опять же и строгостию съ насъ ничего не возьмешь. Примѣромъ, строгъ начальникъ, поприжметъ насъ. Ну что жъ, ничего! Ему же хуже будетъ. Мы и сами поприжмемся, ничего не дадимъ; ничего не возьметъ, вотъ самъ и потеряетъ! А небось, отъ партіи порядкомъ перепадаетъ. Хорошимъ-то конвойнымъ и могоарычъ достается; вѣдь у нихъ же и хлѣбушка купишь, и молочка, и лошадку наймешь; смотришь, у кон-

войнаго-то и денжонки въ карманѣ забрякали. И мнѣ хорошо, да и ему ладно! Отъ подавня-то вѣдь у насъ много остается, такъ для чего не подѣлиться съ добрымъ человѣкомъ? Ну, тамъ, вздумаютъ кости аль карты отобрать: чтожь, бери на здоровье. Мы безъ этого обойдемся. Мы *животное* въ конѣ пустимъ. Ну тутъ, братъ, ничего не возьмешь. Смахнетъ конвойный, а мы за другихъ примемся. Вѣдь этого добра не занимать стать! Надоѣстъ конвойному, отойдетъ да плюнетъ, а мы играемъ себѣ, да надъ нимъ же еще посмѣиваемся. Чтò, молъ, взять? Такъ-то! А то вотъ опять въ разговоры пустимся, али пѣсню затянемъ. Вѣдь языкъ на то и данъ, чтобы говорить; воли рукамъ только не давай. Тутъ и самъ этапный ничего не возьметъ, не то чтобы конвойный. Стой да молчи, а хошь такъ слушай. А вѣдь и доки же бываютъ въ партіи! Другой такъ тебя ублажитъ, что животики надорвешь отъ смѣху-то. А иной такъ красно да складно говоритъ, что вотъ все бы слушалъ. Нѣтъ, хорошо въ партіи, закончилъ мой рабочій,—болно хорошо. А какъ бабы еще есть, ну такъ развеселье! И не вышелъ бы! Болно хорошо!“

Въ теченіе всего этого долгаго пути, бóльшая часть арестантовъ и не думаетъ о томъ, чтò за будущность предстоить имъ. И долгое пребываніе въ острогѣ, и долгое путешествіе приучили человѣка къ праздности. Онъ отвыкъ отъ всякаго положительнаго труда. Достигнувъ своего назначенія, долго, очень долго, ссыльный не можетъ приняться за что-нибудь дѣльное. Иной и совсѣмъ никогда не примется, а будетъ искать путей болѣе легкихъ чѣмъ работа. Да и плоды работы предназначаются не къ обезпеченію будущности, а совсѣмъ на другія цѣли. Кто былъ въ Сибири на пріискахъ, тотъ хорошо знаетъ, о чемъ въ теченіи трудового лѣта мечтаетъ бóльшая часть работниковъ-поселенцевъ. Не о томъ, какъ бы скопить деньгу на черный день, а о томъ, какъ на выработанные деньги они будутъ кутить дня три въ Енисейскѣ, по выходѣ изъ тайги.

Но и послѣ этого иной человѣкъ могъ бы еще исправиться, сдѣлаться полезнымъ членомъ новаго общества, еслибы его встрѣтила надежда на лучшую участь и хоть какое-нибудь обезпеченіе. Къ несчастію, этого-то и нѣтъ. Поселенецъ, среди незнакомыхъ людей и обычаевъ, въ чужомъ краѣ, съ первыхъ же минутъ становится и безпріютнымъ, и безпомощнымъ человѣкомъ. Водвореніе производится очень просто.

Привели партію ссыльных назначенныхъ въ какую-нибудь губернію на поселеніе, положимъ хоть въ Енисейскую. Тотчасъ по приходѣ въ губернскій городъ, ихъ запираютъ въ острогъ; за тѣмъ, распредѣливъ въ какую волость сколько нужно отправить людей, передаютъ извѣстное число конвойнымъ, которые разводятъ ихъ по волостямъ. Счастливъ тотъ, кто сразу попадетъ въ работники, кто знаетъ какое-нибудь ремесло, или кто сберегъ отъ пути хоть сколько-нибудь денегъ. Эти еще какъ-нибудь обойдутся хоть на первыхъ порахъ. Но что дѣлать остальнымъ? Изыскивать средства къ жизни, не слишкомъ разбирая пути.... Большинство такъ и дѣлаетъ, а разъ попавъ на дурную дорогу, трудно вернуться. Отъ мѣстныхъ же жителей поселенецъ помощи не получить, да онъ и не ждетъ ея. Вотъ какъ о мѣстныхъ крестьянахъ отзываются ссыльные:

— Подлецы же эти Челдоны (такъ называютъ они туземцевъ). Лыда въ крещеніе у нихъ не выпросишь, говорилъ мнѣ одинъ изъ рабочихъ. — Коли знаетъ, что у тебя гроша нѣтъ за душой, такъ онъ рыло отъ тебя воротитъ. А какъ пронюхаетъ, что деньги есть, такъ мелкимъ бѣсомъ начнетъ разсыпаться. И землякъ-то я, и другъ, и пріятель! А какой у дьявола я ему землякъ? Развѣ что по одной землѣ ходимъ! Въ передній уголъ посадить, все удовольствіе доставить. А ты ему только водки покупай, да его же еще подчуй. Не отстанетъ, проклятый, пока всего не вытянетъ. А поди-ка, попроси у него хоть грошъ, когда денегъ нѣтъ, такъ онъ те дверь покажетъ. Такіе архаровцы! Чтобъ ихъ язвилъ!...

— Зачѣмъ же вы угощаете ихъ, когда знаете, что они вамъ не заплатятъ тѣмъ же?

— Ну вотъ поди же! И знаешь ихъ хорошо, да часъ найдетъ, и надуютъ. Вѣдь зарокъ дашь, что молъ это въ послѣдній разъ. Глядишь, подвернется какой-нибудь бестія, да опять ты и надуетъ. Чтобъ имъ пусто было!

II.

Я уже сказалъ, что составъ нашей партіи былъ самый разнообразный. Въ ней были и Великоруссы (этихъ бѣольшая часть), и Малоруссы; были два Черкеса, нѣсколько Литвиновъ, Чухонцевъ и черноморскихъ казаковъ; были даже и такіе, о которыхъ нельзя было сказать, къ какой народности они при-

надлежать. Напримѣръ, одинъ рабочій, Алексѣй Шиманскій, бывшій у меня промывальщикомъ, выглядывалъ совершеннымъ Цыганомъ по своимъ ухваткамъ и разговору. Самъ же онъ выдавалъ себя за чисто Русскаго, за крестьянина Владимірской губерніи. Были и смирные и буйные; были и умные, и дураки набитые. Словомъ, чего хочешь, того получишь. Пораженный на первыхъ порахъ ихъ цинизмомъ и видимою безнравственностью, а отчасти и прѣвхавъ уже съ предубѣжденіемъ противъ этихъ людей, я въ первое время чувствовалъ себя какъ-то не ловко и на все смотрѣлъ подозрительно. Мнѣ даже казалось, что самыя жилища наши не слишкомъ безопасны отъ злыхъ умысловъ, и что неблагоразумно жить среди этихъ людей такъ беззаботно, какъ жили мои товарищи. Въ этихъ мысляхъ, меня еще болѣе укрѣпляло обращеніе съ ними рабочихъ. Они постоянно говорили въ глаза дерзости К—ну, и хотя слушали его, но всякое приказаніе исполняли не иначе какъ съ громкою бранью. Презрительно выслушивали они приказаніе А—ва и осыпали его градомъ насмѣшекъ, которыя были вдесятеро хуже брани. На меня не обращали ни малѣйшаго вниманія, и если я дѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе, то мнѣ отвѣчали съ обидною снисходительностью, точно желая сказать: „Ну полно! Куда ты лѣзешь? Не тебѣ учить насъ!“

Однажды, вечеромъ, товарищъ мой К—нъ, вынувъ бумажникъ и пересчитавъ деньги, бросилъ его, безъ всякой осторожности, въ уголъ балагана, и оставилъ тамъ, ничѣмъ не закрывъ его.

— Что вы такъ бросаете деньги? спросилъ я.
— А что? хладнокровно спросилъ К—нъ.
— Да долго ли до грѣха? За нашъ нарядъ поручиться нельзя.
— И, батюшка! отвѣчалъ онъ засмѣявшись. — Этого не украдутъ, не бойтесь. Деньги въ тайгѣ не нужны. Что въ нихъ толку? Первое ихъ мало, изъ такой бездѣлицы не стоить и рукъ марать; а второе, куда жъ съ ними дѣваться? Украдутъ, я и виду, пожалуй, не подамъ; а придетъ время, партію обыщу, да если найду у кого, такъ тотъ у меня только держись. Развѣ одно: сбѣжить. Нѣтъ, не выгодно. Заработка лишится, да и времени до разчета еще много. Вотъ тогда, пожалуй что и украдутъ... Нѣтъ, за деньги не бойтесь, успокоительно продолжалъ К—нъ. — Вотъ водка,

аль пашпортъ, ну это нужно крѣпче держать. Это вещи со-
блзнительныя. Плохо лежать, такъ *слямятъ*, проклятые,
не убережешься. Тутъ не долго и до бѣды. Каковъ часъ, да
каковъ гусь подвернется.

Одинъ случай особенно сблизилъ меня съ нашими рабочими.

Сдѣлавъ раза два замѣчанія относительно работъ, и видя,
что на нихъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія, я
рѣшился впередъ не вмѣшиваться въ занятія рабочихъ, пока
не выучусь дѣлу основательно и не пригляжусь къ шурфовкѣ.
А какъ насъ, при одномъ и томъ же, весьма не мудреномъ
дѣлѣ, было трое, то у меня, сверхъ занятій, оставалось много
свободнаго времени. Поэтому, отправляясь на работы, я
бралъ съ собой книгу.

Одинъ разъ, сидя на колодѣ, у огня, и углубившись въ
чтеніе, я не замѣтилъ какъ подошелъ ко мнѣ рабочій Иванъ,
и сѣлъ подлѣ.

— Чтò это вы читаете, сударь? спросилъ онъ:—церковную
или гражданскую книгу?

— *Отечественныя Записки*, отвѣчалъ я.—Ты, я думаю, не
слыхалъ о такой книгѣ?

— Гдѣ слыхать? Не слыхалъ! А должно-быть любопытная
книга. Какъ ни поглядишь, все-то вы читаете.

— Да, любопытная.

— Чтò же тутъ? Мудреное аль такъ шутки пишуть?

— Всего есть.

— Вотъ бы почитать. Да вѣдь поди-ка, не поймешь ни-
чего....—Онъ закурилъ трубку и продолжалъ:—А чтò, сударь,
у васъ можно попросить книгъ-то.... Дадите?

— Пожалуй. Да когда жъ ты будешь читать?

— Ну найдемъ время. Времени-то много.

— Хорошо. Къ вечеру я тебѣ выберу книгъ и принесу.

— Вотъ за это много благодарствуемъ.

Выбравъ нѣсколько нумеровъ *Отечественныхъ Записокъ*,
гдѣ были помѣщены разказы Даля, я вечеромъ отправился
въ балаганъ къ Ивану. Повидимому, онъ предупредилъ своихъ
товарищей о моемъ обѣщаніи, потому что едва я вошелъ,
какъ многіе радостно вскрикнули:—А вотъ и баринъ съ кни-
гами!...

— Ну вотъ и книги, любезный, сказалъ я Ивану,—читай!

— Покорно благодарю, сударь, отвѣчалъ Иванъ, затачивая
дратвой подошву бродней, которые онъ чинилъ.

— Ты, братъ, занять?

— Да воть обутки пообносились, починить нужно. А что же здѣсь читать-то, сударь? Все по порядку, аль вы укажете? спросилъ онъ, оставивъ свою работу и разсматривая поданный ему номеръ *Отечественныхъ Записокъ*.

— Я покажу тебѣ что читать. Вотъ напимѣрь это. — И я раскрылъ ему разказъ Даля: *Смерть*.

— Должно-быть хорошо-сь, да жалъ читать-то теперь некогда. Развѣ опосля? продолжалъ Иванъ.

— Брось бродни-то, Ванюха, отозвался одинъ изъ рабочихъ.

— Ну ихъ! Ты бы почиталъ, мы бы послушали.

— Охочь больно! Не бось, за меня не поработаешь. Завтра-то самъ въ обуви пойдешь, а мнѣ босикомъ что ли?

— Не почитать ли мнѣ для васъ, ребята? спросилъ я.

Многіе рабочіе подняли съ изумленіемъ на меня глаза. Имъ не вѣрилось, какъ это начальникъ ихъ, и вызвался позабавить ихъ.

— Много были бы благодарны, если бы ваша милость была, сказали многіе. — Да какъ же утруждать-то васъ?

— Ничего, я почитаю съ охотой. Вы занимайтесь своимъ дѣломъ, да слушайте. Только ребята устроите мѣста чтобы можно было сидѣть у огонька.

— Сейчасъ, сейчасъ, заговорили рабочіе, всакаявая съ своихъ мѣстъ, и бросаясь въ разныя стороны.

Принесли дровъ, чурбаковъ для сидѣнія, притащили мху, положили его на чурбаки, покрыли озямами, и сдѣлали что-то въ родъ мягкой постели.

— Ну вотъ и покойно, милости просимъ! Можно и сѣсть, и лечь, какъ будетъ угодно.

Мы усѣлись. Каждый занялся своимъ дѣломъ, а я принялся за чтеніе разказа *Смерть*. Въ это время пришли и изъ другахъ балагановъ нѣсколько человѣкъ, которые, тоже молча, заняли мѣста.

— Ну молодецъ! Вотъ умеръ, такъ умеръ! сказалъ одинъ, когда я кончилъ чтеніе. — Господи ты, Боже мой! чего это не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Славно же и расписали его, замѣтилъ другой.

— Ловко! Оказія какъ это складно пишуть!

— Хотите ребята, я вамъ еще что-нибудь прочту?

— Мы бы слушать-то рады. И на томъ спасибо, что одно прочитали. Да поди-ка вы устали?

— Ничего не усталъ, слушайте.

И я опять принялся за чтеніе.

Вдругъ въ балаганъ ввалился одинъ рабочій съ громкими пѣснями. Слушатели мои пришли въ страшное негодованіе, и сейчасъ же принудили его замолчать. Въ этотъ же вечеръ они, не шутя, разсердились и на К—на.

— Чтò это вы дѣлаете, сказалъ онъ входя въ балаганъ.— Читаете? Охота же вамъ трудить себя? Правда, и есть для кого! Думаете, будутъ они вамъ благодарны, али поймутъ? Ждите!

— Не бось только ты и понимаешь, отвѣчалъ съ нѣкоторою досадою одинъ изъ рабочихъ.

— Вишь какой выискался ученый! На поди! подхватилъ другой.

— Чтò не бось умнѣй насъ? Захотимъ такъ еще и тебя за поясъ заткнемъ.

— А знаешь ты поговорку, проговорилъ Иванъ,—у мужика кафтанъ сѣръ, да умъ-то не чортъ сѣлъ.

Насилу, насилу унялъ я расходившихся рабочихъ, которые успокоились лишь тогда, когда К—нъ успѣлся возлѣ меня, а я сталъ продолжать чтеніе. Однако люди долго еще, послѣ этого, косо глядѣли на К—на.

Такъ-то отыскалось и полезное, и пріятное занятіе. Эти литературные вечера скоро облизали и привязали насъ другъ къ другу. Я узналъ ближе моихъ рабочихъ, и вскорѣ мои предубѣжденія разсѣялись.

Нѣсколько вечеровъ сряду, читалъ я въ одномъ и томъ же балаганѣ. Однажды, придя утромъ на работы, я подошелъ къ артели, которая была изъ другаго балагана.

— За чтò ты сердишься на насъ? неожиданно сказалъ мнѣ одинъ изъ рабочихъ.

— Кто? я сержусь? не безъ удивленія спросилъ я. — Ты ошибаешься, другъ.

— А коли не сердишься, такъ чтò же читать все ходишь къ однимъ, а насъ обходишь? Аль думаешь, что тѣ умнѣе?

— Да развѣ вы этимъ обижаетесь?

— Еще бы? Будто мы и не люди! Подитко, не хуже другихъ. А тѣ и чужарятся. Думаютъ, что коли самъ-то отличаетъ, такъ умнѣй ихъ и въ партіи нѣтъ.

— Нѣтъ, ребята, я вами не пренебрегаю, а думалъ, что это все равно.

— Да вишь, оно не равно.

— Если вы хотите, сегодня же вечеромъ непременно придутъ къ вамъ.

— Приходи, сдѣлай милость, приходи. Мы те устроимъ не хуже другихъ. Пожалуста приходи, не забудь мотри.

Вечеромъ, они устроили для меня прекрасное помѣщеніе. Съ тѣхъ поръ, въ каждомъ балаганѣ, въ ожиданіи, когда придетъ самъ съ книгой, готовы были чурбаки для сидѣнья и дрова для костра.

Съ пріиска я досталъ сочиненія Пушкина, Жуковского, Даля, Тургенева, Кольцова, и другихъ книгъ. Сказки Пушкина, баллады Жуковского и *Конекъ-Горбунѣкъ*, составляли у насъ легкое чтеніе. Въ нѣкоторыхъ разказахъ Щедрина рабочіе находили сходство съ своею прежнею жизнью. За то Даль и Тургеневъ часто заставляли ихъ призадумываться. Многія пѣсни Кольцова были выучены наизусть. Словомъ, все шло хорошо.

Чрезъ мѣсяцъ, сдѣлавшись начальникомъ партіи, и разставшись съ моими товарищами К—мъ и А—мъ, я перебрался на другую систему пріисковъ, верстъ за полтора отъ главнаго пріиска на рѣку Н—бу. Въ моихъ отношеніяхъ къ рабочимъ ничего не измѣнилось, и вскорѣ они доказали мнѣ свою привязанность. Вотъ какъ было дѣло.

Мы вели жизнь кочевую, такъ какъ дѣль нашей командировки была развѣдка пріисковъ, давно уже заявленныхъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, я обыкновенно, какъ для того чтобъ имѣть возможность, заниматься, такъ и изъ желанія пользоваться въ тайгѣ хоть нѣкоторымъ комфортомъ, на всякой новой мѣстности строилъ себѣ, вмѣсто берестяного балагана, небольшую избушку. Постройка эта оканчивалась быстро, и незатѣйливый домикъ, при дружномъ содѣйствіи пятидесяти человѣкъ, выросалъ въ одинъ день. Однажды случилось, что перебравшись съ одного мѣста на другое, мы не могли достать по близости годнаго лѣса на тесъ, и моя избенка осталась къ ночи покрытою только на половину. Какъ на грѣхъ, въ этотъ же вечеръ, съ главнаго пріиска прислали мнѣ три ведра спирта, для раздачи порцій людямъ. Давъ рабочимъ по чаркѣ, я велѣлъ нарядчику завязать бочонокъ, приложить печать и поставить подъ мою кровать. Вечеръ прошелъ благополучно,

обыкновеннымъ порядкомъ, за исключеніемъ лишь того, что рабочіе мои были нѣсколько веселѣе обыкновеннаго. Чарка спирта, видимо, подѣйствовала на изнуренныхъ рабочихъ, которые давно уже не пили этого откупнаго нектара.

Въ четыре часа утра, я, по своему обыкновенію, взявъ чайникъ, чай и сахаръ, отправился на работы. Осмотрѣвъ и повѣривъ всѣ ли приказанія исполнены, я подошелъ къ одному изъ шурфовъ, у котораго пылалъ яркій огонь, усѣлся и принялся готовить для себя китайскую траву.

Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ рабочихъ.

— Я къ тебѣ, сударь, заговорилъ онъ какъ-то тихо и нерѣшительно.—Артель меня послала къ твоей милости.

Я посмотрѣлъ на него. Меня поразила робость и смущеніе, которыя были ясно видны на его красивомъ лицѣ.

— Что тебѣ нужно, Максимъ? спросилъ я.

— Да меня послала къ тебѣ артель, продолжалъ Максимъ, видимо превозмогая себя, и ободряемый приближеніемъ другихъ рабочихъ, тоже нѣсколько смущенныхъ.—Ты прогони отъ насъ Егора Грузина, или, тамъ, что хошь съ нимъ дѣлай а только здѣсь не оставляй.

Егоръ Грузинъ былъ малый лѣтъ двадцати восьми, красивый, бойкій, лучшій работникъ и первый въ цѣлой партіи запѣвало.

— Что вы ребята? За что? Вѣдь онъ лучшій работникъ въ своей артели. Сами знаете.

— Знать-то мы знаемъ, да Богъ съ нимъ! Ты ужь его, какъ хошь, прогони, продолжалъ депутатъ,—а то какъ бы съ нимъ грѣха не нажить.

— Какого грѣха? Что вы братцы?

— Да что тутъ долго толковать? отозвался нарядчикъ:—они, сударь, и мнѣ говорили о томъ же, и просили, чтобъ я доложилъ вашей милости: они говорятъ, что Грузинъ былъ сегодня у васъ въ балаганѣ и укралъ водки.

— Не можетъ быть!

— Мы знаемъ заподлинно, отозвался одинъ изъ толпы.—Сегодня цѣлую ночь онъ изъ чайника съ Денисомъ, да съ Грубовымъ спиртъ тянулъ. А гдѣ его у лѣшаго здѣсь въ тайгѣ возьмешь? Только у тебя и есть.

— Да ты его самъ спроси, сказалъ другой рабочій, — не бось, не запрется.

Во время этого разговора, съ шурфовъ подошла почти вся партія, кромѣ только той артели, въ которой работалъ Грузинъ.

— Да ты спроси самъ, а насъ въ грѣхъ не вводи. Намъ его не нужно, Богъ съ нимъ! слышалось въ толпѣ.

Я позвалъ Грузина. Онъ бойко и развязно явился въ кружокъ съ ломомъ въ рукѣ, поклонился мнѣ и какъ-то укоризненно обвелъ глазами толпу. Нарядчикъ тотчасъ же подошелъ къ нему.

— Дай-ка ломъ-то, Егорушка, сказалъ онъ, беря это оружіе изъ рукъ Грузина. Тотъ отдалъ безпрекословно, и только улыбнулся, посмотрѣвъ на нарядчика.

— Говорять, любезный другъ, сказалъ я,—что ты былъ сегодня у меня въ балаганѣ и взялъ водки. Правда ли это?

— Помилуйте, какъ это можно?... заговорилъ было Грузинъ, но толпа не дала ему кончить.

— Чтò запираешься! Говори ужь правду! Нечего врать! заговорили рабочіе.

— Полно, Егорушка, сказалъ артельный кашеваръ, выдвигаясь изъ толпы.—Говори лучше по-божески. Чтò врать-то? Себя не губи, да и насъ въ грѣхъ не вводи. Баринъ проститъ, мы попросимъ. Ужь коли ты выдали, значить, самъ знаешь, не резонъ запираяться. Опять же разсуди почему и выдали-то.

— Егоръ, спросилъ я, чтò это значить? Говори, правда ли? Онъ стоялъ потупившись и молчалъ. Казалось въ немъ происходила борьба. Вдругъ онъ поднялъ голову, молодецки встряхнулъ волосами и укоризненнымъ взоромъ обвелъ толпу.

— Эхъ вы братцы, братцы! тихо заговорилъ онъ:—выдали! Ну, да! продолжалъ онъ, махнувъ рукой и какъ бы съ ожесточеніемъ:—былъ у васъ, водку укралъ, два чайника налилъ и ночью все выпилъ.

— Зачѣмъ же ты сдѣлалъ это? спросилъ я Егора:—вѣдь ты знаешь, что я никогда не отказываю, если только есть водка. Ну хотѣлъ выпить, пришелъ бы, попросилъ!

— Правда-то правда. Ну да чтò дѣлать? Такъ случилось!

— Ты не будешь болѣе дѣлать такихъ штукъ?

Егоръ молчалъ.

— Чтò же не отвѣчаешь? Послушай: это твоя первая вина, и я прощу тебя условіемъ, чтобы ты велъ себя хорошо. Ступай теперь къ своему мѣсту.

Грузинъ поклонился и хотѣлъ было идти, даже улыбка появилась на его блѣдныхъ губахъ; но рабочіе не выпустили его изъ кружка.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала толпа:—отсылай Грузина на приискъ, отсылай! Мы съ нимъ вмѣстѣ быть не хотимъ. Отсылай, безпремѣнно отсылай, или мы сами уйдемъ.

— Полноте, ребята, успокоивалъ я,—ну одинъ разъ парень подурачился, такъ и быть! Онъ исправится. А главное, не будетъ водки, не будетъ и грѣха.

— Нѣтъ, сударь, какъ угодно, а вы отошлите его на приискъ, сказалъ кашеваръ. — Какъ бы намъ грѣха не нажать. Вы спроситетко, съ чѣмъ онъ былъ у васъ.

Грузинъ съ злобой посмотрѣлъ на говорившаго.

— Съ чѣмъ я былъ? проворчалъ онъ, стиснувъ зубы.

— Ну, да, скажитко, съ чѣмъ ты былъ?

Я съ разу-то и не догадался, въ чемъ дѣло.

— Чтò злишься? продолжалъ кашеваръ.—Сердитъ да не силенъ, вотъ чтò! Насъ братъ вѣдь много. Ты скажитка барину, съ чѣмъ ты былъ? настаивалъ онъ.

Смутная мысль мелькнула у меня въ головѣ.

— Неужели, Грузинъ, ты приходилъ ко мнѣ съ ножомъ? спросилъ я не безъ волненія.

Онъ молчалъ.

— Да говори же, братецъ. Все равно, продолжалъ я,—дѣло прошлое...

— Да какъ же иначе? тихо отвѣчалъ онъ.

— Для чего жь тебѣ былъ нуженъ ножъ?

— Какъ для чего? Извѣстно для безопасности. Вѣдь всяко бываетъ.

— И ты бы рѣшился зарѣзать меня? спросилъ я.

Онъ не отвѣчалъ ни слова, но сверкающіе глаза, стиснутые зубы и блѣдное лицо показывали, что при случаѣ, человѣкъ этотъ, не задумавшись, всадилъ бы ножъ въ горло.

Теперь мнѣ стало понятно, зачѣмъ нарядчикъ отобралъ ломъ изъ его рукъ, и почему толпа требовала такъ настойчиво его удаленія. Понялъ также я и то, что только крѣпкій сонъ спасъ меня отъ грозившей опасности, и что по какому-то счастливому обстоятельству спавшая у меня въ ногахъ очень чуткая собака не залаяла, когда Грузинъ, пробравшись въ избу, изволилъ распорядиться водкой. Оставлять подобнаго человѣка въ партіи было опасно. Онъ былъ

золь на рабочихъ, и Богъ знаетъ на что могъ бы рѣшиться. Я велѣлъ ему сейчасъ же собираться въ дорогу, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда отправить его на главный приискъ.

Грузинъ поклонился и хладнокровно пошелъ къ своему балагану. За нимъ, для наблюденія, отправились нарядчикъ и одинъ изъ рабочихъ. Партія успокоилась, разошлась по мѣстамъ, и работа пошла обычнымъ порядкомъ.

Потеря Грузина была особенно чувствительна для той артели, въ которой онъ работалъ. Для своихъ товарищей Грузинъ, по веселому живому характеру, былъ человѣкъ незамѣнимый; его шутки и прибаутки сокращали длинные часы тяжелой работы. Артель его состояла изъ шести человѣкъ молодыхъ парней, между которыми были двое работниковъ, на которыхъ нельзя было ни въ чемъ положиться. Это были его соучастники, Денисъ и Грубовъ, люди буйные, вѣчно всѣмъ недовольные и постоянно ссорившіеся со всѣми. Они давно наскучили какъ мнѣ, такъ и дѣлой партіи. Вотъ эти-то люди вздумали ходатайствовать за Грузина, но совершенно особеннымъ манеромъ.

Еще осталось часа два до обѣда, а обѣдъ у насъ въ тайгѣ былъ часовъ въ 11 утра.

Вдругъ я вижу, что на шурфѣ, гдѣ работали товарищи Грузина, всѣ люди выходятъ вонъ и складываютъ въ кучу свои инструменты. За тѣмъ вся артель подошла ко мнѣ.

— Что вамъ нужно, ребята? спросилъ я.

— Вы отправляете Грузина на приискъ? отвѣчалъ довольно грубо Денисъ, становясь впереди артели. Подлѣ него сталъ Грубовъ; остальные находились въ некоторомъ отдаленіи.

— Отсылаю.

— Когда же?

— Сегодня послѣ обѣда.

— Оставьте его.

— Нельзя, да и вся партія этого не хочетъ.

— Что вамъ смотрѣть на партію? Мало ли чего они захотятъ? Вы только слово скажите, онъ и останется.

— Да я и самъ не хочу, чтобъ онъ былъ здѣсь. Пусть идетъ.

— Если вы пошлете Грузина на приискъ, мы работать не станемъ. Вотъ и все.

— Мы такъ рѣшили, прибавилъ Грубовъ.

— Ну такъ что же! отвѣчалъ я:—если не будете работать, такъ сегодня же уйдете на приискъ.

— Да вѣдь мы не одни, насъ шестеро, улыбнувшись отвѣчалъ Денисъ.— Всѣхъ не ушлете, много будетъ. Что объ васъ подумаютъ?

— Хоть бы васъ было двадцать, сейчасъ же всѣхъ вышлю. Вы не желаете работать, а хотите идти на пріискъ? продолжалъ я, обращаясь, помимо Грубова и Дениса, къ остальнымъ рабочимъ.

Тѣ, предоставивъ дѣло своимъ вождямъ, не приготовленные къ этому вопросу, видимо замялись. Денисъ поспѣшилъ на выручку.

— Извѣстно хотятъ, коли пришли къ вамъ. Что и спрашивать?

— Не съ тобой говорятъ, строго сказалъ я.— Ну что же, вы хотите идти?

— Хотимъ, былъ отвѣтъ.

— Хорошо, ступайте. Ей, Дубровинъ! Сведи ихъ въ балаганъ и сдай нарядчику. Вели отобрать инструменты, и всѣ казенныя вещи. Да чтобъ она были черезъ два часа готовы къ отправкѣ. Ступайте, приготовляйтесь. Ну, что стоите?

Работники тихо пошли за Дубровинымъ. Они видимо смутились, вовсе не ожидая подобнаго рѣшенія. Цѣль ихъ была только испугать меня: мнѣ приходилось вдругъ послать на пріискъ семь человекъ; этимъ я ослаблялъ партію, и могъ навлечь на себя подозрѣніе, что не умѣю обращаться съ людьми. Но они ошиблись въ разчетѣ, и рѣшеніе мое было имъ не по нутру. Особенно солоно пришлось имъ за обѣдомъ отъ остальныхъ рабочихъ, которые, зная цѣль ихъ заговора и видя ошибку, не скупились на насмѣшки.

Грузинъ, получивъ отъ меня въ главную контору, бумагу въ которой ничего не было сказано о его подвигѣ, былъ веселъ, шутилъ и смѣялся. Работники были съ нимъ ласковы, а о прошломъ не было и помину. Грубовъ и Денисъ не унывали; они, повидимому, надѣялись, что я измѣню свое рѣшеніе, и на шутки и насмѣшки рабочихъ, отвѣчали грубостями и бранью. Остальные четверо были печальны, задумчивы и ничего не говорили.

Досада Дениса и Грубова еще болѣе увеличилась, когда послѣ обѣда рабочіе, точно съ какимъ-то удовольствіемъ, начали помогать имъ укладываться. Оба они выходили изъ себя, а толпа хохотала. Дѣло едва не дошло до драки.

Наконецъ наступилъ часъ разлуки. Грузинъ ласково про-

стился съ своими товарищами, даже съ кашеваромъ и нарядчикомъ. Люди отвѣчали ему тѣмъ же, и разставались съ нимъ какъ будто съ сожалѣніемъ.

— Ну, прощай Егорушка! Прощай, голубчикъ! слышалось повсюду.

— Прощайте, ребята! не поминайте лихомъ, сказалъ Егоръ, и съ котомкой за плечами подошелъ ко мнѣ. — Прощайте, сударь, сказалъ онъ, снимая шапку. — Извините, что я огорчилъ васъ. Ну, простите! Худо сдѣлалъ, знаю. И не хотѣлось бы мнѣ идти на приискъ, да что дѣлать!

— Зачѣмъ же дѣлалъ, когда знаешь, что худо?

— Да что ужъ? Такъ видно и умереть придется. Видите, сударь, воровать съ-измала рука наторѣла. Знаю, что вы бы не отказали.... Поди-ка, и на прощаньи чарочкой-то не обидите..... А краденая все какъ будто слаще.

Я улыбнулся неожиданному заключенію его рѣчи, и велѣлъ подать стаканъ водки.

Грузинъ держалъ стаканъ въ рукѣ, когда подошли остальные шестеро, но безъ котомокъ. Егоръ посмотрѣлъ на нихъ съ улыбкой.

— Ну, что скажете, дурачье, неожиданно заговорилъ онъ, обращаясь къ пришедшимъ. — Прощаться пришли? Молодцы, право, молодцы! Жаль меня стало.... Ай, да ребята! Вотъ спасибо! — И онъ засмѣялся. — Эхъ, вы болваны, болваны! Что я вамъ, братъ аль свать? Чего разжалобились? То ль здѣсь не житье? Ну, да ладно! пойдѣмте, пойдѣмте, дѣточки! Живо представлю.

Толпа рабочихъ, окружавшая Грузина, захохотала. Денисъ и Грубовъ разсердились.

— Эхъ ты, чортовъ зубоскаль. Чтобъ тебя язвило! отвѣчалъ ему съ злобой Грубовъ, сжимая кулаки: — мы за него, а онъ вонъ какъ поетъ.

— Варнакъ проклятый, сказалъ Денисъ: — дружба въ тебѣ нѣтъ.

— Да вѣдь я не просилъ тебя хлопотать, отвѣчалъ Грузинъ: — вчера вмѣстѣ пили. Кончили и ладно. Молчали бы, благо остались. А то нѣтъ! туда же за мной! Ну, да ладно, ладно! Пойдемте, доставлю въ цѣлости и сохранности. За ваше здоровье, прибавилъ онъ комически, кланяясь Грубову и Денису. — Дай Богъ намъ счастливаго пути, ладу да согласія.

Толпа снова захохотала; Грубовъ и Денисъ пуще разсердились.

— Да нѣтъ же, шалишь, зубоскаль проклятый, отвѣчалъ Денисъ,—не удастся тебѣ смѣяться надъ нами. Мы всѣ сюда пришли извиниться, что за дурака вступились; другой разъ умнѣе будемъ. Простите сударь насъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—виноваты! Болѣе не будемъ, простите!

То же подтвердилъ Грубовъ. Прочіе молча кланялись.

— Такъ вы уже передумали идти? спросилъ я, обращаясь, помимо Дениса и Грубова, къ рабочимъ.

— Простите, виноваты, не отсылайте насъ, слышалось отъ нихъ.

— А за чѣмъ же вы такъ сдѣлали?

— Да вотъ, они подбили, отвѣчали рабочіе, кланяясь и показывая на своихъ депутатовъ.

— Ну, хорошо! Я васъ прощаю, съ условіемъ впрочемъ, что впредь подобной штуки не будетъ, сказалъ я, обращаясь къ четыремъ рабочимъ, и тѣ поклонились:—Теперь ступайте по своимъ мѣстамъ. А вы, Денисъ и Грубовъ, отправляйтесь на приискъ. Вы мнѣ не нужны.

— За что же? Мы не хотимъ, не пойдемъ! отвѣчали они.

— Вы сейчасъ же отправитесь! Берите ваши котомки, и маршъ въ дорогу. Если же котомки ваши не готовы, то я васъ вышлю и безъ нихъ, а конюхъ привезетъ ихъ послѣзавтра, вмѣстѣ съ письмомъ о вашемъ поведеніи. Ступайте!

— Ну, пойдемте, пойдемте, дѣточки! Такъ мнѣ будетъ веселѣй, подсмѣивался Грузинъ:—гуртомъ дешевле станетъ.

Толпа смѣялась.

— Чтобъ тебѣ лопнуть, зубоскаль, варнакъ! заговорили Грубовъ и Денисъ удаляясь.

Долго еще слышалась ихъ брань, и хохотъ рабочихъ. Нѣсколько разъ приходили они просить прощенія, но несмотря на всѣ просьбы и убѣжденія, Грубовъ, Денисъ и Грузинъ въ тотъ же день, въ сопровожденіи конюха, который долженъ былъ довести ихъ до перваго зимовья, отправились на главный приискъ.

Въ этотъ вечеръ, общимъ предметомъ разговоровъ былъ поступокъ Грузина и поведеніе партіи въ отношеніи къ нему.

— Ну, одначе, счастливо прошло, говорилъ Дубровинъ.

— Да не всякому же довѣренному и выдадутъ своего. Слушайся-ка такая оказія съ К—мъ, не сказали бы.

— Отчего же?

— Да такъ, собачливъ больно! Опять же опасно. Онъ бы, пожалуй, на приискъ отписалъ; вотъ бы и худо было.

— Однако если бы Грузинъ зарѣзалъ меня или другого, вамъ бы худо было.

— Кто говоритъ? Кабы онъ ножъ въ дѣло пустилъ, ну бѣда бы! Тогда, известно, бѣги аль что другое дѣлай. Ну да Богъ миловалъ! Одначе выдали же. А прошло бы такъ съ К—мъ, какъ съ тобой, не сказали бы. Вишь строгъ больно К—нъ; у него, кажись, ничего и христіанскаго-то нѣтъ. Отъ него, братъ, ласковаго слова не услышишь: все только и глядитъ, какъ бы облаять да обругать. Человѣкъ-то у него, что твоя скотина, все единственно.

— Ну да вѣдь это все до поры до времени, замѣтилъ другой; — попадется же.

— У насъ счетъ коротокъ. Въ лѣсу и расправа въ кусту, подхватилъ одинъ рабочій:—нѣтъ, нѣтъ, а тамъ и сами пощупаемъ, каковы то-есть ребра.

— Слыхалъ ты, какъ выучили въ прошломъ году на приискѣ довѣреннаго С—ва?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Хоть, мы те расскажем?

— Пожалуйста.

— Ну, такъ вотъ этотъ С—въ больно ужъ ярый и гордый парень. Нашего брата знать не хочетъ, за ничто считаетъ. Да окромя того, и драться больно охочъ; такъ и норовитъ по зубамъ съѣздить. Это все бы ничего; кабы онъ дѣло зналъ, все бы сносно, а то ни бельмеса не смыслить; все за нарядчика держится, а насъ коритъ. Что вы, говоритъ, такіе-сякіе; вы, говоритъ, мошенники, дѣлай что велятъ, разсуждать не смѣй. Я, говоритъ, старшій. Довѣренный, значитъ, самъ хозяинъ. Вотъ и надоѣлъ онъ намъ. Стали ребята поговаривать, какъ бы это его поучить, то-есть такъ маленько попугать. Сидитъ это онъ разъ у стѣны въ разрѣзѣ, сидитъ да трубочку курить. А дѣло-то было подъ вечеръ. Варугъ, сверху, надъ самою его головой и сорвисъ глыбина, да и покатись прямо на него. Не много, не много, тутъ бы ему и карачунъ. Да какъ-то, на ту пору, счастливъ былъ, перелетѣла черезъ него. Знать за что-то зацѣпилась; только ногу немного помзла.

— А случайно упала эта глыбина?

— Не то чтобъ больно случайно, а такъ. Былъ, вишь ты,

я близко и видѣлъ,—что грѣха таить?—пришли, это, двое, да ее и отшибли. Почитай и всѣ это видѣли, иначе не сказали же.

— Такъ и не нашли виновныхъ?

— Эка ты ловкій! Нашли! Гдѣ тамъ? Руки, ноги никто не оставилъ. А мы всѣ по мѣстамъ были, самъ С—въ видѣлъ. Поспрашивали, спрашивали, да такъ и бросили.

— Что жъ послѣ этого С—въ?

— Да что? Не унялся, еще хуже сдѣлался. Нагайкой завелся, такой аспидъ! Ко всѣмъ сталъ приставать, да придирается; значить, во всѣхъ враговъ видѣлъ. Ну опять проучили. Пришелъ это онъ одинъ разъ въ забой, сталъ браниться да приставать. Надоѣлъ всѣмъ. Ну, ладно! Повернулся онъ, то-есть идти хотѣлъ. Вдругъ какъ въ забой-то закричатъ, да заукаютъ! Онъ и шагу не отошелъ, какъ въ него начали кидать камни, гальку, землю, и все что ни попало. Адъ поднялся такой, что ну да на! Обернулся С—въ, хотѣлъ, значить, поглядѣть, кто въ него бросаетъ, а тутъ одинъ и угодилъ ему грязью, да прямо въ рожу. Ну и заслѣпилъ. Тутъ бы ему плохо пришлось, да на шумъ казакъ подвернулся. Выручилъ.

— Ну, что же, и тутъ не оказалось виноватыхъ?

— Не оказалось. Мы, молъ, работали, на своихъ мѣстахъ были, и урка выработана; а развѣ кто сверху бросалъ, такъ о томъ неизвѣстны. Такъ и отдѣлались.

— А ты былъ тогда въ забой?

— Какъ же? Былъ.

— Бросалъ?

— Да что-то не припомню....

— Гдѣ же теперь этотъ С—въ? Я о немъ не слыхалъ.

— Перешелъ въ другую компанію, да и тамъ, слышь, не почастливилось. Тамъ еще хуже: съ разрѣза сбросили. Шибко расшибся, да цѣлое лѣто и пролежалъ.

— Однако, вотъ К—на вы хоть и не любили, а съ нимъ ничего такого не случилось.

— То особъ статья. Этотъ точно собака; ужъ онъ тя облаетъ, оборветъ, да за то парень простота. Опять, онъ те слово, а ты и самому отвѣтишь: ничего. Въ зубы онъ те не лѣзить, и въ казачью не тянетъ, самъ не заносится, не попрекаетъ. Да вѣдь и то сказать, дѣло-то онъ знаетъ. Собаку съѣлъ. Съ такимъ довѣреннымъ и работать вольготнѣй. Споро все идетъ. А брань не камень, на вороту не виснетъ.

— Ну да опять же, сказалъ другой рабочій, — съ нимъ и денегъ много выработаешь. Заработокъ хорошъ. Все хватить чарки на двѣ лишнѣхъ. Вотъ и ладно.

— Ну, на этотъ счетъ лучше Т—ва нѣтъ. Коли нанялся къ нему, такъ знай, что съ деньгами выйдешь.

— Только собака человекъ, замѣтилъ рабочій.

— Что правда, то правда! Такого собаки поискать. Этотъ не въ примѣръ хуже К—на. Главное, хозяинъ: что ты съ нимъ подѣлаешь? Съ нимъ, братъ, не много разговоришься; у него расправа коротка. Аль въ казачью, аль вонъ съ приска съ пустыми руками. За то на расчеты куда хорошъ!

— Да у него, братъ, и не обидно. Достается всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Служащихъ-то не лучше насъ ругаетъ; небось, онъ ихъ по головкѣ не гладитъ. Какъ пойдетъ по своему толковать: ту, ту, ту, да очки поправлять, такъ только держись.

— Ну, парни! бывалъ я у него на прискахъ, сказалъ одинъ изъ рабочихъ:—вотъ ужъ разъ потѣшился. Животики надорвалъ отъ смѣху, какъ это онъ довѣреннаго изъ-подъ кровати за ноги вытащилъ.

— Что ты? спросили другіе.

— Право слово! Да что потомъ и хохоту было! Вишь, прослышали служаціе, что самъ куда-то уѣхалъ. Вотъ и пришли они, этакъ, передъ обѣдомъ, въ свои комнаты, покурить да позакусить, а до конца работъ еще часа два оставалось. Т—въ не больно-то любить, чтобъ у него съ работъ уходили. Пошелъ я за обѣдомъ, на ту пору въ прислугахъ былъ, а Т—въ, какъ на грѣхъ, тѣмъ же часомъ и воротись, да прямо по работамъ и отправься. Видить, нѣтъ служащихъ; онъ къ нимъ въ казарму. Тѣ, какъ только увидали его, такъ и дали стрѣчка, кто куда повыскакалъ. Остался одинъ. Бѣжать-то, вишь, ему нельзя было: онъ сапоги снялъ, да хотѣлъ перебутъся. Думалъ, думалъ, куда дѣваться: взялъ да подъ кровать и залѣзъ. Лежить. Пришелъ Т—въ. Что твоя собака комнаты обнюхалъ. Слышитъ табакомъ пахнетъ, ну и дымно больно; значитъ были люди, да ушли. На ту пору прихожу я съ миской. „Что, говоритъ, здѣсь были довѣренныя?“ Не знаю, молъ, сударь, въ кухнѣ былъ никого не видѣлъ... „Ну, ну, ну! Врешь каналья“, а самъ все оглядываетъ, да обнюхиваетъ. Вотъ и увидѣлъ онъ, торчатъ изъ-подъ кровати ноги. „А, говоритъ, такъ вотъ гдѣ, говоритъ, голубчикъ, ну-ка вылезай,“ да за ногу и потянулъ... Что тому дѣлать? Полѣзъ онъ изъ-подъ кровати

задомъ, а Т...въ стоитъ да палкой его и тычетъ, да все приговариваетъ: „ай да довѣренный, славный довѣренный! А каково, говорить, дѣло идетъ.“ А тотъ вылѣзть не можетъ: и стыдно-то ему, и неловко. Ужь потомъ онъ ему голову-то мылилъ, мылилъ! Не приведи ты, Господи, какъ досталось! Пришелъ это онъ въ разрѣзъ, красный какъ ракъ, а тамъ хоту-то, хохоту...

— Ну что жъ онъ сдѣлалъ съ довѣреннымъ?

— Да ничего. Слышь, потомъ еще и награду далъ. Вотъ человѣкъ!

Наши шурфовки шли неудачно. Уже много было пробито шурфовъ, а золота все не отыскивалось. Это уже становилось досадно.

— Ну, сударь, у насъ сегодня непременно золото пойдетъ, въ одно утро сказалъ мнѣ промывальщикъ.

— Эту пѣсню я, братъ, давно слышу, да все толку нѣтъ.

— Сегодня безпремѣнно будетъ, увѣренно отвѣчалъ промывальщикъ.—*Самъ* приходилъ ночью.

— Кто такой? спросилъ я.

— Какъ кто? Извѣстно, хозяинъ!

— Какой хозяинъ? Ничего не понимаю.

— Эхъ, баринъ! Развѣ не знаешь, что у пріисковъ есть хозяинъ? Духъ, значить. Вотъ онъ сегодня приходилъ сюда, мы его съ Дубровинымъ въ очію видѣли.

— Это что за вздоръ?

— Ты, вѣдь, не вѣришь! Ну, гляди, золото найдемъ. Безпремѣнно найдемъ? Да вѣдь какъ же я и видѣлъ его! Чудное дѣло! Это мы съ Дубровинымъ поздно ночью вышли изъ балагана; вдругъ, смотримъ, точно у важгерта кто-то копошится. Я и говорю Дубровину: кто это, молъ, тамъ? Не знаю, говорить. Подумали рабочій какой ни есть вышелъ. Немного погодя, смотримъ, а отъ важгерта идетъ къ намъ человѣкъ въ рубахѣ, штанахъ, шляпѣ, какъ есть Русскій. Въ одной рукѣ у него ведро, а въ другой щетка, да гребокъ. Близехонько прошелъ мимо насъ. Мы еще посмотрѣли: незнакомый, какъ есть, незнакомый. Насъ страхъ розобралъ. Прошелъ онъ мимо, да въ кусты, а тамъ и пропалъ. Право слово!... Вы, сударь, не вѣрите... А вотъ ужъ увидите.

Дѣйствительно, къ обѣду въ шурфѣ показалось золото. Промывальщикъ торжествовалъ.

— Ну что, сударь? Теперь, небось, вѣрите, что горный не даромъ приходилъ.

— Штукаръ же, братъ, вашъ горный. Что же онъ добрый или злой духъ?

— Добрый, очень добрый. Пакости никогда не дѣлаетъ и зла не хочетъ. Слышали, что онъ сдѣлалъ у М—а на приискахъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А вотъ видите ли, тамъ ортами работали. Иначе золото взять нельзя. Слышатъ это разъ рабочіе, что изъ сосѣдней орты кричитъ нарядчикъ: „выходи, ребята, наверхъ!“ Было еще рано; рабочіе и подумали, что они ослышались. Остались, да и работаютъ себѣ. Вдругъ кричитъ имъ въ другой разъ и тѣмъ же голосомъ: „говорятъ вамъ, выходи наверхъ!“ Слышали это всѣ. Оглянулись, никого нѣтъ. Окликнули нарядчика по имени, не отзывается. Ну, подумали, значитъ не нашъ, коли не отзывается; стали опять работать. Вдругъ въ третій разъ закричалъ того громче, да таково сердито: „вамъ ли говорятъ, бери инструменты да ступай скорѣе вонъ.“ Показалось это въ диковину рабочимъ, никого нѣтъ, а имъ велятъ уходить. Ну въ этотъ разъ послушались, взяли да и ушли. Только что они вышли, какъ вдругъ сзади ихъ земля-то и обвалилась. Останься еще; всѣхъ бы придавило.

— Да быть можетъ нарядчикъ самъ видѣлъ, что дѣло плохо, вотъ и велѣлъ выйти.

— То-то и есть! Шутка-то и вышла мудреная! Вышли рабочіе; обыкновенно, ихъ и спрашиваютъ: „кто велѣлъ работы бросить?“ Говорятъ, нарядчикъ Александръ Яковлевъ. Хватились его, а онъ лежитъ пьянехонекъ. Диву дались тогда. Кому же быть какъ не горному?

— Мудреная штука!

— Да вотъ же опять, у Р—ва, тоже шурфовала партія. Шурфовали, шурфовали: нѣтъ золота да и только. Что ты будешь дѣлать? Бросить и приискъ-то хотѣли. Вотъ разъ рабочіе копаютъ шурфъ: глядь, а по прииску идетъ самъ хозяинъ, то-есть Р—въ, одинъ-одинехонекъ. Подошелъ къ нимъ, поздоровался, какъ слѣдъ; тѣ поклонились. Ну, что, ребята, спрашиваетъ, каково золото? Да нѣтъ, говорятъ. Ступайте, говоритъ, я вамъ мѣсто покажу. Бери инструменты. Известно: взяли, пошли. Отвелъ онъ ихъ съ полверсты выше. Вотъ здѣсь, говоритъ, закладывайте. Заложили. Хозяинъ посмотрѣлъ, да и ушелъ себѣ. Въ ту пору

при партіи былъ одинъ нарядчикъ, а довѣренный куда-то въ гости уѣхалъ. Пріѣзжаетъ онъ это на другой день. Видитъ не тамъ работы стоятъ гдѣ слѣдовало, взбѣсился. Что, говоритъ, это значить, кто приказалъ? Такъ и такъ, говорятъ, хозяинъ велѣлъ. Что вы врете? Да хозяинъ еще позавчера уѣхалъ въ Енисейскъ. Не знаемъ, говорятъ, а только онъ самъ здѣсь былъ и работы показалъ. Сталъ это довѣренный ругаться; думалъ, что его обманываютъ, хотѣлъ было и работы остановить. А въ ту пору пробу нарядчикъ взялъ: промыли, оказалось золото... Ну, что, баринъ скажешь, кто жъ былъ замѣсто хозяина. А? какъ думаешь?

— Не знаю.

— То-то же не знаю!

Однако этотъ визитъ горнаго духа казался мнѣ очень подозрительнымъ. Я думалъ, нѣтъ ли обмана со стороны промывальщика? Не подсыпалъ ли онъ золота въ шурфъ, изъ желанія ободрить меня и пріохотить къ шурфовкѣ, замѣтивъ, что я начинаю скучать отъ бесполезной и неудачной работы? Не высказывая ему этой мысли, я вздумалъ повѣрить дѣйствительно ли золото показалось? И вотъ, когда Шиманскаго не было, я самъ спустился въ глубину шурфа, самъ наложилъ пробы въ ведра, при мнѣ унесли ихъ на вагтертъ, и я промылъ нѣсколько пробъ своими руками. Во всѣхъ оказалось золото; сомнѣніе разсѣялось. Мало того, къ вечеру попались два порядочные самородка.

Промывальщикъ замѣтилъ мое недовѣріе.

— Ну, сударь, увѣрились, что золото есть? спросилъ онъ.

— Увѣрился.

— То-то же! Я вѣдь не солгу, да и горный не даромъ приходилъ. А вѣдь вы не вѣрили?

— Точно, братъ не вѣрилъ.

— Думали, что я подсыпалъ?

— Думалъ.

— Эхъ, сударь! Если бъ я васъ захотѣлъ обманывать, такъ давно бы обманулъ. Хочу, золото будетъ; не хочу, спущу такъ что вы и не увидите.

— Ну ужъ будто за тобой и углядѣть нельзя? Спустишь, подыму хвосты, найду.

— Ничего не найдете. Хотите, для примѣра, промою?

— Пожалуй.

— Ну кладите счетомъ золотины.

Я положилъ въ ведро восемь золотинъ. Въ первый разъ Шиманскій вымылъ именно столько, а во второй разъ золота не оказалось. Я поднялъ хвосты, золота не было.

— Ну что, сударь, есть золото?

— Нѣтъ. Гдѣ же оно?

— А вотъ,—и онъ поднявъ ногу, снялъ съ подошвы своихъ бродней кусокъ раздавленной мясники: въ ней были всѣ восемь золотинъ. Конечно, онъ могъ это сдѣлать только съ такимъ новичкомъ, какъ я.

— Когда жъ ты успѣлъ стянуть?

— А когда пробивалъ. Видите, не усмотрѣли, а кажется глядѣли въ оба. Да то ли еще можно сдѣлать? Я вамъ разкажу вотъ какую штуку. У Ло—на, на приискѣ былъ старый промывальщикъ, ловкій такой что чудо. Тотъ разъ объ закладъ ударился, что украдетъ съ важгерта самородокъ, и укралъ. Да еще какъ? Трое смотрѣли!

— Это какъ же?

— Да вотъ также! Сами вызвали его на это; стали говорить, что замѣтятъ. А онъ говоритъ: нѣтъ, коли хотите, не то что золото спущу, а самородокъ стяну и того не увидите. И уговорились они, коли не замѣтятъ какъ онъ спуститъ, такъ три рубля дадутъ, да стаканъ водки. Хорошо. Положили тоже счетомъ золотины, небольшой самородокъ бросили. Сталъ онъ мыть, тѣ въ оба смотрѣли. Моетъ себѣ промывальщикъ и къ важгерту не наклонится. Промылъ, сталъ отбивать. Присѣлъ на важгертъ, отбилъ. Золотины тутъ, а самородка нѣтъ! Довѣренныя были васъ догадливыя: покажи, говорятъ, бродни. Показалъ: нѣтъ. Ну постой, говорятъ, мы хвосты подыめъ. Какъ молъ, знаете; ваше дѣло. Стали они подымать хвосты, а промывальщикъ попросилъ у другаго товарища табачку. Понохиваетъ, да посмѣивается. Ну промыли и хвосты, — нѣтъ самородка. Оказія! куда дѣвался? Бились, бились не могли найти. Ну что говоритъ, нашли? Нѣтъ. Значить, я выигралъ? Выигралъ. Ну такъ деньги давайте. Дали что обѣщали. Ну, теперь, говорятъ, гдѣ же самородокъ, покажи? А вонъ, говорить, у него въ табатеркѣ. Да и показываетъ на товарища у котораго табакъ-то нюхалъ. Тамъ и нашли. Вотъ поди жъ ты!

— Да, ловко. Какъ же такому плуту мыть позволяютъ! Онъ пожалуй вздумаетъ, да все золото будетъ спускать.

— Нѣтъ зачѣмъ же? Оно выгоднѣй какъ больше золота

промоешь, больше заработокъ. Прежде, такъ пожалуй ловкій промывальщикъ бывало стянетъ порядкомъ и деньгу нажить; а теперь нѣтъ. А то вотъ еще разъ съ М—мъ тоже подшутили. Хвасталъ все старикъ, что его не надуютъ, что онъ все самъ знаетъ да видитъ. Ну и ладно. Разъ пришелъ онъ это къ важгертамъ, да и сѣлъ, а возлѣ себя банку съ золотомъ положилъ и говоритъ смѣхомъ (добрѣйшая была душа): „вы, говоритъ, смотрите, мошенники, мойте хорошенько, самъ буду за вами смотрѣть. Золота не спущать, всякую золотину осматривать, ни одной не прогляжу.“ Улыбается это крайній-то промывальщикъ. „Помилуйте говоритъ, за чѣмъ спущать? Заподлинно будемъ мыть какъ передъ Богомъ.“ Ну и моютъ. Сидитъ старикъ да смотритъ. Балагуритъ еще. Промыли золото, подсушили; въ банку нужно сыпать. Старикъ хватъ, анъ банки-то и нѣтъ. Туда-сюда; нѣтъ, какъ нѣтъ; а ужъ тамъ фунтовъ пятнадцать золота было. „Чего сударь ищете?“ говоритъ крайній-то промывальщикъ, а самъ посмѣивается. „Да золото“, говоритъ. „Вотъ, когда хватились! Сами“ изволите видѣть: промыли начисто, только банку пожалуйте.“ „Ахъ вы, говоритъ, черти, дьяволы, головорѣзы: банку-то и украли!“ „Неужто!“ говоритъ промывальщикъ, и самъ будто удивляется: „а вѣдь еще, ваше почтеніе, говорили, что золото не проглядите?“ „Чтò, братъ, дѣлать! Проглядѣлъ. Ну, говоритъ, бестіи, перехитрили, отдайте же.“ „Да мы, говорятъ, знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ кто взялъ“, а сами смѣются. Потомъ стали съ него же за золото выкупъ просить: коли, говорятъ, денегъ да водки дашь, представимъ. Засмѣялся старикъ; иначе видить дѣлать нечего, денежки отсчиталъ, и банку назадъ получилъ. Ни единой золотины изъ нея не вынули. А такъ, значитъ, пошутили. Потомъ старику самому любо стало, что его такъ надули. Славный былъ старикъ.

— Кто жъ у него укралъ банку?

— Кто? извѣстно промывальщики. Вотъ какой народъ!

(До слѣд. №.)

К. ЗОЛОТИЛОВЪ.

СИБИРСКАЯ ТАЙГА¹

III.

Однажды съ главнаго прииска, вмѣстѣ съ провизіей, получилъ я и почту, въ которой, между письмами, была бумага отъ Ар—ской военно-судной комиссіи съ запросомъ, правда ли что сданный мною въ рекруты дворовый человѣкъ Федоръ Ильинъ, находясь еще у меня въ услуженіи, укралъ изъ моего дома ружье и имъ, какъ онъ показалъ, убилъ какого-то крестьянина. Федоръ судился уже за второй побѣгъ.

Меня удивило это показаніе. Никогда изъ моего дома ружья не пропадало, да и Федоръ, несмотря на то что былъ дурной нравственности, никогда бы не рѣшился на подобное злодѣяніе. Я не могъ понять, что за охота пришла человѣку взводить на себя небывалое преступленіе? Этотъ вопросъ я задалъ своимъ работникамъ.

— Пришла, значить, охота выбратъся изъ военной службы, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Неловко только выдумалъ. Знать новичокъ, подхватилъ другой, который носилъ (какъ значилось и въ паспортѣ) имя Лукьяна, безъ всякаго другаго прибавленія.

— Все-таки я ничего не понимаю.

— А вотъ вишь ты: за второй побѣгъ пройдетъ онъ по зеленой улицѣ, а все же останется въ военной службѣ. Ему же, знать, служить надоѣло и хочется попасть въ арестантскія роты. Вотъ онъ и взвелъ на себя.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ*, № 1.

— Да что жь ему за расчетъ идти въ арестантскія роты?

— Какъ же не расчетъ? Оттоля можно совсѣмъ на волю попастьъ.

— Какимъ образомъ?

— Да какъ? всяко. Коли есть рука, аль знакомство какое, ну стрекнуть можно, и пожить въ волю, коли Богъ грѣхамъ потерпитъ. А то, пожалуй, и сюда угодить.

— Будто это и можно?

— Еще бы! Только денегъ нужно. Сдѣлаютъ тебя больнымъ, аль неспособнымъ, и пошлютъ въ Сибирь на поселеніе. Ну, извѣстно, здѣсь привольнѣй.

— Однако это далекій расчетъ.

— Да что дѣлать? Близко ли, далеко ли, а все же будетъ на волѣ, не то что подъ началомъ. Да это что? Другой разъ въ партіи именами мѣняются, аль тамъ судьбой своей. Кому въ каторгу, тотъ на поселеніе попадетъ; а кому на поселеніе, тотъ въ каторгу.

— Не можетъ быть? Что жь за охота добровольно въ каторгу идти?

— Да вотъ, кажись, что бы за охота? А бываетъ! И тутъ, значитъ расчетъ дѣйствуетъ. Другому-то на поселеніе показаться нельзя, бываль ужь! Признаютъ, такъ бѣда будетъ, ну а у него виды есть. Съ каторги вывернуться думаетъ.

— Однако подлогъ могутъ узнать?

— Гдѣ узнать! Этакое дѣло не скоро дѣлается. Сперва человека нужно найдти, чтобъ онъ и примѣтами схожъ былъ да согласился бы съ тобой. Уговоръ долговъ, а перемѣниться живо можно. Коли сговорились, по рукамъ ударили, ну на первой перекличкѣ назвался другимъ именемъ и баста. А выдать не кому. Конвой партію счетомъ приметъ, счетомъ и сдастъ. Пока ведутъ съ этапа на этапъ, солдаты всѣхъ не узнаютъ. А товарищамъ, что за нужда! Кто куда хошь туда и иди.

— Но каторжные заклеимены, а поселенцы нѣтъ.

— И это не важность. Пятнышки вывести нетрудно, на это мы ловки, да опять же они и не больно примѣтны.

— Однако самъ перемѣнившійся можетъ раздумать, да отказаться.

— Ну ужь этого сдѣлать не могу! Ты думай сперва

сколько хоть, это твое дѣло, и ряду назначай какую знаешь,—вѣдь такія дѣла даромъ не дѣлаются, — а ужь коли слово сказалъ да по рукамъ ударилъ,—шабашъ, на попятный не смѣй и думать. За этимъ вся партія строго смотритъ. Вѣдь тамъ товарищество крѣпко держится. Чуть задумалъ обмануть, бѣда! Достанется!

— И дорого берутъ за подобную штуку?

— А всяко. Кто поумнѣе, тотъ знамо не возьметъ дешево, ну а глупенькій, такъ пожалуй и за водку уйдетъ. Одначе я доподлинно сказать тебѣ не могу; у насъ въ партіи такой okazji не было; что вздоръ говорить! А вотъ сказывали, что раньше насъ въ партію одинъ ушелъ. Такъ тотъ взялъ, слышь ты, штофъ водки, окромя угощенья, да двѣ рубахи, да еще десять рублей. Тоже сказывалъ мнѣ объ этихъ дѣлахъ одинъ товарищъ, еще какъ я былъ въ арестантскихъ. Дока былъ паренъ, два раза съ каторги удиралъ.

— А ты долго былъ въ арестантскихъ?

— Нѣтъ, не больно. Года два.

— Какъ же вышелъ?

— Да какъ? по болѣзни.

— По болѣзни! сказалъ со смѣхомъ одинъ изъ рабочихъ, оглядывая богатырскую фигуру Лукьяна: — а чтобъ тебя язвило! Шутникъ, право! Какую штуку выкинулъ! Вишь ты, по болѣзни вышелъ!

— Чортъ раньше умереть чѣмъ ты Лукьяшка заболѣешь, прибавилъ другой.—Какъ это тебя угораздило?

— Въ ту пору здѣсь здорово было, отвѣтилъ съ улыбкой Лукьянъ, ударивъ по своему пустому карману,—ну и заболѣли. Смѣтка, значитъ, нужна, братцы! А то все будетъ ладно.

— За что же ты попалъ въ арестантскія роты? спросилъ я.

— Да такъ, здорово живешь, улыбаясь отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь не изъ церкви же съ молитвы взяли? спросилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Изъ церкви не изъ церкви, а прямо изъ дѣсу.

— Расскажи-ка братъ, если можно, попросилъ я.

— Да долго будетъ рассказывать, наскучить, отвѣчалъ Лукьянъ.

— Не артачься, Лукьянъ, разказывай, вѣдь те дѣлать-то нечего, заговорили рабочіе.

— Ну, инъ быть по вашему, отвѣчалъ онъ, видимо довольный, что сталъ предметомъ общаго вниманія.

— Да смотри, ласы да балясы не точи, а правду говори, сказали нѣкоторые.

— А что мнѣ врать? Небось отъ этого не прибудеть.

„Дѣло было просто, началъ онъ, закуривая свою носогрѣйку. Былъ я крѣпостной, и отдалъ меня баринъ въ солдаты. За что, про что, говорить нечего, отдалъ да и шабашъ. Служилъ я такъ себѣ, не шатко, не валко, не на сторону, а такъ какъ слѣдъ. Въ какомъ полку и какъ меня въ ту пору звали, знать вамъ нечего, да и не для чего. Вотъ, судари вы мои, дѣла-то и шли себѣ такъ, потихоньку, да помалехоньку. И не бывать бы мнѣ здѣсь николи, да случай такой подвернулся.“

— Эхъ, этотъ случай, прервалъ его одинъ, — кабы-то онъ не подвертывался, и намъ бы Владимірки не таптывать.

„Ну, ты знай помалчивай, коли слушать хошь, вотъ что! Случай-то, вишь ты, былъ не простой, а самый что ни есть казусный. Единова, по осени, былъ я, это, братцы вы мои, дежурнымъ по казармѣ. Дѣло было ужъ подъ вечеръ: темненько, значить, въ казармѣ стало; вотъ и зажгли мы наши люстры. Маслениковъ, такъ, штукъ пятокъ, кое-гдѣ повѣсили; ну, и живетъ, оно будто и освѣтили. Знай-де, молъ, нашихъ. Ну, ладно. Все было тихо; кто спать легъ, кто разговаривалъ, кто въ карты игралъ, другіе работали. А я себѣ хожу да посвистываю. Вотъ, такъ ужъ поздненько, вышелъ, это, изъ своего чуланчика фельдфебель. Былъ онъ, не то чтобъ пьянъ и не то чтобъ трезвъ, а такъ себѣ, на веселѣ, какъ, то-есть, быть слѣдуетъ. Шинелишку въ накидку набросилъ, а сапоги знать въ чуланѣ сушить оставилъ. Дома, молъ; такъ на кой ихъ прахъ надѣвать. Идетъ по казармѣ, съ тѣмъ поговорить, съ другимъ пошутить, того любя толкнетъ, и такимъ порядкомъ добрался до самаго угла; а тамъ сидѣлъ солдатикъ, Орловскій, по прозвищу. Былъ онъ солдатъ бойкій, веселый и шустрый такой. На него фельдфебель давно золъ былъ и все придирался. За бабу у нихъ тамъ что-то вышло, аль

за что другое, чортъ ихъ знаетъ. Орловскій ему ни въ чемъ спуску ни давалъ, да какъ парень-то плутовать былъ, такъ подъ него подкапаться и не могли. Вотъ подошелъ, это, фельдфебель и къ нему, а на ту бѣду Орловскій сапоги то-чалъ, да свою свѣчку и зажегъ. Фельдфебель возьми да свѣчку-то и задуй.—Что это вы, говоритъ, Федоръ Ае-насьичъ дѣлаете? — Ничего, говоритъ, начальство не приказало со своими свѣчами заниматься. Знаешь, приказъ есть? — Врешь ты, говоритъ, такого приказа не было. — Ахъ ты, говоритъ, такой саякой, еще смѣешь разсу-ждать. — Ну и поднялся у нихъ споръ; пошелъ, это, фельд-фебель всячески его позорить, горячился, горячился, да и хватъ по уху. А Орловскій какъ держалъ сапожный ножъ, такъ ему и всадилъ въ грудь. Фельдфебель только засто-налъ, да таково скоро, скоро, побѣжалъ по казармамъ. Намъ никому и не вдомекъ что такое случилось. Добѣжалъ, это, фельдфебель, почитай до своей конурки, да у дверей и упалъ. Думали мы, что охмѣлѣлъ онъ, подошли поднять, глядь, а онъ весь въ крови. Вотъ тутъ всѣ переполоши-лись, принесли огня, глядимъ, а онъ ужъ мертвый. Хвати-лись мы за Орловскаго, а онъ не будь дуракъ, да подъ шу-мокъ и дай стрелка. Ну, трусили. Бѣда, какъ есть; иначе дѣлать нечего, дали знать и ротному, и батальонному, и полковому. Налетѣло начальство. Что? какъ? почему? гдѣ преступникъ? А его и слѣдъ простылъ. Ищи вѣтра въ полѣ! Набросились на меня, зачѣмъ я его выпустилъ. Ужъ кри-чалъ, кричалъ полковой: ужо, говоритъ, я съ тобой раздѣ-ляюсь, будешь ты у меня помнитъ. Стою я, ни живъ, ни мертвъ, душа въ пятки ушла, въ глазахъ зелено стало: ну, думаю, пропала моя головушка. Иначе полковой въ попы-хахъ забылъ меня арестовать, а побѣжалъ къ покойнику. Вотъ, какъ у меня первый-то страхъ попрошелъ, я и за-думался. Не отвертѣться, молъ, мнѣ отъ жаркой бани, быть бѣдѣ; какъ бы вывернуться? Посмотрѣлъ я кругомъ, а возлѣ меня никого нѣтъ, да и темно. Всѣ люди и огни возлѣ по-койника. Вотъ и подумалъ, не сбѣжать ли?—авось не пой-мають. Сталъ, это, тихонько я къ дверямъ пробираться, самъ замираю. Дошелъ. Попробовалъ отворить. Вижу, ни-кто не смотритъ, знать не до меня; я за двери да на улицу, а тамъ и побѣжалъ куда глаза глядятъ. Дуракъ, значить,

былъ; поймай меня тогда, такъ изъ огня и попалъ бы въ полымя. Однако все счастливо сошло. Казарма у насъ стояла на концѣ города, за ней было поле, а тамъ шель лѣсъ. Вотъ я и побѣжалъ туда какъ заяцъ, забрался въ чащу и сѣлъ. Слушаю, нѣтъ ли погони? Перевелъ, это, духъ, да опять пустился. Такимъ манеромъ болтался я два дня. Ну, ребята, что въ ту пору я натерпѣлся страху, не приведи Богъ! У себя подъ ногой вѣтка затрещитъ, а я безъ оглядки и побѣгу, думаю схватятъ. Два дня ничего не ѣлъ, и ѣсть не хотѣлось, все бы бѣжалъ. Плакалъ даже. Во каково! Не спалъ двѣ ночи и спать не хотѣлось. Вотъ, это, на третій день, подъ вечеръ, усталъ я какъ собака, забрался въ густой прегустой лѣсъ, сѣлъ и сталъ думу думать, что мнѣ дѣлать? И ѣсть и спать захотѣлось. Ёсть нечего, а спать не смѣю. Разобрало зло меня, сталъ я проклинать свою горемычную судьбину. Чуть не плачу. Вдругъ почувдилось мнѣ, что по лѣсу затрещало; сталъ прислушиваться, самъ не живъ, не мертвъ. Точно трещитъ, словно идетъ кто, да вѣтки ломитъ. Вдругъ, такъ шагахъ въ двадцати, показался человѣкъ; я такъ и обмеръ. Вижу, сѣлъ онъ подъ дерево и огонь сталъ разводить. Какъ запылалъ костеръ-то, кой чортъ, да кажись Орловскій? Присмотрѣлся: онъ, какъ есть. Вотъ молъ диво? Дай спрошаю. Вышелъ это я, подошелъ къ нему, да и говорю:—здорово, молъ, Орловскій!—Какъ увидѣлъ онъ меня, и струсилъ.—Небось, говорю, не за тобой въ погоню, а самъ по себѣ; бѣжалъ, братъ.—Право?—Право.—Ну, говоритъ, ладно, а то перепугалъ ты меня, чортовъ сынъ, садись, говоритъ.—Усѣлись, сталъ онъ спрашивать, что и какъ; я и разказалъ ему все. Смѣется, да и говорить:—ловко, значить, тарарахнулъ, туда и дорога. — Вотъ такъ-то мы и сошлись, ушли мы отъ города далеко, и въ такую трущобу забрались, что, пожалуй, въ другой разъ дороги туда и днемъ-то не найдешь. — Ну, братъ, сказалъ мнѣ Орловскій,—знать Богъ хотѣлъ твоего спасенія, свелъ отъ тебя со мной. Однако мой грѣхъ, и поправить нужно, пойдемъ-ка вмѣстѣ. Тутъ верстахъ въ пятидесяти изба есть, я ее давно знаю. Живетъ тамъ честный мужичокъ, христіанская душа, всѣмъ страннымъ пріютъ даетъ. — Пошли мы; на другой день подъ вечеръ явились къ хозяину. Тотъ насъ принялъ, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ. И помѣ-

стился же онъ больно ладно, одинъ-одинехонекъ съ своею бабой, въ густомъ, прегустомъ лѣсу. Тамъ у него все было, и клетки, и баня, и амбары, и сѣновалы, и подполья. Чуть немного худо, въ лѣсѣ, а тамъ и поминай какъ звали. Хозяинъ нашъ переодѣлъ, отвелъ въ дальнюю клѣтку, и далъ намъ товаръ, сапоги шить. Оба мы, вишь ты, сапожники были. Ну, это, пока у меня волосы да борода выросли, я все дома больше сидѣлъ, а Орловскій у хозяина перебивался. У нихъ тамъ и дѣла завелись, да, кажись, онъ и съ бабой съякшался. Такъ мѣсяца три прошло, и перебивало же у насъ въ это время много разнаго народу. Жилось, нечего сказать, привольно, заботъ не было, ни о чемъ и не тужилъ, да и признаться, порядкомъ не зналъ, чѣмъ хозяинъ нашъ и занимается.“

— Развѣ товарищъ не сказывалъ, спросилъ разкащика одинъ изъ рабочихъ.

— Я порядкомъ-то его, пожалуй, и не спрашивалъ, да и онъ, зная, боялся; новичокъ, вишь ты, я былъ. Къ дѣлу не привыченъ.

— Отчего же Орловскій прямо пришелъ къ этому мужичку? Развѣ онъ зналъ его раньше? спросилъ я.

— Зналъ, давно зналъ, а то иначе какъ бы попасть. Орловскій ужъ ранѣе задумалъ лыжи наострить. Ну, а безъ знакомства эдакое дѣло плохо удастся, какъ-разъ попадешь.

„Вотъ, братцы вы мои, продолжалъ немного помолчавъ Лукьянъ,—пришло время, узналъ и я, чѣмъ хозяинъ нашъ промышляетъ. Разъ пришелъ это къ намъ старикъ, такой здоровенный, красивый и таково хорошо одѣтый. Вовсе какъ есть горожанинъ, а не то чтобы какой ни на есть калѣка переходжій. Былъ онъ давнишній знакомый хозяина, и у него въ почетѣ. Принялъ тотъ его съ уваженіемъ, не зналъ куда и посадить, чѣмъ и подчивать. Живетъ старикъ недѣлю, живетъ и другую, съ нами познакомился, домой не собирается. Разъ это, подъ вечеръ, и спрашиваетъ онъ насъ:—а чтò, говоритъ, молодцы, много сапоговъ нашили?—Много, говоримъ, дѣдушка.—Ладно! Ачай, говоритъ, и руки устали?—Да таки напорядкахъ—Нужно бы, говоритъ, ручки молодецкія порасправить: не знаю, говоритъ, какъ ваши, а мои-такъ больно чешутся. Вишь, ночь-то какая славная будетъ, не пойдти ли поохотиться, а?—Пойдемъ пожалуй,

говорить Орловскій.—Ну, а ты, молодецъ?—А я, молъ, не знаю, дѣдушка.—Э, пойдемъ, не будь бабой, хорошо будетъ. — Ну пошли. Правда, подумалъ я, что воровать то-есть отаравились, однако, какъ сталъ меня дорогой учить старикъ, что то-есть дѣлать, я и понялъ тогда, что идемъ мы на ночной разбой. Испугался, хотѣлъ вернуться, да духу не хватило сказать. Тряпка, братцы мои, былъ я, а не человѣкъ! Значить, характеру не было. Вышли это мы къ полуночи, на большую дорогу, и ушли въ кусты, ждать то-есть случаю. Вотъ и слышимъ мы, звенить колокольчикъ, ближе, ближе; видимъ почта. Съ этой возиться не рука, не справишься, пропустили. Коляска какая-то проѣхала, четыре сѣдока въ ней были, тоже не тронули. Вотъ, спустя немного, видимъ мы ѣдетъ ступню мужичокъ на телѣгѣ, и спитъ себѣ, сердечный, на возу, а возъ гора.—Ну вотъ, говоритъ старикъ,—и ладно! Нужно полюбопытствовать, что за возъ у этакого филина? Да тремъ тутъ дѣлать нечего, вы побудьте здѣсь, а я пойду справлюсь, да погляжу крѣпко ли спитъ его высокоблагородіе!—А самъ, дьяволъ, смѣется, будь онъ проклятъ. Сталъ это онъ по забору подкрадываться, словно кошка какая. Какъ поглядѣлъ я на него, такъ и розобралъ меня страхъ, хотѣлъ было закричать да разбудить православнаго, анъ тутъ языкъ словно отнялся, крику нѣтъ. Посмотрѣлъ на Орловскаго, а онъ какъ звѣрь насторожился и ножъ въ рукѣ, я такъ и обмеръ, вотъ-те, думаю, и охота! Вдругъ почудилось мнѣ, что кто-то таково жалобно закричалъ, словно фельдфебель передъ смертію. Еще мнѣ страшнѣе сдѣлалось. Стало-быть лихорадка, а Орловскій ничего; еще посмѣивается. Слышимъ стучать близко колеса. Какъ подѣхала къ намъ телѣга, смотрю, а на ней ужъ вмѣсто одного лежатъ двое.—Ей ребята? закричалъ старикъ,—нужно будетъ осторожно обратиться къ повороту, чтобы не набрести на кого ни на есть; съ этимъ чортомъ я ужъ справился. Важная, говоритъ, пожива, вишь корабейникъ; идите же тихонько подъ заборомъ, а я шагомъ поѣду.—Да ты мотри, старый чортъ, не улизни, сказалъ Орловскій.—Вотъ еще что выдумалъ, отвѣчалъ старикъ: все, братъ, вмѣстѣ: и кнутъ, и добычу.—Ну пошли, а сами со старика глазъ не спускаемъ, слѣдимъ. На поворотѣ свернулъ старикъ въ лѣсъ, а къ раннему

утру добрались до дому. Тутъ, братцы вы мои, розобралъ меня такой страхъ, что хоть бы въ землю провалиться, такъ въ ту же пору. Заѣхали мы прямо въ темный сарай, двери заперли крѣпко-на-крѣпко и огня принесли. Какъ взглянулъ я на возъ, такъ и обмеръ. Не видалъ я дотолъ рѣзанныхъ, а тутъ, гляжу, лежитъ это, сердечный, ничкомъ, голова у него повисла, руки словно плети, горло перерѣзано, лицо и борода въ крови, образа человѣческаго не видно! Коробъ подъ нимъ былъ, такъ тотъ весь кровью налился. Старикъ, проклятый, взялъ да съ возу-то его, бѣднягу, какъ колоду, и спихнулъ ногой; да еще смѣхомъ и говоритъ:—Гляди-ка какой полнокровный! Ну-ка, дружище, помогай!—А чего? Меня лихорадка бьетъ, и зубъ на зубъ попасть не можетъ. Старикъ это и замѣтилъ.—Э, братъ! говоритъ: да ты знать струсилъ. Баба ты, баба, а еще солдатомъ называешься!—Не видывалъ, молъ, дѣдушка.—То-то не видывалъ! куды ты послѣ этого годень?—Задѣло это меня за живое:—небось, говорю, тамъ гдѣ нужно не хуже тебя справлюсь, а къ этакимъ дѣламъ не привыкъ.—Ну, ничего, говоритъ, какъ обуркаешься, такъ привыкнешь.—Чтобъ тебя розорвало, думаю, антихристъ проклятый!

„Въ ту пору добыли мы много и денегъ, и товару на порядкахъ захватили. Похоронили бѣднягу гдѣ-то въ лѣсу, тамъ знать и лежать ему, сердечному, до второго суда. Телѣгу и лошадь припрятали, коробки сожгли. Къ вечеру у насъ и слѣду не осталось, все шито да крыто. Порѣшили совѣтомъ телѣгу перекрасить, а хозяину ѣхать куда-нибудь подальше продать и ее, и лошадь, а наперво отправиться ему въ ближайшія деревни, да подъ рукой разузнать откуда былъ корабейникъ. Такъ и сдѣлали; къ утру хозяинъ вернулся. О корабейникѣ, говоритъ, нѣтъ ни слуху, ни духу, знать былъ дальній. Ну и ладно! Привезъ онъ съ собой водки, попировали мы въ тотъ день, а подъ вечеръ опять выпроводили хозяина продавать лошадь и телѣгу. Уѣхалъ онъ дня на три, а мы вечеромъ собрались покутить немного; пришла и хозяйка, не отстала тоже отъ насъ, подпила, да подкутивши, ну лѣзть къ Орловскому! Пристала къ нему словно банный листъ. Замѣтилъ это старикъ и давай смущать ее какъ дьяволъ какой-нибудь.—Эхъ,

говорить, молодица ты такая ражая да хорошая, а съ этакимъ хрѣномъ связалась!—Чего, говоритъ, дѣдушка, никуда не годенъ, а туда же еще ревнивъ, проклятый, бьетъ.—А ты зачѣмъ поддаешься.—Да вотъ толкуй! говоритъ: дура я и только, а еще свободная.—Развѣ ты не мужа жена?—Нѣтъ, говоритъ, такъ живу, сомутилъ старый.—Да еще и бьетъ?—Зачастую.—Да ты бы его бросила.—Думаю, дѣдушка, да вишь доля горькая, куда дѣнусь? роду-племени нѣтъ.—Ну, а денегъ-то много у стараго хрыча?—Куры, говоритъ, не клюютъ.—А кабы ты, молодица, принесла намъ чего позакусить. А то пьемъ, да пьемъ, а закусить не чѣмъ.—Сейчасъ, говоритъ, дѣдушка,—и пошла. Вотъ какъ ушла она, и говоритъ старикъ:—а что, говоритъ, ребята, вѣдь мало у насъ денегъ.—Мало, говоримъ.—А вотъ, говоритъ, случай важнѣйшій, самъ достается. Здѣсь жить не рука, того гляди попадешься, а пока стараго чорта нѣтъ, обдѣлаемъ-ка его?—Да какъ же?—А вотъ какъ: вишь къ тебѣ, Орловскій, баба-то больно льнетъ, ну этимъ и попользуемся. Поди-ка ты къ ней, да ублажи хорошенько и повыпытай, куда старый чортъ деньги хоронитъ; она чай знаетъ. Уломай ее съ нами бѣжать, а вѣдь тамъ, случаемъ надобсть, отдѣлаться живо можно.—Молчу я, а Орловскій говоритъ:—Ладно, мудрая твоя рѣчь.—Всталъ да и ушелъ въ клѣтъ къ бабѣ. Пришла потомъ она, такая веселая да говорливая; скачетъ да болтаетъ, все намъ и высказала, а потомъ сама показала гдѣ что лежитъ. Ну въ ночь-то мы у хозяина всѣ клѣтки да кутки очистили, а къ утру ушли и бабу съ собой увели. Былъ старикъ въ лѣсу словно у себя дома, знаетъ онъ тамъ всѣ тропы, всѣ ходы и выходы, значитъ идти было намъ съ полагоря. Жарко стало въ полдень, остановились отдохнуть. Баба больно устала, спать легла, а старикъ съ Орловскимъ стали о чемъ-то шептаться. Долго они толковали, потомъ и меня позвали.—Знаешь что парень? говоритъ: съ нами лишняя обуза, баба: какъ бы черезъ нее не попасть?—Такъ, молъ, что же дѣлать?—Да нужно отдѣлаться, какъ думаешь?—Не знаю, говорю.—Ну такъ ничѣмъ тутъ и не кончили. Старикъ съ Орловскимъ всю дорогу промежь собой шепоткомъ толковали. Вижу я, что недоброе у нихъ на умѣ, однако молчу. Посмотрю на бабу, таково мнѣ ее жаль сдѣлается; однако подумаю, подумаю: вижу, правда,

лишняя она намъ, далеко съ ней не уйдешь. Вотъ часовъ въ 12 ночи, зашли мы въ какой-то оврагъ и сѣли тамъ ужинать. Отозвалъ я старика въ сторону и говорю:—какъ же, молъ, дѣдушка, порѣшили вы о бабѣ?—А какъ, говоритъ, извѣстно! Разомъ кончить.—Нѣтъ, говорю, это дѣло не ладно: я вотъ что придумалъ, зачѣмъ понапрасну христіанскую душу губить. Будетъ и одного грѣха.—Засмѣялся старикъ проклятый....—Умная рѣчи, говоритъ, слушать хорошо.—Да, говорю, лучше вотъ что мы сдѣлаемъ, бросимъ ее здѣсь: коли найдетъ дорогу, ея счастье. — Да какъ ты ее бросишь?—А напоимъ до пьяна, и уйдемъ тихонько.—Вотъ еще, говоритъ, что выдумалъ! На эдакую тварь, да Божье добро изводить!—Нѣтъ, говорю, дѣдушка, Христа ради послушай меня.—Сталъ я его уговаривать да просить; ну по моему и порѣшили, и чтобъ она не примѣтила, сговорились уйдти по одиночкѣ; и мѣсто старикъ сказалъ, гдѣ то-есть сождать его. Вотъ какъ баба охмѣлѣла, взялъ Орловскій свою котомку да и ушелъ первый, мало погодя и я отправился; остался, значитъ, одинъ старикъ. Пришли мы на мѣсто; ждаты, пождать, нѣтъ старика; думали ужъ не далъ ли онъ тягоча, хотѣли было на встрѣчу идти; глядимъ, катитъ проклятый.—Что молъ, дѣдушка, долго? — Да все съ бабой, говоритъ, возился: знать догадалась окаянная, приставать стала куда вы дѣлись?—Ну что же?—Да ничего, говоритъ, я ей водочки поднесъ, да и самъ грѣшнымъ дѣломъ выпилъ. Теперь небось до бѣла утра не встанетъ: такъ уподчивалъ; осталась довольна.—И такъ засмѣялся проклятый, что меня, ажъ, морозъ по кожѣ подралъ. — Однако, говоритъ, ребята, что о плевомъ дѣлѣ толковать. Пойдемъ-ка; далеко идти-то.“

— Пои-ка, уходилъ? спросилъ рабочій.

— А прахъ его знаетъ! Мы не спрашивали! Должно-быть не обошлось безъ грѣха. Эдакій аспидъ пощады не дастъ. А можетъ и такъ, живьемъ бросилъ, чортъ его знаетъ! Только ограбилъ онъ ее, безпремѣнно ограбилъ. Какъ пришелъ, такъ котомка-то у него вдвое больше стала.

— Долго вели вы такую жизнь?

— Долго; года два. Старикъ съ нами не разставался.

— А на охоту ходили?

— Нѣтъ, больше на дорогу не ходили. А такъ вотъ, гдѣ что лежитъ плохо, аль примѣтимъ, что у насъ мало, а у

другаго залишекъ, ну такъ бывало сейчасъ и подѣлимся, а то и все возьмемъ. На эти дѣла куда я ловокъ былъ! Самъ старикъ пасоваль.

— Кто жь былъ этотъ старикъ?

— А прахъ его знаетъ. Звали мы его старикъ да старикъ, вотъ и только. Пожалуй и имя у него было, да что въ немъ! Поди-ка ихъ десятка два перемѣнилъ онъ на своемъ вѣку. Хитеръ былъ бестія и куда скрытень! Вѣришь ли? Бывало отъ хмѣльнаго ничѣмъ ничего не выпытаешь. Чортъ, а не человекъ. Одно знаю: былъ онъ бѣглый ка-торжникъ.

— Развѣ онъ сказываль?

— Какъ же, держи карманъ, скажетъ! Наперво самъ я замѣтилъ, а тамъ въ судѣ дознали. Однажды, сталъ это старикъ костеръ раздувать, ну, значитъ сильно натужился, да и разгорячило его огнемъ. Вотъ какъ поднялъ онъ голову-то, гляжу я, а у него на лбу, да на щекахъ, три бѣлыя пягнышка. Эге, думаю, вотъ братъ какая ты птица, да смѣхомъ и говорю: „что это дѣдушка, знать тебя Тимошка ¹ крѣпко полюбилъ, вишь какъ поцѣловаль, теперь еще есть знать.“—Нахмурился, это, да на мои слова и говоритъ: „ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами, а то какъ бы язычокъ-то не подрѣзали....“—„Ну, говорю, ужъ и рассердился!“—„Нѣтъ, говоритъ, а такъ молвилъ, ты свои обязанности знай, меньше смотри, а больше дѣлай.“—Въ ту пору тѣмъ дѣло и кончилось.

— Какъ же вы попались?

— Да такъ бѣда прилучилась! Промахнулись значитъ. Сперва ладно зажили; перебрались въ Малоросію и посѣлились въ городъ У—нѣ; ну тамъ намъ лафа была.

— Какъ же васъ не схватила полиція?

— У насъ пачпорты были. Старикъ промыслилъ. И то сказать, съ полиціей почитай друзья были, она насъ не обижала, да и мы не забывали. Такъ-то! А куда хорошо жить въ У—нѣ. Жидовъ тамъ много, а съ ними всякое дѣло ловко вести. У насъ чуть не конторы были во всѣхъ городахъ. Въ одномъ, значитъ, украдутъ; въ другой перешлютъ, а тамъ и пропало. Потомъ хлѣбомъ

¹ Такъ называютъ обыкновенно палача.

стали торговать. Панами зажили. Да бѣжать привелось: что ты будешь дѣлать? Везъ нашъ жидъ изъ Б—ва контрабанду да и попался. Дали знать; мы сейчасъ же по добру по здорову и убрались. Не надѣялись, значитъ, на Иуду проклятаго, чтобъ ему ни дна, ни покрывки! Пугнули бы тамъ его при спросѣ, аль за пейсы ладомъ потрепали, безпремѣнно бы выдалъ. Перебрались мы въ другое мѣсто, паспорта опять перемѣнили. У насъ ихъ запасъ былъ. И стали жить припѣваючи. Только не такая лафа была. Пока деньги держались, все шло ладно, а какъ стали на исходѣ, вотъ мы и призадумались. Тутъ и выдумалъ старикъ богатѣйшую штуку: коли бы она удалась, такъ не видать бы мнѣ Сибири. Да нѣтъ, видно счастье прошло. Не вывезло.

Лукьянъ задумался.

— Да! Видно повадился кувшинъ поводу ходить, тамъ ему и голову сломить, продолжалъ онъ помолчавъ.—И та бы продѣлка съ рукъ сошла, да Орловскій погубилъ, чтобъ ему пусто было!

— Что же выдалъ?

— Нѣтъ, избаловался парень. Спился съ кругу, значитъ сталъ дрянъ человекъ. Ужь мы ему пытали и ладомъ говорить, и поколачивали, да нѣтъ, не могли унять. Старикъ даже отдѣлаться отъ него хотѣлъ, да какъ-то пожалѣлъ. Привыкъ, значитъ. А жалъ! Лучше бы отъ него-то отдѣлаться чѣмъ отъ бабы... Да!...

Онъ замолкъ.

— Ну, рассказывай, Лукьяшка, что остановился-то, заговорили рабочіе.

— Постой, ребята, еще не запрегли, дай духъ перевести, табачку понюхать, да трубочку закурить.—Ну такъ вотъ, продолжалъ онъ помолчавъ,—задумали мы штуку не большую, да и не маленькую, ограбить имѣніе графа К....го!

При этомъ Лукьянъ съ самодовольствіемъ обвелъ глазами слушателей, какъ бы желая насладиться эффектомъ своихъ словъ.

— Шутка богатѣйшая, замѣтилъ одинъ.

— Экъ васъ куда занесло! сказалъ другой.

— Ну, парни, храбры же вы знать были!

— Такъ-то! Мы мелко не плавали, отвѣчалъ съ улыбкой

Дукьянъ:—коли дѣло дѣлать, такъ чтобы не плевое было. А что даромъ руки марать.

— Одначе попались?

— Попались, братцы, что будешь дѣлать. Вотъ видите жили мы въ уѣздномъ городѣ, мудреное такое имя, прахъ бы его взял! и было, это, отъ него верстахъ въ десять пребогатѣйшее имѣніе графа К....го. Прослышали мы, что у графа въ конторѣ очень много денегъ, такъ что и дѣвать ему некуда, вотъ и задумали какъ бы это подѣлаться съ нимъ. Графъ въ имѣніи не жилъ, а сидѣлъ тамъ управляющій, и въ ту пору продавалъ онъ хлѣбъ. Вотъ и прикинулись, это, я со старикомъ купцами, а Орловскаго выдали за нашего работника, будто-де онъ у насъ кучеръ и покатали въ имѣніе.

— Гдѣ же вы лошадей взяли?

— У насъ своя пара была. Жили мы не кое-какъ, а на барскую ногу. Пріѣхали. Принялъ насъ управляющій хорошо; крѣпостной былъ, значить, незаносливый; сейчасъ давай угощать и чайкомъ, и водочкой, и закуской. Ладно. Повелъ старикъ дѣло этакъ издалека. Политичная былъ бестія! Чаекъ попиваетъ, пустяки разные болтаетъ, да нѣтъ, нѣтъ, и о дѣлѣ заговорить. Главное, нужно было узнать намъ, гдѣ деньги лежатъ и много ли. Одначе въ тотъ день ничего нужнаго не выведали, окромя, что любитъ управляющій выпить. Разспросили мы о цѣнѣ, о хлѣбѣ, — настоящіе купцы да и полно! Обѣщали: подумаемъ и опять навѣдаемся, сѣли да и маршъ домой. Дня черезъ три опять покатали. Ну, извѣстно, въ другой разъ принимаютъ насъ какъ знакомыхъ. На наше счастье управляющій въ ту пору выпивши былъ, вишь наканунѣ гдѣ-то праздновалъ. Вотъ и пошло у насъ пированіе; пьемъ, ѣдимъ, толкуемъ, то да се. Скажемъ это десять словъ пустяковъ, а два дѣла. Окромя насъ съ управляющимъ въ конторѣ никого и не было. Только такъ, ужъ позднеенько, и придти бурмистръ съ оброками. Принялъ его управляющій, съ пьяна-то, грозно, сталъ деньги считать, да и бранится, и точно забылъ о насъ. А мы только перемигнулись: смотри, молъ, да замѣчай. Управляющій побранился, да покричалъ, бурмистра выгналъ вонъ, денежки въ конторку сунулъ и принялся за водочку. Вотъ гдѣ, думаемъ, онѣ, наши корми-

лицы! Ну ладно. Принялись мы за дѣло, стали торговаться, нарочно мало давать, чтобы дѣло затянуть.—Эхъ, говорить управляющій,—маловато даете, господа купцы, эдакъ ваши цѣны и противъ графской не выстоятъ: а вѣдь что таить предъ вами, дѣло наше подначальное, нужно и на нашъ пай малую толику.—Объ этомъ не сомнѣвайтесь, говорить старикъ,—вашъ пай при васъ и останется, вы только намъ самую низкую графскую цѣну объявите... а вотъ это, говорить, по дружбѣ примите.—Вынулъ бумажникъ, взялъ пятидесятирубную да и подалъ. Разгорѣлись у управляющаго глаза, схватилъ онъ бумажку да въ конторку къ прежнимъ и сунулъ. Ну, думаемъ, хорошо. Пошло у насъ дѣло, какъ будто и на ладъ. Однако вели мы его такъ, чтобы ничего ладомъ въ ту пору не порѣшить. Стали мы ѣхать собираться, а управляющій и говорить:—куда это гости дорогие?—Да, молъ, и честь знать нужно, домой пора.—Что вы? говорить:—кто же васъ отпуститъ на ночь глядя. Переночуйте, выпьемъ малую толику, а завтра дѣльце покончимъ; утро вечера мудренѣе.—Намъ это и на руку; однако старикъ и виду не показавъ, что обрадовался, не съ разу поддался, а сталъ отпѣкиваться.—Какъ, говорить, можно, вѣдь вамъ тѣсно будетъ, куда вы насъ положите?—Эхъ, говорить, друзья мои милые, въ этакихъ хоромахъ развѣ будетъ тѣсно, развѣ мало у насъ комнатъ? Небось, еще останутся; есть гдѣ разгуляться; я, говорить, вотъ тамъ сплю, а васъ положу въ ту половину, близко отъ меня, всего за двѣ комнаты, а коли что ночью понадобится, такъ здѣсь сторожъ спитъ; скажите, все исправитъ.—Ну, поломались, поломались, да и согласились.—Сходите-ка, Петръ Андреевичъ (такъ я прозывался тогда) говорить старикъ, да скажите нашему кучеру, что мы здѣсь ночуемъ. Закажите ему накрѣпко, чтобы пьянъ не былъ.—Эка важность, что пьянъ, говорить управляющій: ну пьянъ, такъ что жъ? Не Богъ знаетъ гдѣ напился? Ничего, пусть и пьянъ.—Да это, сударь, точно, ничего, говорить старикъ: для такихъ людей, какъ вы; а вѣдь нашъ народъ не вамъ чета! Примѣромъ, мы съ вами въ дружеской компаніи, хоша и выпьемъ, ну и ничего. Завтра, что слѣдъ исправимъ. А куда я не люблю, коли кучеръ пьетъ! вѣдь у него животы на рукахъ. Опять, коли служить у меня, такъ во всякое

время будь какъ стеклушко. — Вышелъ я на дворъ, смотрю, спитъ себѣ Орловскій въ телѣгѣ. Растолкалъ его, глядя, а парень-то пьянъ. Лыкомъ не вяжетъ! — Ахъ ты, молъ, раздуй ты горой, такой-сякой, гдѣ ты нализался? — А онъ и говорить не можетъ, знай мычить, да бѣлками ворочаетъ. Насилу, насилу вбилъ въ его башку, чтобъ онъ готовъ былъ, что дѣло на ладъ идетъ. Вернулся въ комнаты, гляжу, а управляющій ужъ совсѣмъ осоловѣлъ; пьянъ, хотъ выжми. Посидѣли мы еще мало-малю; такъ, кое о чемъ покалякали, и стали спать собираться. Одначе, наперво чѣмъ разойдтись, взялъ старикъ, да управляющему и дай еще пятьдесятъ рублей: нарочно, значить, чтобъ узнать, куда онъ положить. Полѣзъ управляющій опять въ конторку, сунулъ туда денежки, да еще дуракъ и хвастаетъ: — вотъ, говоритъ, сколько. — Ну, думаемъ, ладно; авось наши будутъ. Въ ту пору, смотримъ мы, и сторожъ пришелъ, мальчишка лѣтъ двѣнадцати; значить, и это на руку; справиться можно. Какъ остались мы одни, начали на свободѣ осматривать двери да окна; потомъ опять пошелъ я поглядѣть лошадей. Вижу, спитъ Орловскій, ну, его не разбудилъ, самъ сбрую осмотрѣлъ, все приладилъ, да какъ на грѣхъ, колокольчикъ привязать и забылъ. Вотъ, какъ вездѣ поуспокоилось, и говоритъ мнѣ старикъ: — Ну, отпирай на случай окно, а я струментъ прихвачу. — Отворилъ я окно, гляжу, а у старика ножъ въ рукѣ. — Чтѣ ты, молъ, дѣдушка, это зачѣмъ? — А сторожъ-то, говоритъ. — Ну, какъ хошь, а ты, молъ, его не тронь! — Да чтѣ жъ съ нимъ дѣлать? — А свяжемъ, говорю: вишь, мальчишка! совладаемъ живо. — Да ладно ли, парень, будетъ? Не лучше ли покончить? — Нѣтъ, говорю, не дѣлай этого, а то я на понятный. — Ну, говоритъ, быть по твоему; знаю, ты пива-то не любишь, а по моему оно бы вѣрнѣе. — Пошли. Сторожа живо скрутили, ротъ ему завязали, конторку отомкнули и денежки вытащили. Сунулись было къ дверямъ, смотримъ, заперты! Отворять не рука, возни много, мы въ окно, да къ телѣгѣ. Вѣрнѣ ли Богу, такъ счастливо отдѣлались, что даже ни одна собака не тявкнула! Въ повозку, да по лошадямъ; тутъ, братъ, зѣвать некогда; знай помахивай. Орловскаго даже не разбудили: торопились, значить. Только тронулись, какъ зазвенять у насъ шаркунцы да колоколець, только стонъ

помель! — Эхъ, парень, худо, говоритъ старикъ. Чтò жь ты не подвязаль? — Забыль, говорю, дѣдушка. — А эта, говоритъ, тварь чтò же дѣлала? — А вишь, молъ, пьянъ. — Ахъ онъ, говоритъ, чортовъ перецъ! — А тѣмъ часомъ Орловскій и проснись. Видно ему съ пьяну-то померещилось, что лошадей украли; какъ онъ вскочить, да во все горло закричить: воры, воры! Далъ ему старикъ такую тукманку, что тотъ какъ снопъ повалился въ телѣгу. Да ужъ поздно было. На наше несчастье, были мы противъ людскаго флигеля; тамъ народу была тьма тьмущая, и еще не спали. Ну, крикъ да звонъ слышали, къ скнамъ: видать, трое удирають чтò ни есть духу. Знать догадались, что не ладно; всѣ и переполошились. Поднялся такой шумъ, что Боже упаси! А мы знай гонимъ. Вотъ какъ въѣхали въ лѣсъ, меня старикъ тихонько и толкнулъ: — Выскакивай, говоритъ, за нами погоня. — И точно, слышимъ сзади: крикъ, шумъ, топотъ, настигаютъ значить. По лошадямъ; понесли онѣ, сердечныя чтò есть духу, а мы тою порой поизловчились да и выскакнули: я на сторону, а старикъ на другую, въ кусты, а тамъ и въ лѣсъ. Только что забѣжали, глядимъ: человекъ тридцать мимо насъ верхомъ и пролетѣли; ну, думаемъ, теперь лови на здоровье. Сами на утекъ, дальше да дальше. Въ ту пору улепетнули-таки. Недѣли съ полторы еще болтались, такъ, зря. Въ городъ идти боимся; думаемъ, ужъ вѣрно о нашей продѣлкѣ дали знать; покажись, какъ разъ схватятъ. И по деревнямъ показаться не смѣли, все незнакомыя мѣста были. Житъе плохое пришло.

— Чѣмъ же вы питались?

— А чѣмъ Богъ послалъ. Раза два покупали хлѣбъ у крестьянъ, чтò въ полѣ работали, а то у прохожей нищей братьи брали; разъ въ клѣтъ къ мужичку залѣзли. Такъ и перебивались. Тогда-то мы надумались да уговорились какъ вывернуться, коли поймають. Бывало, какъ остановимся на ночлегъ, сейчасъ, первое дѣло, денежки куда-нибудь и зароемъ; потомъ одинъ спать ляжетъ, а другой сидитъ на караулѣ. Правда, мало же мнѣ спать доставалось, боялся я своего товарища. Чуть вздремаю, мнѣ все и кажется, хочеть онъ сбѣжать аль меня зарѣзать. Ну и проснусь, и проснусь.

— А много вы денегъ захватили?

— Да таки довольно! Тысячъ пятнадцать было. Да не вывезло! Погулять не успѣли. Оно бы, конечно, зайдти въ первый кабакъ, аль куда ни на есть, и гуляй душа. Да, вишь, у насъ плантъ былъ другой; мы честнымъ порядкомъ улигнуть хотѣли. Не удалось, что дѣлать!

— Какъ же васъ схватили?

— Да ночью на насъ охотники набрели. Чортъ знаетъ, какъ ихъ и занесла нелегкая. Ъхалъ за зайцами какой-то шальной помѣщикъ; съ нимъ и людей много было, и собакъ гибель. Вотъ тѣ, проклятыя, насъ и пронюхали. Ну видимъ дѣло плохо, не убѣжимъ. Сдались. Скрутили насъ, рабовъ Божиихъ, да какъ бродягъ и представили въ земскій судъ. А тамъ ужъ, извѣстно, все пошло своимъ порядкомъ.

— А сознались вы скоро?

— Нѣтъ. Насъ сперва о деньгахъ и не спрашивали: вѣдь мы ушли далеко, въ другой уѣздъ перебрались. Судили насъ за бродяжничество. Назвался я Лукьяномъ, не помнящимъ родства, узнать же доподлинно кто я, аль уличить чѣмъ, не могли. А до старика таки дощупались.

— Какъ такъ?

— Да коли побывалъ кто въ рукахъ у заплечнаго мастера, такъ онъ ты такъ обдѣлаетъ, что не скроешься. Подозрили старика по рожѣ аль по разговору, кто ихъ знаетъ? Онъ, обыкновенно, заперся: ну сейчасъ стали ему спину тереть. Оно и оказалось, что на немъ и трехвостки бывали, да врядъ ли и кнутикъ не гуливалъ. Морду тоже осмотрѣли; видятъ: каторжникъ. Опять туда и ушелъ, отколева пришелъ. Пока насъ допрашивали, кто мы, да что мы, да откуда, тѣмъ часомъ, самъ ли судъ провѣдалъ, аль знать ему дали, что въ имѣнии графа К—го какіе-то люди шутку подшутили, лѣшій ихъ знаетъ! Только въ этомъ насъ заподозрили, да и давай допрашивать. Мы знай стоимъ на своемъ: знать, молъ, не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. Уличить насъ ничѣмъ не могли.

— А деньгами?

— Да деньги-то, слышь ты, въ лѣсу остались, прихватить-то намъ не удалось, да и опасно было: улика.

— Такъ они и пропали.

— Можетъ какой счастливый нашелъ, кто ихъ знаетъ?

Ну вотъ стоимъ мы на своемъ. Видятъ, что съ нами ничего не подѣлаютъ, взяли да и переслали въ городъ, гдѣ мы жили. Какъ привели туда, дали сейчасъ знать управляющему графа. Свели это насъ съ нимъ очи на очи. Онъ насъ сейчасъ и призналъ, да таково еще, старый дуракъ, обрадовался, что вотъ-де птицы-то и попались. Одначе мы ему носъ наклеили. Заперлись да и говоримъ, что его и въ глаза не видывали, и что онъ за человѣкъ не знаемъ. Было тутъ съ нами битвы: и хозяина приводили, и другихъ людей. Нѣтъ, стоимъ на своемъ. Людей, говоримъ, этихъ не знаемъ, и здѣсь не бывали. Повели насъ въ больницу. Думаемъ, на кой прахъ. Вотъ ввели въ комнату, глядь, анъ тутъ Орловскій лежитъ. Башка вся повязана, еле дышетъ. Дуракъ, во всемъ сознался, и насъ призналъ. А мы опять за свое, и еще старикъ сказалъ:—какъ, говорить, человѣку больному вѣру давать? можетъ, онъ бредить; пусть выздоровѣетъ, да тогда признаетъ.—Дока былъ этотъ старикъ. А чего? Орловскій черезъ день и умеръ. Дуракъ же онъ и былъ, право слово. Вздумалъ еще уговаривать, чтобы мы сознались. Ажъ смѣшно стало; подумалъ я: эхъ ты олухъ Царя Небеснаго! тебѣ хорошо. Къ чертямъ идешь, туда и дорога, а нашему брату еще долго на свѣтѣ жить; шкура-то на спинѣ не наскучила.

— Такъ и не сознались?

— Не сознались. Ужъ чего, чего съ нами не дѣлали! и умасливали-то, и уговаривали-то. Управляющій самъ, бывало, приходилъ и денегъ обѣщалъ, и прощенье хотѣлъ выхлопотать: не поддались, не сказали. Бились, бились, долго держали, да и бросили. Старика таки плетюгами отодрали, да опять по прежней дорожкѣ отправили. И мнѣ напорядкахъ досталось, а потомъ въ арестантскія услали. Пробылъ тамъ года два, да вотъ сюда и вывернулся. Хоша и не даромъ, да не жаль. Все же на свободѣ.

— А дорого тебѣ стало?

— Да рублевъ двадцать пять стало.

— Гдѣ жъ ты денегъ взял?

— А кое-гдѣ. Извѣстно, коли голова на плечахъ, да смѣтка есть, такъ не пропадешь. Кое подаянiемъ насбиралъ, кое работой зашибъ; ну а малая толика и такъ перепала.

— А званія твоего не узнали?

— Нѣтъ, не узнали. Орловскій, хоть за то спасибо, этого съ дуру не сказалъ, а то пропалъ бы тогда. По зеленой-то пройдись бы.

— Отчего же Орловскій умеръ?

— А вотъ вишь ты, какъ выскочили мы изъ телѣги, онъ мало-малю прочухался, видитъ, бѣда не минучая, и настъ нѣтъ. Вздумалъ тоже бѣжать. Скакнутъ-то скакнулъ, да не больно счастливо. Чортъ его знаетъ, чѣмъ-то за телѣгу зацѣпился. Его съ версту лошади по землѣ во весь духъ тащили, всю голову о камни разбили и руки переломали; такъ его и нашли. Еле дышалъ. Да туда болвану и дорога, заключилъ разказъ свой Лукьянъ, и помолчавъ немного, спросилъ: — Ну баринъ, потѣшилъ я тебя, доволенъ ли?

— Спасибо, братъ.

— А коли спасибо, такъ уважь. Вели водочки дать, горлышко промочить. Вишь ты, какъ я заливался! Чтò твой соловей.

Я велѣлъ принести стаканъ водки.

— Ну вотъ это и ладно, за это благодарствуемъ. А коли охочь ты слушать, продолжалъ онъ выпивъ вино, — поспрошай другихъ; вѣдь здѣсь нашего брата много. Вонъ, хоша бы и нарядчикъ: думаешь ты, кто онъ? Тоже изъ нашихъ! Ты только взгляни на него. Вишь какой драбантъ. Гвардеецъ, да и полно. Аль вонъ опять Дубровинъ, чѣмъ не солдатъ? Вѣдь птица по полету видна, узнаешь по па и въ рогожѣ. И меня тоже спознали, даромъ что мужикъ-мужиномъ былъ. Ужь мнѣ тоже въ судѣ спину-то терли, терли, ажъ у самихъ руки покраснѣли. Ну да шипъ взяли; только даромъ трудились. А за то, братцы вы мои, обратился онъ съ усмѣшкой къ своимъ товарищамъ, — каково это пріятно, какъ спину-то тебѣ трутъ, да еще и суконцемъ, да еще и красненькимъ? Право ну!

Многіе засмѣялись.

— А какъ плеточками попробуютъ, поди-ка вкусно не будетъ, не порадуешься, сказалъ одинъ.

— Этого я не знаю, ты самъ суди, да и намъ скажи. Вѣдь по тебѣ трехвостка гуляла. А я такъ умою раскидываю, что и розги, будь онѣ прокляты, не приведи ты Господи, какъ нехороши! Эго, какъ примутся хлестать-то,

точно тебя варомъ обдають; аль что ни есть холодною водой окачивають, ажно духъ захватываетъ. Ну ихъ! добавилъ онъ, плюнувъ съ досадою, и замолчалъ.

Двое рабочихъ, на которыхъ указалъ Лукьянъ, дѣйстви-тельно выглядывали молодцами. Нарядчикъ Александръ Яковлевъ былъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, высокаго росту, чрезвычайно худой, но очень стройный и еще довольно красавый. Несмотря на преклонныя лѣта, онъ былъ ловокъ и расторопенъ. Солдатская выправка проглядывала во всѣхъ его движеніяхъ и приемахъ. Ходилъ онъ мѣрнымъ шагомъ, держался прямо, и одѣвался довольно опрятно. Его старый озямъ былъ всегда плотно перетянутъ въ талии, длинные таежные сапоги вычищены, на рукахъ постоянно надѣты перчатки съ раструбами; сѣдую, плотно остриженную голову, онъ прикрывалъ кожаной шапкой съ широкими полями. Дубровинъ былъ малый лѣтъ двадцати восьми, плотный, коренастый блондинъ, средняго росту, довольно красивый собою. Онъ стригся коротко, брилъ бороду, одѣвался (когда не былъ на работахъ) опрятно, и не успѣлъ еще забыть солдатской привычки, вытягивать руки по швамъ и становиться, во время разговора, во фрунтъ. Онъ былъ парень смѣтливый, тихій, незадорный и всѣми любимый.

— Ну братъ, если мою жизнь сравнить съ твоею, отвѣчалъ нарядчикъ на замѣчаніе Лукьяна, такъ она плевка не стоитъ. Оно точно, и я бѣжалъ изъ военной и тоже побывалъ въ арестантскихъ, да никогда, во всю жизнь, со мной такихъ казусовъ не бывало. Поболтался и я по бѣлому свѣту, бродилъ такъ, просто, гдѣ день, гдѣ ночь, абы сутки прочь. Изъ военной же службы бѣжалъ я такъ, зря; теперь и самъ не припомню порядкомъ отчего. Просто молодъ былъ, а главное кажись надоѣли зуботычины да ругань. Правда, и на моей улицѣ праздникъ бывалъ, и линія выходила, да не умѣлъ пользоваться. Молодой-то я былъ хоть куда, парень ражій: вотъ и полюбила меня одна вдовушка купчиха, не то чтобы больно богатая, но таки порядкомъ зажиточная. Жилъ я въ ту пору хорошо: ѣшь, пей, веселись, просто масляница! Да видно ужъ такая была голова моя беспокойная, да безталанная. Воли хотѣлось, а ея-то мнѣ и не было. Купчиха ревнивая была, а я гулять

охочь; вотъ значить и не сошлось. Надоѣла мнѣ эта вѣчная воркотня да брань. Подумалъ, кой дьяволъ, отъ одной брани ушелъ, ну еще тамъ, туда сюда, дѣло невольное, подначальное, а тутъ изъ коего чорта стѣснять себя. Свободенъ значить, взялъ да и ушелъ. А тамъ скорехонько и попалъ.—Только мнѣ, братъ, не твое счастье, обратился онъ къ Лукьяну. — Вишь ты сколько штукъ надѣлалъ, да и то легонько отдѣлался, а я не такъ. Проклятый городничій въ Ладонѣ, гдѣ то-есть меня схватили, столько въ меня розогъ выспалъ, чтобъ ему пусто было, что ну да на!

— За что же? спросилъ я.

— А чортъ его знаетъ! такъ, здорово живешь. Молодъ былъ, да задоренъ къ службѣ. Знать хотѣлось больно выслужиться предъ начальствомъ, узнать что я за птица. Да ну его проклятаго!—и нарядчикъ махнулъ рукой.

— Давно ты попался?

— Давнымъ-давно. Пожалуй и время забылъ. Пришелъ сюда, да женился, а теперь дѣвкѣ моей семнадцать лѣтъ, а она не первая. Да что о моей жизни и вспоминать? не стоитъ она добраго слова. Скучно. Вы лучше спросите-ка Дубровина: онъ вишь какой прыткій, да бойкій; поди-ка онъ на своемъ-то вѣку, много испыталъ, да покуралѣсиль; намъ старикамъ съ нимъ не тягаться.

— Сказать правду, и я больно-то не проказилъ, отвѣчалъ Дубровинъ:—одно только, стрекнулъ изъ военной. Тоже поболтался по бѣлому свѣту, а все отъ Лукьяна далеко отсталъ.

— А кой же ты лѣшій изъ военной-то вынесъ? небось спроста ушелъ? спросилъ Лукьянъ, какъ будто задѣтый этимъ замѣчаніемъ.

— А вынесла, братъ, меня пощечина, вотъ что, отвѣчалъ Дубровинъ.

— Пощечина? Разказывай! недовѣрчиво сказалъ Лукьянъ.

— Право слово, одна, какъ есть одна, отвѣчалъ Дубровинъ.

— Стоило губить себя изъ-за такой бездѣлицы, сказалъ нарядчикъ:—на мою долю и не одна, братъ, досталась, да что дѣлать? терпѣлъ же. Да еще какіе у меня и командиры-то были, Господи упаси! Служилъ я перво въ гвардіи, а тамъ извѣстно службы требуютъ. Бывало тамъ чуть не

такъ носокъ вытянешь, аль фигура начальству не понравится, иль тамъ брюхо какъ слѣдъ не подберешь, аль аммуниція не исправна, такъ ужь и знай, въ рожу безпрѣмѣнно получишь, а какова пора—и розгачами поподчуютъ. Да! строгое было время. А ужь о брани и говорить нечего. Мы ее ни во что считали.

— Всякій, братъ, думаетъ по своему, отвѣчалъ Дубровинъ:—ты говоришь много сѣлъ зуботычинъ, а я и одной не вынесъ. Вотъ и поди ты, толкуй. Зазорно стало. Значить родъ не перенесъ.

— Вишь какой гордый, усмѣхнулся Лукьянъ.

— Не то чтобы гордый, а вольный значить былъ, не свыченъ къ этому.

— Да ты изъ какихъ же? спросилъ его нарядчикъ.

— Я-то? Наперво казакъ былъ, да еще и роду не простаго, а хорошаго. Наша фамилія на Дону, поди-ка, теперь еще въ славѣ, тамъ всякій знаетъ Ко—выхъ. Домъ у насъ богатѣющій, кого ни спроси, что ни есть ребенка, всякой те покажетъ. А какіе у насъ виноградники, да рыбныя ловли богатѣйшія! Да вотъ выпала же доля угодить сюда. Такъ знать Богу угодно, не потерпѣлъ грѣхамъ. Теперь шабашъ! Ужь не видать мнѣ ни родины, ни матушки, никого! Судилъ мнѣ Господь горькую чашу, умереть одному на чужой сторонкѣ! Никто родной и на могилу-то не придетъ, слезки не уронить. Почитай и теперь для родныхъ-то, что есть, что нѣтъ, все единственно. Сгинулъ, безъ вѣсти пропалъ. Матери о себѣ отписать не могу; а куда бы она рада была, сердечная! Да что ты будешь дѣлать? знать Божья воля. (Иа его глазахъ навернулись слезы.)

А за что и про что попалъ-то сюда я! Вѣрите ли Богу, и самъ почитай не знаю, ничего за собой не чувствую, никого не обидѣлъ, никому зла не сдѣлалъ, а по Владиміркѣ пошлагалъ, да еще и розгачей отвѣдалъ. Что ты будешь дѣлать?

— Однако ты говоришь, что сбѣжалъ изъ военной, и что тебѣ дали пощечину. Расскажи какъ это случилось?

— Сказать недолго. Поступилъ я по очереди на службу въ полкъ. Тамъ мнѣ сразу повезло. Былъ я казакъ во всемъ исправный, тихій, къ службѣ усердный. Начальство сразу отличило и въ урядники произвело. Значить ужь

на дорогу сталъ. У насъ вѣдь служить хорошо, не бьютъ, не сѣкутъ, не колотятъ; развѣ тамъ, коли больно неисправно что, ну такъ мало-малю побранятъ, да и баста. Вотъ, разъ препровождалъ я съ конвоемъ какого то анаѣму-арестанта, будь онъ проклятъ, чортовъ сынъ! Мы какъ-то позавѣвались, а онъ возьми, да съ ночлегу и сбѣги. Ну, извѣстно, дѣло-то и вышло худо. Вернулись въ станицу съ повинной. Что будешь дѣлать? Судили въ ту пору насъ и рѣшили: разжаловали меня, да и обратили на дѣйствительную службу. Вотъ и попалъ я въ армейскій полкъ. И тутъ бы служить можно. Отчего же? Вездѣ вѣдь люди, да на мой грѣхъ, былъ у насъ взводный командиръ молоденькій премолоденькій, такъ, лѣтъ восемнадцати. Онъ, вишь, только что пріѣхалъ изъ кадетскаго корпуса, а фанаберіи, да гордости набрался столько, что Боже ты мой! Былъ какой-то взбалмошный, да вспыльчивый, никого знать не хотѣлъ. А чѣмъ бы, кажись, и гордиться? Мальчишка какъ-есть, почитай на губахъ у него и материнское молоко еще толкомъ не обсохло. Старые солдаты надъ нимъ посмѣивались, но онъ ихъ не трогалъ, а все куражился надъ нами, новичками. Вотъ, это, разъ распекъ его передъ фронтомъ полковой командиръ. Пришелъ онъ къ вводу такой сердитый, да злой. Сталъ на мѣсто, да и кричитъ маѣ: — Эй, говорить, третій человекъ, подбери живогъ. Плечъ, говорить, не заваливай, ружье не наклоняй. — Ну, сдѣлалъ я это, какъ умѣлъ, да видно не потрафилъ; подлетѣлъ онъ ко маѣ, ткнулъ сперва кулакомъ въ животъ, а потомъ и въ ухо хватилъ: вотъ я, говорить, выучу тебя по своему, такой-сякой. Какъ ударилъ онъ меня, такъ я свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Ружье у меня закачалось, словно я одурѣлъ. И не то чтобы больно было, а такъ сдѣлалось совѣстно, что и сказать не умѣю. Пришелъ въ казармы, самъ не свой; такъ меня и мутитъ, и мутитъ. Думаю: дали въ зубы! А за что? Ужь чего, чего въ ту пору я не передумалъ! Зло взяло; думаю, что жъ, молъ, это за служба, что тебѣ всякій мальчишка въ зубы лѣзетъ, а ты стой, да рыло ему подставляй и сказать ничего не смѣй. Ажъ съ досады всплакалъ. Ну, хорошо. Ночь прошла, я почитай ее всю проходилъ, все о своей обидѣ воспоминаючи а на другой день, какъ увидалъ своего супротивника, и

разобрала меня такая досада, что кажись, скажи онъ мнѣ слово, убилъ бы на мѣстѣ.

— Э, парень, да ты шутникъ же былъ, прервалъ Дубровина рабочій Юшкевичъ, — вишь что выдумалъ! Да что больно разобидѣлся? Плюху отъ офицера получилъ? Велика важность! На то братья они и поставлены: знай, молъ, я вѣдь благородіе, а ты что? солдатъ!

— Такъ-то такъ! Да драться зачѣмъ? Развѣ что благородіе, такъ ладомъ и сказать нельзя, а нужно въ зубы лѣзть?

— На то, братъ, начальство. Власть, значитъ, одно слово. Супротивъ идти не могу.

— Это мнѣ всѣ говорили, а старые солдаты еще подсмѣивались. „Вишь, говорятъ, матушкинъ сыночекъ, недотыка! Важное дѣло, плюха! Погоди, братъ, много ихъ увидишь.“ Однако не могъ я этимъ успокоиться, а пуще только разбирала меня злость. Бывало, какъ увижу этого молокососа, такъ вотъ все и закипитъ во мнѣ. Подумалъ, подумалъ, вижу, не могу служить, да еще и побоялся, чтобы грѣха какого не прилучилось, рѣшилъ: будь что будетъ, сбѣгу. Ну, и сбѣжалъ.

— Долго бѣгалъ?

— Нѣтъ, всего года полтора. Сперва счастье повезло. До самаго Кіева дошелъ, на Зеленцѣ и поселился. Жилось привольно. Тамъ, вѣдь, не больно строго; начпорта не требуютъ, живи только тихо. Потомъ захотѣлось въ Москвѣ побывать, пошелъ, да въ Тульской губерніи и попался.

— Чѣмъ же ты жилъ?

— Мнѣ сперва-то изъ дому много денегъ посылали. Я не кутилъ, а все приберегалъ на черный день. Вотъ и пригодились.

— Оттого такъ далеко и ушелъ, глубокомысленно замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, — у насъ по матушкѣ Руси съ деньгами гуляй сколько хошь! Коли попалъ кому на глаза, и тутъ вывернуться можно. Сыннулъ, тамъ, кому слѣдуетъ, сотекому аль становому, ну и убирайся по добру по здорovu. Одно только, сноровку имѣй, да знай сколько кому дать. Чѣмъ старше начальство, больше давай: вотъ те и вся недолга.

— Какъ же ты попалъ?

— Да тоже случаемъ. Пришелъ, это, я въ одно село, а

тамъ праздникъ былъ, да ярмарка въ придачу: извѣстно, до меня ли тутъ? Зашелъ я въ харчевню: чайку, водочки выпилъ, позакусилъ, и собрался было въ путь дороженьку. Да надоумила меня нелегкая на базаръ сходить; такъ, значитъ, полюбопытничать. Пока я болтался, въ ту пору случись въ харчевнѣ грѣхъ, пропали у хозяина ложки. Далъ онъ знать сотскому. Всѣхъ, кто въ харчевнѣ былъ, и забрали, а на ту пору въ селѣ становой случился, да изъ губерніи, тамъ, какой-то надъ нимъ набольшій пріѣхалъ. Вотъ, значитъ, у становаго-то руки связаны были, взять онъ денегъ и не по-смѣлъ. Боялся. Я, это, ничего себѣ не знаю. Погулялъ по ярмаркѣ да къ харчевнѣ; анъ тутъ меня и цапъ-царапъ. Пачпортъ требуютъ, а у меня его-то и нѣтъ. Ну и приняли меня за бока. Не будь тутъ этого окаяннаго, становой отпустилъ бы, а чтобъ отъ большака-то откупиться, у меня денегъ не хватало. Подумалъ тогда, будетъ что будетъ, взялъ да никому ничего и не далъ. Меня раба Божьяго въ острогъ и препроводили.

— Ты сознался, что бѣжалъ изъ военной службы?

— Нѣтъ. Сказалъ, что изъ Курской губерніи, дворовый человѣкъ одной помѣщицы. Это я сдѣлалъ вотъ почему: пока я былъ на волѣ, извѣстно, случалось много видѣть и городовъ, и людей, и знакомствъ свести съ своимъ братомъ бѣглымъ. Вотъ, бывало, кому ни скажу, почему, значитъ, бѣжалъ, всѣ или смѣются, или не вѣрятъ.—Эка, братъ, говорятъ, какой ты нѣженка, отъ плюхи сбѣжалъ, важное дѣло! стоило себя губить! Если, говорятъ, отъ такихъ пустяковъ да бѣгать стануть, такъ всѣ бѣглые будутъ. За всякимъ тычкомъ не угонишься. Это братъ, говорятъ, у тебя въ резонъ и судъ не приметъ. Поди-ка скажи судѣ, что, молъ, сбѣжалъ отъ того, что далъ офицеръ плюху, такъ онъ тебя осмѣетъ да еще скажетъ, что ты бунтовщикъ. Вѣдь поди-ка, любой изъ нихъ своему лакею частенько задаромъ въ зубы сѣздить, да и въ грѣхъ этого не поставитъ. Однако все я думалъ, что это не такъ. Разъ это, уже въ Тульской губерніи, познакомился я съ однимъ парнемъ. Бѣжалъ онъ отъ помѣщицы, больно ему жить нудно было у ней-то. Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: „попадешь ты когда-нибудь! У тебя въ резонъ ничего не примутъ что ты говоришь, а накажутъ за побѣгъ, да опять въ

военную отдадутъ. А ты вотъ что сдѣлай: коли попадешься, назовись моимъ именемъ; небось, не накажутъ. Дурного я ничего особеннаго не сдѣлалъ; а ужъ то вѣрно, помѣщица къ себѣ не потребуетъ: больно я надѣлалъ ей. Ты же, говоритъ, и похожъ на меня, такъ это и легко. Ну, а коли потребуетъ, такъ ужъ выворачивайся какъ знаешь.“ Разказалъ онъ мнѣ всю подноготную о своемъ житиѣ: какъ тамъ и помѣщицу зовутъ, и родныхъ, и сусѣдей, ну все это я и взялъ къ сердцу. Какъ схватили меня, я и показалъ такъ, какъ онъ училъ. Ну, извѣстно, сейчасъ справки навели, а меня въ острогъ посадили, судъ еще шелъ объ украденныхъ ложкахъ. Пока еще тамъ допросы по этому дѣлу снимали, а тѣмъ часомъ барыня и отписала, что дѣйствительно такой человѣкъ отъ нея бѣжалъ, но что она его у себя держать не хочетъ, а за побѣгъ проситъ наказать розгами, да и сослать въ Сибирь, и деньги еще приложила. Въ кражѣ ложекъ меня не обвинили, а по просьбѣ помѣщицы высѣкли да и сослали сюда. Вотъ те и вся сказка.

— Ну, а еслибы помѣщица потребовала тебя къ себѣ, что бы ты сталъ дѣлать?

— А право не знаю. Сказался бы не помнящимъ родства, да и баста. Что бы тамъ ни было, а опять бы въ полкъ не пошелъ.

— Давно ты здѣсь?

— Да вотъ ужъ третій годъ пошелъ.

— Кажется поселенцевъ изъ волости ранѣе трехъ лѣтъ запрещено пускать на приискъ?

— И, сударь! Были бы деньги, а то съ ними въ Сибири все можно сдѣлать. Извѣстно, дать нужно.

— Да откуда же поселенцу взять ихъ?

— Какъ откуда? Задатки при наймѣ даютъ. Подѣлился съ писаремъ, ну и уволить.

— Все, братъ, ты правду толковалъ, а тутъ и пошелъ душой кривить, сказалъ одинъ изъ рабочихъ.— Не бось не своими отдауешься.

— Какъ не своими? Своими, отвѣчалъ Дубровинъ — А это что бають, будто баба-то за меня писарю подарила, такъ это такой случай вышелъ.

— Ну врешь, врешь, продолжалъ тотъ же рабочій,—она для тебя рада отца роднаго чорту отдать: будто я не знаю.

— Любить, значить, отвѣтилъ Дубровинъ.

— То-то любить. И чортъ тебя понесъ, прости Господи, сюда! Человѣку приволье, катайся какъ сыръ въ маслѣ. Такъ нѣтъ не любо; дай, молъ, въ каторгу пойду.

— Эхъ, ты, пустомеля! отвѣчалъ Дубровинъ:—право, пустомеля.

— Да развѣ я не знаю, что ли? Видите ли, сударь, у него тамъ въ деревнѣ, продолжалъ рабочій,—полюбовница есть, баба что ни есть по цѣлому селу богатѣйшая; денегъ куры не клюютъ. Полюбила она его, такъ что на удивленіе. Денегъ бери сколько хошь; чуть не на рукахъ носитъ, запрету ни въ чемъ нѣтъ. А его лѣшій сюда принесъ.

— Посадила бы я тебя въ свою шкуру; не бось, не такъ бы заговорилъ.

— А что? Скажешь, не бось, худо тебѣ? Да коли бы мнѣ эвтакой фаршъ, я бы....

— Загулялъ бы, вотъ и все, прервалъ Дубровинъ.—Знаемъ, братъ!

— Ну, а хоша бы и загулялъ! За то пожилъ бы.

— Развѣ въ самомъ дѣлѣ, Дубровинъ, тебя любить богатая женщина?

— Любить, да что толку?

— Ты бы женился, чѣмъ жить безъ дому.

— И, что вы, сударь! отвѣчалъ онъ:—правда, она баба привязчивая, такъ пристала какъ тѣсто, и богата, и ублажаетъ меня, чѣмъ то-есть хочу. Да не рука: разъ, супротивъ меня стара больно, а второе и года мнѣ еще не вышли; вѣдь всего я еще третій годъ на поселеніи, значить жениться и нельзя. Потому что она за жена? Эка невидаль, что богата! За то такая злющая, что не приведи Господи.

— За чѣмъ же ты на пріускѣ пришелъ?

— Погулять захотѣлось. Лѣтомъ въ деревнѣ скука, все наши ребята, что по моложе, на пріуски уходятъ, а оставаться съ этими челдонами нѣтъ того хуже.

— Полно-ка балясы точить! прервалъ его рабочій:—отдѣлаться отъ Марѣи хошь, вотъ и вся пѣсня.

— Эка врало! А что она мнѣ за помѣха. Воленъ живу, а нѣтъ такъ и поминай какъ звали! Вѣдь не привязанъ. Просто, дома тоска взяла, вотъ и все.

— О родинѣ скучаеть? спросилъ я.

— Да еще какъ, не приведи Господи! Подъ часъ такая тоска нападетъ, что мѣста себѣ не найдешь, такъ бы кажись и полетѣлъ туда. Хоша бы глазкомъ взглянуть на родину. Анъ нельзя, далеко, да и запретъ. Вотъ какъ передъ Богомъ, иной разъ подумаешь о матери, о домѣ, о всемъ этомъ, такъ руки и опустятся, и отъ работы отвернешься, дѣлать ничего не станешь, и денегъ не захочешь. На кой они прахъ? Пойдешь да съ горя послѣдніе прокутишь. И то сказать, какой въ нихъ толкъ бездомному поселенцу! Какова пора, чужимъ достанутся.

— Заведись своею семьей. Выбери хорошую дѣвушку да женись.

— Жениться! Это здѣсь послѣдняя штука. Вѣдь здѣсь не то что у насъ въ Россіи. Здѣсь и дѣвки, и бабы все гуляціи. Это не зазоръ у нихъ. Деньги только давай, а то запрету ни на что нѣтъ, все таковскія. Ну, а по нашему это ужъ не дѣло. Хорошая дѣвка за нашего брата, голяка-поселенца, не пойдетъ. Что ей за радость бездомника мужа имѣть? А съ худой самъ пропадетъ. Да и воли той нѣтъ, худо ли, хорошо ли, все семья; значить, связанъ. А вѣдь Богъ знаетъ, что можетъ случиться! За часъ не поручишься. Коли одинъ, такъ ни передъ чѣмъ не задушаешься; взялъ да и сдѣлалъ. Никто не въ отвѣтъ.

— Да ужъ ты, Андрюха, не хочешь ли Донъ посмотреть. Далече, родной.

— А какъ знать чего не знаешь! Можетъ и посмотрю. Думу не думаю, а зарока не накладываю. Все впереди. Больно тоскливо, ребята, стало.. Но вотъ.. Эхъ, да что говорить объ этомъ? Кабы воля...—Дубровинъ махнулъ рукою, быстро всталъ и вышелъ изъ балагана.

Всѣ молчали.

IV.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, я отправился на охоту съ работникомъ Максимомъ Яковлевымъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, тихій, скромный и постоянно задумчивый. Его добродушное лицо, носило на себѣ печать задумчивости и грусти. Онъ былъ очень робокъ, словно всего боял-

ся, молчаливъ и необщителенъ. Я никогда не видалъ, чтобы Максимъ участвовалъ въ шумныхъ разговорахъ своихъ товарищей, походившихъ болѣе набранъ чѣмъ на дружескія бесѣды, или въ ихъ грубыхъ и буйныхъ играхъ. За то частенько случалось мнѣ видѣть Максима сидѣвшаго гдѣ-нибудь въ отдаленіи отъ другихъ, скучнаго и грустнаго. Въ подобныя минуты я часто подмѣчалъ слезы на его глазахъ. Онъ былъ религіозенъ. Акуратно, каждое утро и вечеръ, уходя за уголъ балагана, онъ долго и жарко молился. Видно было, что тоска сильно гложетъ его сердце и что онъ какъ будто упалъ духомъ. Товарищи хотя и звали его пустыннымъ и нелюдимомъ, но никогда не трогали и не смѣялись надъ нимъ.

Утомленные полуденнымъ зноемъ, усталые отъ ходьбы, мы, отойдя очень далеко отъ нашего поселенія, устѣлись отдохнуть и позавтракать. Я подаль моему спутнику стаканъ водки; онъ выпилъ съ удовольствіемъ, и закурилъ свою махорку. Сперва бесѣда наша шла какъ то вяло, переходя отъ предмета къ предмету; но мало-по-малу Максимъ ожилъ, особенно когда я сталъ говорить о Россіи. Онъ съ видимымъ участіемъ разспрашивалъ обо всемъ, — что тамъ дѣлается, какъ живетъ, вздыхалъ и порой грустно покачивалъ головой.

— Не видать ужъ мнѣ болѣе моей матушки! Да, не видать. Эхъ ты, Господи, по грѣхамъ знать наказалъ ты меня! печально проговорилъ онъ, и такъ сильно затянулся своею махоркой, что закашлялся и заплакалъ.

Естественно, что послѣ этого воззванія разговоръ нашъ склонился къ прошлому, и я попросилъ Максима разказать за что онъ попалъ въ Сибирь.

Подумавъ и сдѣлавъ двѣ или три отчаянныя затяжки Максимъ началъ: — Пью я такую чашу по волѣ моего барина, чтобъ ему ни дна, ни покрывки! А за что про что, такъ пожалуй и сказать-то странно. Добро виновать, ну такъ по дѣломъ вору и мука, терпи. А то и вины то нѣтъ. Право слово! (Онъ замолчалъ и задумался.) Скучно бываетъ иногда, такъ скучно, что и не приведи ты Господи! Кажись радъ бы въ ту пору все сдѣлать надъ собой. Бога вотъ только боишься, да страшно свою душеньку горькую губить. Повѣришь ли, всплачешь другой разъ,

какъ подумаешь о родной сторонкѣ, да о родныхъ. Да что ты будешь дѣлать? Былъ я дворовый челоѣкъ и служилъ при конскомъ заводѣ коноваломъ. Помѣщикъ нашъ очень богатъ, имѣніе большущее, и какихъ тамъ у него заводовъ нѣтъ? Столяровъ, плотниковъ и разныхъ мастеровъ тьматмущая. Самъ безвыѣздно живетъ въ деревнѣ, и сказать по сущей правдѣ, больно жестоко. Сѣкъ за всякое бездѣльное дѣло! Что то-есть плевка не стоить, за что другой добрый баринъ и слова дурнаго своему рабу не скажетъ, а онъ знай розгами угощаетъ. Звѣрь, а не челоѣкъ! Сперва какъ съ нимъ барыня жила, онъ, правда, не такъ безчинствовалъ; значить смягчала она его сердце, ну да видно и ей голубушкѣ не въ терпежъ пришло, бросила его, и въ Питеръ укатила. Съ той поры баринъ совсѣмъ Бога забылъ. Пошла у насъ такая жизнь, что хуже каторги. Дѣла много, требуютъ строго, и хошь ты сдѣлай и того лучше, а ужъ не то что награды жди, слова добраго не услышишь. Розогъ, пожалуй, сколько хошь, достанетъ. Меня онъ сослалъ вотъ за какую притчу: Сдохъ у меня на заводѣ жеребенокъ, и сдохъ, вотъ те Богъ, чтобы мнѣ провалиться сквозь землю, коли лгу, такъ, безъ всякой причины, ну, какъ сдыхаетъ всякая скотина. И чего, чего я не дѣлалъ надъ нимъ; нѣтъ, сударь ты мой! Утромъ, это, онъ захворалъ, а къ вечеру и ноги протянулъ, поминай какъ звали. Оказія! Дѣлать нечего. Пошли, это, мы съ кучеромъ Абрамомъ, ни живы, ни мертвы, докладываемъ барину, такъ, молъ, и такъ, сударь, сдохъ саврасый жеребенокъ! Какъ услыхалъ это баринъ, закричалъ, затопалъ, хоть святыхъ вонъ носи! Ужъ онъ пыталъ, пыталъ бранить насъ, и такіе-то мы, и сякіе, и чего, чего только ни обѣщалъ, и Сибирью стращалъ, и шкуру-то съ насъ хотѣлъ до пятъ спустить. А потомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ и говорить: — Коли хошь пощады, признавайся, бестія, нарочно жеребенка извелъ? а? — Помилуйте, говорю, сударь, за что такъ гнѣваться изволите? Сами разсудите, за что мнѣ жеребенка нарочно морить; вѣдь онъ зла никакого не сдѣлалъ; какъ есть, скотина безсловесная. Знать, часть пришелъ, вотъ и сдохъ. — А баринъ и того пуще. — Самъ ты, говорить, безсловесная скотина. Если не сознаешься, я тебя сошлю куда Макаръ телятъ не гоняетъ. —

Принялся онъ опять ругать и всячески поносить меня. Кричалъ, то-есть, сколько его дворянской души было угодно, а потомъ и сталъ на томъ, что я жеребенка нарочно сжилъ. Ну, началъ я его разувѣрять, да и Абрамъ тоже. Куда-те! не слушаетъ, знай ругаетъ. — Постой, говоритъ, вотъ какъ я тебѣ дамъ хорошую баню, такъ всю правду съ твоего анаѣемскаго языка вытяну. — Воля, говорю, ваша, барская, а наше дѣло подначальное, а жеребенка не травилъ. — Какъ онъ ни бился, и стращалъ-то, и уговаривалъ, чтобъ я признался, я все на своемъ стоялъ: умеръ, молъ, самъ жеребенокъ. Да оно и взаправду такъ было. Однако въ ту пору баринъ меня не высѣкъ, а сказалъ только: — коли не признаешься, сошлю въ Сибирь, денегъ не пожалѣю, а сошлю. — Власть, говорю, ваша, а мы чтò? рабы! — Ну, прогналъ онъ насъ, да и говоритъ: — Ладно, будешь ты помнить этого жеребенка! — Какъ вышли мы отъ барина, Абрамъ и говоритъ мнѣ: — Диво, парень, ушли безъ бани! — Диво, говорю, какъ есть! Чтò ѣ-то будетъ! — Да ничего, говоритъ, не будетъ, первое-то сердце сорвалъ; ну, значить, все и кончено. — Промель, это, день тихо, да смирно, баринъ въ городъ уѣхалъ, а оттолѣ вдругъ и шлетъ за мной. Привезли меня, раба Божьяго, прямо въ земскій судъ, привели въ канцелярію. Вышелъ наперво ко мнѣ самъ баринъ, сталъ ту же пѣсню пѣть: — признайся, говоритъ, что ты уморилъ жеребенка; коли скажешь, ничего не сдѣлаю. — Я и говорю: — на чтò же, молъ, буду я вину накликать на себя. — Эй, говоритъ, худо будетъ, — и сталъ онъ стращать Сибирью. Ну, и взяло меня зло; думаю, ужъ хуже жизни какъ у тебя не будетъ, одинъ конецъ. Признаться, погрубилъ ему въ ту пору, да и говорю: — чтò, молъ, Сибирью-то страшаете? у васъ тоже каторга, кровью плачешь. — Ушелъ отъ меня баринъ, покраснѣлъ отъ злости. Потомъ опять вышелъ съ исправникомъ, и ну меня усовѣщивать. А исправникъ еще и говоритъ: — Признавайся, братецъ, грѣхъ заператься. У эвтакого, говоритъ, добраго барина то ли не житье? — Эхъ ты, думаю, чернильное племя, тебѣ хорошо Лазаря пѣть, ты хоша и знаешь всю подноготную, да на его же руку тянешь. А попади-ка къ нему въ передѣлъ, такъ онъ такъ вышkolить, что небось, небо съ овчинку покажется. Не о твоей спинѣ дѣло идетъ. Скажи-ка я на себя, такъ

онъ такую припарку задасть, что и чорту тошно будетъ. — Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, власть ваша, не виновенъ, дѣлайте со мной, что хотите, а жеребенокъ самъ сдохъ, знать ему часть пришелъ. — Видите, говоритъ баринъ, — какой упорный? — Вижу, говоритъ исправникъ, — ты, братъ, говоритъ, лучше признайся, не раздражай барина, а то онъ тебя сошлетъ! — Власть, говорю, барская, а я на себя грѣха не беру. — Въ ту пору, все же я думалъ, есть же у барина христіанская душа, не сошлетъ онъ человѣка за даромъ. А онъ, чтобъ ему пусто было! возьми, да и сошли. Вѣрите ли, сударь, въ деревню съѣздить не позволилъ, съ родными проститься не далъ, такъ и услалъ, какъ есть, жену ко мнѣ не пустилъ. Известно, силу имѣлъ. Вотъ и вся моя вина. Не зналъ я своей горькой доли, продолжалъ, помолчавъ Максимъ, у котораго отъ этого воспоминанія лицо разгорѣлось и глаза засверкали злобой, — а то я бы ему всѣхъ, что ни лучшихъ кобылъ, сгубилъ. На же, молъ, знай нашихъ.

Максимъ замолчалъ и закрылъ пылающее лицо руками.

— Неужели только за жеребенка сослалъ тебя помѣщикъ?

— Въ ту пору, какъ передъ Богомъ, только и вины было.

Ну, да вишь онъ тутъ только придрался. Онъ давно на меня зубы-то грызъ, да я дуракъ все не догадывался.

— Развѣ онъ былъ на тебя сердитъ?

— Не любилъ меня, это разъ, а второе боялся. Вишь, я ему не по нутру былъ, на его руку не тянулъ. Послѣ-то я уже смѣкнулъ, что баринъ давно въ умѣ своемъ положилъ сгубить меня.

— За что же?

— Да какъ тебѣ сказать? Особенной провинности за мной не было, да баринъ сумѣнье имѣлъ, что мы, то-есть вся дворня, ему добра не желаемъ, и на меня онъ больше другихъ подозрѣнія имѣлъ.

— Развѣ у васъ былъ какой-нибудь умыселъ противъ него?

— Нѣтъ, особаго умысла не было, а такъ промежь собой поговаривали разные разности. Говорили да говорили, а разъ я смѣхомъ и скажи: — что, молъ, ребята, ка бы баринъ-то хоша бы разъ попробовалъ березовой каши, поди-ка не сталъ бы такъ драть. Разъ сболтнулъ, да еще потомъ кучеру

Абраму говорю!—А что и вправду, говорю, коли приведетъ къ намъ баринъ драть кого-нибудь, разложимъ-ка мы его самого да выскримъ. Не бось, ничего не будетъ. Вѣдь стыдно сказать, что люди выпороли. Между нашимъ братомъ, сударь ты мой, есть много подлецовъ; нашлись такіе бездѣльники, пересказали все барину, доложили, что только случая-де ждутъ. Одначе въ ту пору баринъ насъ не тронулъ. Совѣстно ему было, аль боялся насъ, чортъ его знаетъ. Мѣсяца черезъ полтора сдохъ мой жеребенокъ, вотъ онъ и угодилъ меня въ Сибирь. Значить, припомнилъ аспидъ.

— Однако жена твоя имѣла право идти за тобой?

— Куда ей ледящей! Она и при мнѣ-то хворая была. Мною только и домъ держался. Ну опять двое дѣтей остались бы, паренекъ лѣтъ десяти, да дѣвушка по восьмому годку. Имъ идти нельзя, а бросить сиротъ безпомощныхъ тоже не рука! Вотъ и отписалъ я женѣ чтобы при дѣтяхъ осталась, хоша и крѣпко тяжело было, да что дѣлать, знать такова воля Божія....

Максимъ замолчалъ.

— Ну, вотъ-те и вся моя вина, продолжалъ онъ:—суди какъ хошь. А что вытерпѣлъ я пока сюда-то дошагалъ, такъ не приведи ты Господи! Вѣдь годъ два мѣсяца въ кандалахъ, какъ воръ какой ни на есть шелъ, чего, чего не видалъ и не наслушался? и страшнаго, и срамнаго. Вотъ въ нашей партіи и Лукьяшка былъ, и Грузинъ, и Грубовъ. Каковы, поди-ка, самъ знаешь, не много у нихъ есть чего святаго. Да это что? изъ смиренныхъ еще были, а другіе тамъ такіе находились, что дыбомъ волосъ становится, какъ вспомнишь, что они толковали да выдѣлывали на этапахъ. И не хочешь, а съ ними будь заодно, а то коли отсталъ, бѣда, какъ разъ уходятъ. Имъ что? одинъ конецъ: жизнь, говорятъ, копѣйка, что ее беречь! Ну и разсуждай съ ними. Въ страхъ партію держали. Вотъ каковы! Вѣришь ли, и Богу ладомъ помолиться не могли, осмѣютъ да обругаютъ. Бывало, какъ придешь, больно горько! такъ поровишь, чтобы никто не примѣтилъ твоей кручины. Тяжко было, куда тяжело!

— Давно ты въ Сибири?

— Да вотъ ужъ годовъ шесть будетъ.

— И не слыхалъ ничего о своей семьѣ?

— Какъ въ воду канули. Писалъ женѣ два письма, парню денегъ послалъ. Нѣтъ ни привѣту, ни отвѣту, словно сгинули. А можетъ, и взаправду сгинули, ничего не знаю.

Нѣсколько времени мы оба молчали.

— Давно ты ходишь на прииски? спросилъ я.

— Нѣтъ, всего третій разъ нанялся.

— Много заработалъ въ тѣ годы?

— Оно бы ни что. Да деньги-то эти больно не споры. Что Богъ дастъ въ нынѣшнемъ году, а отъ прежнихъ ничего не осталось.

Отчего?

— Да такъ какъ-то. Въ первый годъ надули меня, ничего не принесть; а во второй несчастлива заработка была, да еще подъ конецъ лѣта заболѣлъ, да въ больницѣ провалялся. Такъ не то что унести, а еще въ долгу остался.

— Кто жь обманулъ тебя?

— Да свой же братъ. Вѣдь здѣсь ухо остро держи; нашего брата есть всякаго; другой такой проходимецъ, что только и глядитъ какъ бы надуть да обмануть. Тѣмъ только и живетъ. Вотъ и я на такого попалъ. Вишь ты, на приискахъ-то я былъ еще новичокъ; ну, извѣстно, одному и работать не повадно. Нужно, чтобы кто-нибудь поучилъ да показалъ. Вотъ и выискался одинъ такой разбитной да разговорчивый парень. Стоялъ это онъ возлѣ меня въ заборѣ, да и принялся учить, да таково добродушно все показывать. Я къ нему и привязался. Подружились. Кончились работы, получили мы расчетъ, я чистыя денежки, а онъ въ долгу остался, вишь заборъ у него большой былъ. Отправились домой. Пришли мы въ Рыбное, онъ и квартиру указалъ и все тамъ сдѣлалъ, что слѣдовало, зналъ то-есть всю подноготную, давно на приискѣ болтался. Подъ вечеръ попросилъ меня водки купить, да разной закуски. Исполнилъ я все, думаю, дая-че пріятеля не потѣшить. Выпили мы, покантавали, и поздно ночью спать улеглись. Проснулся, гляжу, товарища моего нѣтъ. Спрашиваю хозяйку гдѣ онъ.—А не знаю, говоритъ, вышелъ.—Пождалъ немного, вижу не идетъ парень, спрашиваю хозяйку:—не сказалъ ли, молъ, тебѣ товарищъ когда вернется?—Нѣтъ, говоритъ, да онъ совсѣмъ ушелъ.—Какъ совсѣмъ?—Да такъ, съ котомкой.—Вотъ-те, думаю и разъ. Сталъ и я собираться, хватъ, анъ моя котомка

развязана, деньги и пачпортъ вытащены.—Ахъ ты, молъ, чортовъ сынъ, вотъ какую штуку сдѣлалъ. Говорю хозяйкѣ: такъ и такъ.—А мнѣ, говоритъ, что за нужда. Самъ смотри за своимъ добромъ. Мы не въ отвѣтъ.—Бросился я искать его вездѣ: ни слуху, ни духу, пропалъ. Потужилъ, потужилъ, да дѣлать нечего, пошелъ домой съ пустыми карманами. Въ волостномъ правленіи объявилъ я объ этомъ, проходной билетъ выхлопоталъ, да почитай до самого дома Христовымъ именемъ и питался.

— Но ты зналъ имя своего товарища, и слѣдовательно могъ найдти его.

— Найдти-то его нашелъ, да что толку! Онъ же надо мной и насмѣялся. У такихъ людей, знамо, совѣсти не ищи.

— Я, говоритъ, ни денегъ, ни билета твоего въ глаза не видалъ; почему я знаю кто взялъ; а это тебѣ наука, не зѣвай, да больно не раскошеливайся.—А зачѣмъ же ты, молъ, ушелъ отъ меня?—А что мнѣ съ тобой дѣлать? Ты спалъ, а я другихъ отыскалъ.—Бился, бился, вижу нѣтъ толку, такъ рукой и махнулъ:—подавись ты, говорю, моими деньгами.—Ладно, говорятъ, при случаѣ за твое здоровье лишнюю рюмку выпью.—Вотъ каковъ народецъ! Однако, пора намъ и домой, глядь-ка какъ солнце-то низко. Экъ мы забоятались!

(До слѣд. №.)

К. ЗОЛОТИЛОВЪ.

СИБИРСКАЯ ТАЙГА¹

V.

— О, чтобы провалиться этимъ проклятымъ приискамъ: работаешь, работаешь, устанешь какъ собака, запачкаешься какъ свинья, да тебя же еще изкалѣчить.

Такъ жаловался, вечеромъ, въ балаганѣ, Тимоѳеѣ Юшкевичъ, который еще утромъ ушелъ съ работы, подъ предлогомъ сильного ушиба ноги, упавъ съ полатей въ шурфъ. Однако его жалобные возгласы и сѣтованья не только не возбуждали въ его товарищахъ сочувствія; но, напротивъ, вызывали съ ихъ стороны однѣ лишь насмѣшки.

— Эка, говорилъ одинъ,—гляньте-ка, ребята, какъ бѣдняжка на работѣ примаялся: кожа да кости только и остались. Гляючи на него, ажъ слеза прошибаетъ.

— Все оттого, возразилъ другой,—что больно ретивъ собака. За что ни примется, все изъ рукъ валится, али самъ упадетъ.

Всѣ засмѣялись.

— Ты, небось, работникъ? возразилъ ему Юшкевичъ.—Съ кѣмъ другимъ, а съ тобой-то я еще потягаюсь; за поясъ заткну!

— Пояс-то развяжи, а то, гляди, какъ подтянулся! Не то что меня, некуда рукавицу запихать.

— Не затыкай, Юшкевичъ, пожалѣй хоть пояса-то, подхватилъ другой,—вѣдь онъ у тебя больно крѣпокъ.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 1 и 2.

Снова послѣдоваль общій смѣхъ, раздражившій еще болѣе Юшкевича, азамъ котораго буквально представлялъ какую-то необъяснимую смѣсь лохмотьевъ, подпоясанныхъ худенькою веревкой.

— О, чтобъ у тебя глаза лопнули, языкъ отсохъ, варнакъ проклятый!.. На себя-то взгляни, отвѣчалъ онъ съ злостью.

— Не трожь его, ребята, сказалъ одинъ, какъ будто съ соболѣзнованіемъ:—вишь, парень въ несчастіи, а вы смѣтаетесь. Бѣдняжка ножку помялъ, да и драгоценныя хламиды замарать изволилъ. Ну, какъ не жаль? А поди-ка, Юшкевичъ, ты дорого за хорошіе-то заплатилъ, какъ худыя пропилъ?

— Ну, пропилъ, такъ и пропилъ; а тебѣ что, чортово твое племя? Ты мнѣ не указъ.

— Вотъ, поди ты! Объ немъ сожалѣешь, а онъ лается какъ собака...

— Чтобы пусто всѣмъ вамъ было!... началъ было Юшкевичъ; но остановился, увидя что я вошелъ въ балаганъ.

— Ну, что твоя нога, Юшкевичъ?

— Да что? Известно, болитъ. Въ лапѣ ломить, ступить не даетъ! Гляди, на! отвѣчалъ онъ съ худо скрытою досадою, протягивая ко мнѣ ногу, на которой не было видно ни малѣйшаго слѣда ушиба.

— Гдѣ ты чувствуешь боль?

— Сказалъ, въ лапѣ. Коли такъ будетъ болѣть, такъ завтра и на работу не пойду.

— Сжался ты надъ нимъ, полѣчи парня-то, сказалъ, улыбаясь, одинъ изъ рабочихъ, обращаясь ко мнѣ.—Жалость глядѣть какъ онъ убивается, что завтра на работу не пойдетъ. Все сокрушается: какъ безъ него-то обойдутся.

— Съ тоски ажъ похудѣлъ, бѣдняга, подхватилъ другой со смѣхомъ,—прилежень больно, собака; одинъ всѣмъ дѣломъ орудуешь!

— Вѣдь онъ, что конь безъ ногъ, куда ретивъ, заговорилъ третій,—вотъ ѣсть, аль спать, это не по его части. Этого онъ вовсе не любитъ, а работать—мастеръ!

Всѣ засмѣялись.

Чтобъ успокоить Юшкевича, считавшагося во всей партіи за самаго отчаяннаго лѣнтяя и обжору, я далъ ему какую-то примочку и велѣлъ завернуть ногу тряпкой.

— Эка, какой выискался красавецъ драгоценный, помеломъ

писанный, бороной выглаженный! говорилъ онъ, злобно обращаясь къ насмѣхавшемуся надъ нимъ парню.

— Да я, братъ, что, отвѣчалъ тотъ смиренно,—о красотѣ своей не забочусь. Для меня жизнь—конѣйка, голова ни по чемъ. А вотъ у вашего благородія ножка заболѣла, такъ охотъ да ахотъ въ два короба не уберешь. Эхъ ты, чучело гороховое! А не хощь ли домашняго лѣкарства; я те вотъ эвтимъ живо вылѣчу? И рабочій, поднявъ здоровый кулакъ, замахнулся, какъ бы желая ударить Юшкевича.

— Не трожь, а то самъ сдачи дамъ. А вотъ ты помани мое слово и плюнь въ рожу, коли не сдержу: баста ходить на пріиски! Пропадай они! Развѣ чортъ затыанетъ.

— Ай, да, Юшкевичъ, смѣясь, заговорили рабочіе.—Такъ, такъ, знай нашихъ! Вишь, какой богачъ выискался. Что ему деньги! У него ихъ куры не клюютъ!

— А брешетъ же онъ, дурню, неожиданно заговорилъ хохолъ Черненко, сидѣвшій до сего безмолвно за починкой своихъ бродней.—Якъ гроши пропьетъ въ первомъ шинкѣ, такъ опять полизетъ.

— У тебя, хохла, только кабакъ на умѣ. А мнѣ онъ что? Тыфу! возразилъ Юшкевичъ и плюнулъ въ сторону.

— Анъ пропьешь!

— А не пропью! Чтобъ мнѣ провалиться!

— Онъ въ монахи, братцы, пойдетъ; деньги будетъ копить, да свѣчку чорту купить, подхватилъ закадычный другъ Юшкевича Шупляковъ, рябой малый, низенькій, съ узкими плутватыми глазами.—Эхъ ты, голова съ хрѣномъ! продолжалъ онъ:—ну, гдѣ намъ съ тобой мимо кабака пройти, посуди самъ? Изъ-за чего бьемся? О чемъ думаемъ? Много разъ, братъ, зарокъ мы съ тобой клали; а какъ ни поглядишь, все сюда угодись!

— Лукавый силенъ; хоть кого опутаетъ, глубокомысленно замѣтилъ Юшкевичъ.

— То-то лукавый! Вали на него, благо молчить.

Наступило молчаніе.

— А что, Шупляковъ, ты давно ходишь по пріискамъ?

— Давно. Почитай, лѣтъ десять таскаюсь, чтобы провалиться имъ проклятымъ.

— За что ты ихъ бранишь?

— Да за что и хвалить. Работа—что твоя каторга; а толку все нѣтъ: все голь, какъ соколъ.

— Отчего же? Развѣ мало зарабатываешь?

— Всяко случается,—много и мало: какъ поработаешь, да какой фартъ выйдетъ.

— Много ли же денегъ ты приносишь домой?

— Домой? Вишь, чего захотѣлъ! Гдѣ у нашего брата помещицика домъ. Домъ! продолжалъ онъ, какъ будто съ ироніей:—Гдѣ его найдти? Вездѣ нашему брату домъ. Гдѣ день, гдѣ ночь, лишь бы сутки прочь.

— Нѣтъ, не тѣ ужъ нонѣ времена, братцы вы мои, заговорилъ неожиданно одинъ изъ довольно пожилыхъ рабочихъ, Егоръ Ивановъ, отличавшійся своею молчаливостію.—Какъ посмотришь во всемъ хуже становится. Хоть бросай прииски!

— Такъ, такъ, отвѣчали иные, не тѣ времена!

— А развѣ прежде лучше было?

— Не въ примѣръ! продолжалъ Егоръ:—въ ту пору и зѣлото лучше шло, и заработки были хорошіе, да и хозяева тороватые. Молодцы—одно слово!... Нынѣшніе имъ въ подметки не годятся. Тогда нашъ братъ на приискъ лѣзъ, а нонѣ хоть бѣги съ нихъ. Одну только привычку эту взяли. Нонѣ такихъ хозяевъ, какъ М—овъ, царство ему небесное, днемъ съ огнемъ не сыщешь. Послушаешь, что говорятъ о немъ, какъ самъ жилъ, да рабочихъ держалъ, такъ ажно зависть беретъ. Ты объ немъ слыхалъ?

— Какъ не слыхать, слыхалъ. Говорятъ, широко жилъ.

— Да ужъ нынѣшнимъ супротивъ его не живать.... далеко кудему до зайца. Вотъ хоть для примѣра, такъ сказать, нонѣ прослышишь, что хозяинъ тамъ ѣдетъ на приискъ, аль съ прииска уѣзжаетъ, и не подумаешь: скатертью дорога. Еще, пожалуй, другой разъ и ругнешь, какъ почувешь что на приискъ ѣдетъ; потому, значить, примѣрно, работы пойдутъ сильнѣй, тяжелѣй будетъ, а окромя этого, для тебя толку никакого. Небось, лишней чарки не дадутъ! А какъ прослышать бывало, что М—овъ въѣдетъ, такъ на всемъ приискѣ гулъ стоитъ, радость да веселье, потому, знали, что праздникъ будетъ. Аль опять уѣзжаетъ онъ изъ тайги, такъ, вѣдь, какъ пораскажутъ, просто ума помраченье.

— Что же было особеннаго въ его уѣздахъ?

— Важно ѣхалъ; денегъ не жалѣлъ. Выѣзжалъ онъ изъ тайги завсегда не одинъ, а съ цѣлою ватагой. Экипажей десять, али болѣе было съ нимъ. Напередъ пошлетъ сказать по деревнямъ что ѣдетъ: чтобы ждали. Вотъ какъ получаютъ эту

въсточку, всѣ деревни и подымутся. Бабы, дѣвки, мужики— всѣ разрядятся что ни на есть въ лучшія платья. Всѣхъ лошадей, какія есть въ деревнѣ, разукрасятъ, да всѣ за деревню и выйдутъ ждать его. День ждуть, два ждуть, а другой разъ и болѣе, — въ домъ взойти не смѣютъ. Боялись, значитъ, ну, какъ часомъ наѣдетъ, да не застанетъ—бѣда. Какъ только пріѣдетъ, сейчасъ осмотритъ все ли въ порядкѣ, что ни лучшихъ лошадей выберетъ подъ свой экипажъ; кто попроситъ денегъ—дастъ, аль чѣмъ-нибудь поможетъ и опять полетѣлъ. За лошадей же денегъ не проси,—куда не любилъ! Тамъ у него сзади ѣхалъ такой довѣренный, тотъ деньги отдавалъ. И платилъ хорошо, потому что обидѣть не смѣлъ. Коли обидѣлъ кого, скажи только слово М—ву, бѣда будетъ, со свѣту согонитъ. Ты, скажетъ, коли хочешь у меня служить, не плутуй, мужика не обижай. И работники у него, бывало, жили, какъ у Христа за пазухой! Лафа была, денегъ же выносили много.

— Много?

— Шибко много. Тысячами.

— Какъ? Серебромъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, на ассигнаціи; въ ту пору на ассигнаціи считали.

— Ты у него бывалъ?

— Гдѣ мнѣ бывать, не бывалъ, а слыхалъ!... Въдѣ старики еще помнятъ: на ихъ памяти было.

— Поди-ка, многіе разбогатѣли?

— Челдоны¹, тѣ разбогатѣли. Другой шибко денегъ набасталъ; въ гору пошелъ; человѣкомъ сталъ. А изъ рабочихъ, почитай, ни о комъ что-то не слыхать.

— Это отчего?

— Да какъ тебѣ сказать? Разъ, челдонъ хитрѣе и скунѣе нашего брата; у него и домъ есть, ну да онъ и здѣшній, а поселщикъ что? Ему бы кутнуть было на что, да погулять вдоволь, вотъ и ладно. А то на кой прахъ ему деньги,—также пропадутъ. Дай ему хоша того больше, всѣ прахомъ пойдутъ. Какъ встарь было, такъ и нонѣ ведется.

— Отчего же не приберечь копѣйку на черный день?

— На черный день? съ усмѣшкой возразилъ Егоръ:—у насъ братъ, почитай, всѣ дни-то не больно бѣлы, такъ

¹ Такъ называютъ туземныхъ крестьянъ.

чернаго не разбирать стать. Гуляй душа, пока деньги есть; а тамъ и зубы на полку, жди у моря погоды.

— Ну да и народъ нонѣ, паря, не тотъ сталъ, подхватили одинъ изъ рабочихъ. Какъ почнуть разказывать, что прежде выдѣлывали, такъ диву дашься. Такія колѣна откалывали что ума помраченье.

— Извѣстно, киса была толста, отвѣчалъ Егоръ:—ну, и при-
вольно было. Сказано: не то теперь.

— Что же прежде дѣлали?

— Да что дѣлали?... Тѣшились, какъ хотѣли. Никто перече-
тить не могли; деньги, молъ, платимъ! Сказываютъ, въ ту
пору одному молодцу вздумалось по селу на дѣвкахъ про-
ѣхать, ну и проѣхалъ! А нонѣ попробуй-ка?

— Да гдѣ же онъ дѣвокъ набралъ?

— Гдѣ? Извѣстно, у челдоновъ. Тѣ подлецы за деньги дочь
родную готовы продать. Душу изъ себя за алтынъ вынуть.
А то, вотъ, говорятъ, другой къ своей квартирѣ изъ кабака
дорожку ассигнаціями выклатъ, да по ней и прошелъ, а день-
ги на бѣдныхъ отдалъ. Много такихъ штукъ дѣлали.

— Да ужъ не врутъ ли, братья? Гдѣ же взять простому ра-
бочему столько денегъ.

— Чего врутъ, какъ бы обидясь, отвѣчалъ Егоръ. Старики
за достовѣрное сказываютъ, на ихъ памяти было. Вѣдь, и те-
перь они прежними-то принципами намъ глаза колютъ. „Не
умѣете вы, говорятъ, жить и супротивъ прежнихъ вамъ не
выстоять.“ А мы, кажись, на руку охулки не положимъ.
Дальше Енисейкова¹ никто еще заработка-то не унашивалъ,
да, вишь, все не то! Денегъ, не въ примѣръ, меньше. Опять
же нонѣ начальства много расплодилось.

— Что же, строже стало?

— Нѣтъ, оно не то чтобы строже, а прежде, вишь ты, какъ
немного-то его было, такъ на смазку его меньше выходило.
А теперь поди-ка, попробуй, ублажи всѣхъ, такъ смотришь,
капиталовъ-то и не хватитъ. Вотъ, значитъ, и кути съ огляд-
кой, да не попадайся.

— А если попадешься, плохо бываетъ?

— Оно не то чтобы больно плохо, а главное досадно. Коли
попался, такъ будь у тебя хотя сколько деньжонокъ, ужъ
простись съ ними. Уйдешь голъ, какъ соколъ. Вотъ, значитъ,

¹ Такъ называютъ рабочіе уѣздный городъ Енисейскъ.

зло и возьметъ. Трудился, трудился, лѣто все только о томъ и думалъ какъ бы покутить на эти денежки денька три а тутъ шить возьми!

— Неужели же вы только и ходите на пріиски, чтобы заработать лишнюю копѣйку на кутежъ?

— А то для чего же? Да ты не здѣшній, что ли?

— Нѣтъ, я еще только что пріѣхалъ въ Сибирь.

— То-то! Давно я по Сибири болтаюсь и на всѣхъ пріискахъ бывалъ; почитай, всѣхъ довѣренныхъ знаю, а тебя не примѣчалъ что-то. Ты не съ В—мъ ли пріѣхалъ? Вѣдь, онъ васъ много навезъ.

— Съ нимъ.

— А откуда ты?

— Изъ Вологды.

— Знаю. Дрянъ городишка.

— Это почему? Ты развѣ бывалъ тамъ?

— Спроси ты, милый человѣкъ, гдѣ я не бывалъ.

— Чѣмъ же тебѣ Вологда не приглянулась?

— Супротивъ другихъ городовъ постройкой хуже будетъ да и болотина кругомъ. Пожалуй, Пермь и еще хуже, да то, почитай, ужъ Сибирь; съ нея и взыску нѣтъ. Ну да и люди у васъ обходительностью, аль другимъ прочимъ, не взяли. Вотъ хоша бы примѣромъ Тула, куда лучше!

— Да, важнѣющій городъ Тула, вмѣшался Шупляковъ.— Народъ—просто душа. Жить тамъ рай; отдай всё, да мало. А сколько тамъ нашего брата, такихъ плутовъ, какъ я, да Юшкевичъ, такъ страхи Господни!

— О себѣ толкуй, а меня не трожь! отвѣчалъ Юшкевичъ на эту неожиданную выходку своего товарища.

— Виновать-съ! отвѣчалъ ему Шупляковъ и снова обратился ко мнѣ:—Тамъ, братцы вы мои, есть золотой народецъ—оружейники. Въ ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, и все шито да крыто; то-есть, комаръ носу не подточить. Я вамъ доподлинно скажу: съ ними компанію пріятно водить.

— А ты водилъ?

— Еще бы! За одного и сюда-то угодилъ; и то ни почемъ, не жалѣю. Душа былъ человѣкъ. Теперича, доберись туда, такъ и чортъ тебя не отыщетъ, коли самъ не сплосаешь. Далеко только!

Наступило молчаніе.

— Значить, ты здѣшнихъ нашихъ порядковъ не знаешь? спросилъ Егоръ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, поживешь, такъ увидишь. А вотъ, какъ изъ тайги станешь выѣзжать, такъ въ Енисейскомъ погляди, какъ кутитъ нашъ братъ, горемычный поселенецъ. Любо! Есть чего посмотреть.

— Ну, въ Енисейскомъ не такъ вольготно, а вотъ въ Рыбную¹ пріѣзжай, сказалъ Шупляковъ.

— Въ Рыбной, извѣстно, свободнѣй! За то въ Енисейскомъ насчетъ разныхъ матеріяловъ и всего прочаго не въ примѣръ лучше. Знамо, городъ—народъ образованнѣе.

— Да что въ томъ толку? Развѣ одно, что съ тебя же больше слупятъ.

— А ужъ какъ же въ ту-пору мы славно гуляемъ! началъ воодушевляясь, Шупляковъ:—Деньги есть... свободенъ... на работу тебя не погонятъ... почетъ большой. Ты еще въ тайгѣ оборванцемъ ходишь, на работѣ томишься, а тебя ужъ давнымъ-давно ждуть.

— Кто же?

— Да разныя лица. Перво-на-перво цѣловальникъ. Тотъ, тамъ, для этакаго торжества готовится загодя и всего-то къ этому времени позапасетъ: чего хочешь, того и просишь! Пей, не хочу! Вторымъ дѣломъ, ждуть тебя купцы какъ барина какого. Ихъ понаѣдетъ множество и все съ разными товарами. Только денежки подавай. Ну, ждуть тебя и дѣвушки красныя. Знаютъ, проклятыя, когда мы выходимъ; разрядятся такъ, что любо дорого смотреть! Изъ разныхъ мѣстъ даже понаѣдутъ,—одна другой краше. А намъ это и любо. На пріискахъ-то, самъ знаешь, по этой части голодъ.

— Съ чего жъ у васъ начинается кутежъ?

— Начинается, что получимъ, по первоначально, расчетъ и сейчасъ же, безъ оглядки, рабы Божьи, пойдемъ по домамъ. А домъ нашъ извѣстно гдѣ: у перваго тычка. Гдѣ пригрѣло, тамъ и ладно. Въ ту пору хоша мы и ненарядны, но любви всѣмъ; деньги, значить, въ карманахъ побрякиваютъ. Еще не успѣешь къ деревнѣ подойти, а ужъ тебя и встрѣчаютъ дѣвки и бабы, такія привѣтливыя, да ласковыя къ

¹ Одна изъ большихъ деревень на сѣверной системѣ золотыхъ пріисковъ Енисейской губерніи.

Рыбная при впаденіи ея въ южную часть Енисейской тайги, а не въ Сибирь.

нашему брату. Другъ у дружки даже перебиваютъ. Одна кричитъ: „Къ намъ молодецъ хорошій; у насъ все есть; останешься доволенъ.“ Другая: „Къ намъ, говоритъ, ступай; не слушай ея; мы те ублажимъ,“—и пойдутъ, и пойдутъ. А ты, извѣстно, ломаешься, да важничаешь; а самъ не зѣваешь, выберешь, что ни есть лучшую, да и пойдешь съ ней. Сперва пооглядишься на фатеръ, а потомъ пойдешь платье покупать. Это первымъ долгомъ. Одѣнешься франтомъ; купишь что ни на есть лучшей одежды, не жалѣючи денегъ; а старое барохло¹ такъ и бросишь; бери кто хошь. Ну тоже не забудешь—шалей, платковъ, и всякихъ этакихъ разныхъ разностей для дѣвокъ и для хозяекъ, значить. Въ кабакъ сходишь. А тамъ компанія, народу гибель: шумъ, гамъ, плясъ.... Ну, разумѣется, не постыничать пришелъ! и самъ выпьешь сколько, то-есть, можешь; глядишь: пора на фатеру отправляться, а тамъ ужъ ждутъ тебя; всякая водка и закуска приготовлены! Ну да и другое прочее есть. Гуляй, значить, дума!

— На долго ли же хватитъ твоихъ денегъ при такой гулянкѣ?

— Какое на долго! Дай Богъ, чтобы дня на три хватило. Опять и тутъ есть своя снаровка! Дѣвушка гуляй, а дѣльца не забывай. Тоже, вѣдь, бережешь копѣйку; всю-то въ первый день не пропьешь, а про запасъ, къ Енисейску оставляешь. Какъ ни хорошо въ Рыбной, аль въ другой деревнѣ, а въ Енисейскомъ все же лучше. Вотъ и приберегаешь. Коли Богъ грѣхами потерпитъ, да туда деньги вынесешь, тамъ себя во всей красѣ покажешь. Лихача возьмешь, красну дѣвухку подхватишь, ну, и кути малина!

— Значить, тамъ еще больше выходитъ денегъ?

— Знамо дѣло! Тамъ все оставишь, до послѣдней копѣйки. Одного жал! Не долго нашему брату даютъ тамъ кутить, всего три дня.

— Это отчего?

— Такой обычай. Хошь, не хошь, а черезъ три дня изволь убираться во свояси. Видишь, въ ту пору много нашего брата, принциковъ, изъ тайги подходитъ, такъ и турятъ.

¹ Такъ называютъ въ Сибири имущество, къ которому относятся и платье. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, имущество челоѣка называется еще оригинальнѣе—хламъ.

— И не жаль вамъ бросать такъ безпутно ваши трудовыя деньги?

— А чего ихъ жалѣть? Деньги вещь наживная, были бы руки, а то ихъ достанешь.

— Ну, ты прокутишься въ Енисейскѣ, а потомъ какъ же? Вѣдь, еще нужно дойти до волости?

— Да ужъ кое-какъ перебиваешься. На-перво,—продашь хорошую одежду и худенькую купишь. Другой разъ такая оказія случится: твое же барохло, что прежде бросилъ, тебѣ же и попадется. Такой грѣхъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ! Что мы бросаемъ, то челдоны подбираютъ и припрятываютъ, а потомъ, какъ мы прокутимся, намъ же и продаютъ. Такіе душегубцы! Ну, коли эти деньги не пропьешь, такъ на нихъ кое-какъ дотащишься.

— А если прокутишь?

— Отправляйся, какъ знаешь. Да мы не унываемъ. Снаровку только имѣй, а то дойдешь. Тутъ ужъ, не прогнѣвайся, всяко бывзетъ: часомъ съ квасомъ, а порой съ водой. Иной разъ, Христа ради попросишь, а другой разъ какъ сыръ въ маслѣ катаешься: вдоволь наугощаешься.

— Кто же угощаетъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Кто попадется. Найдешь какого-нибудь олуха, обойдешь его тамъ разными розказнями, аль фокусами,—вотъ и покутишь. Другой разъ прикинешься знахаремъ: травы станешь разныя раздавать, на воду шептать, али другое что прочее дѣлать. Глядишь, какая-нибудь дура баба и раскошелится: на эвту штуку больше бабы идутъ. Она тебя напоить и накормить. А не то у мужичка который попростоватѣй и побогатѣй, надъ коровой, аль лошадыю что-нибудь сдѣлаешь, самъ прикинешься коноваломъ, да и давай увѣрять, что у него тамъ не все благополучно, что безпремѣнно лѣчить скотину нужно, и другаго сердечнаго такъ увѣришь да напугаешь, что онъ тѣ кланяться начнетъ; угостить до отвалу, денегъ дастъ. Смѣлку нужно! А то въ дорогѣ не пропадешь! Ну опять вѣдь, посельщикъ, что твой ребенокъ, что увидить, то и тащить.

Многіе засмѣялись; Шупляковъ улыбнулся и принялся раскуривать свою трубку.

— Ну, тогда и вашему брату довѣренному часто достается

отъ насъ, вдругъ заговорилъ Юшкевичъ какимъ-то злобнымъ голосомъ.—Помнить другой долго посельщиковъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ! Тогда ухо остро держи, — въ оба гляди! А коли чуть сплосалъ, ну и пропалъ. Вотъ сунься-ка въ наемку, такъ мы тѣ покажемъ! И Юшкевичъ громко засмѣлся; но тотчасъ же замолкъ. Его выходка, вмѣсто одобренія, встрѣчена была присутствующими съ негодованіемъ.

— Ну что ты, рыжая сатана, смущаешь, заговорилъ Егоръ, — мелево—мелево и есть.

— Да я такъ, братцы, только къ слову сказала, отвѣчалъ Юшкевичъ, опуская свой голосъ тономъ ниже.

— То-то къ слову! Не слушай ты его, дурака; вишь, вѣдь, онъ какой.....

— Да, вѣдь, онъ правду сказалъ, замѣтилъ я.

— Еще бы неправду, заговорилъ, ободрившись, Юшкевичъ.— Ну что скажите? Развѣ не надувають довѣренныхъ? Да еще во какъ!

Присутствующіе молчали.

— Расскажи, старикъ, какъ это надувають? обратился я къ Егору:—я человѣкъ новый, мнѣ это будетъ въ пользу.

— Что тѣ рассказывать-то.... Извѣстно, заговорилъ тотъ, улыбаясь:—прослышимъ, напримѣръ, что пріѣхалъ довѣренный въ деревню и закутилъ. Наемка у него большая; съ писаремъ худо живетъ, и нанимаетъ онъ всѣхъ, кто мимо идетъ. Ну сейчасъ и разузнаешь что, молъ, и какъ? чей довѣренный и кто такой? Коли онъ тамъ по водочкѣ прохаживается, да съ дѣвушками занимается—это намъ съ руки; къ такому иди смѣло. Пока у него хмѣль да чадъ въ башкѣ бродить, онъ билета хорошенько не посмотритъ, примѣтъ не повѣритъ: извѣстно не то на умѣ; тутъ его и лови. Сразу ему чужой, либо старый, билетъ и подсунешь, задатокъ возьмешь, да и былъ таковъ. А тамъ ищи вѣтра въ полѣ. Другаго на этой штукѣ такъ облапошишь, что любо-дорого.

— Да гдѣ же ты возьмешь старый билетъ?

— Объ этомъ ужъ ранѣе нужно подумать да промыслить на всякій случай. А то вотъ съ такимъ довѣреннымъ и такую штуку можно сдѣлать. Сговоришься съ кѣмъ-нибудь, — хотя примѣромъ съ Шупляковымъ:—пойдемъ, молъ, въ наемку, а тамъ, коли вынесетъ кривая, раздѣлимъ барышъ пополамъ. Ладно! Сейчасъ же явимся въ волость, заявимъ, что билеты

затеряли и попросимъ, чтобы дали намъ новые на проходъ. Ну, знамо, безъ подмазки не обойдется. Выдадутъ намъ билеты, а со старыми-то мы отправимся къ довѣренному. Шупляковъ за меня наймется, а я за него. Коли довѣренный сплосалъ, да въ волости о насъ справку не взялъ, ну, значить, и прощай его денежки; только онъ ихъ и видѣлъ! Мы сейчасъ же изъ деревни вонъ, а потомъ ужъ насъ не найдутъ.

— Да вѣдь онъ можетъ васъ потребовать.

— А мы объявимъ, что къ такому и не нанимались, что билеты мы потеряли, а кто за насъ нанялся, не знаемъ. Поди, ищи тамъ. Пока онъ хлопочетъ, мы въ своей волости къ другому наймемся, да и на приискъ.

— И часто случаются такія продѣлки?

— Случаются. А то вотъ и такія штуки дѣлаютъ. Примѣромъ, довѣренный не пьетъ и съ волостнымъ писаремъ пріятель. Вотъ, мы,—чтобы побольше отъ него денегъ повыманить, соберемся артелью—человѣкъ пять аль шесть, молодецъ къ молодцу, и прихватимъ съ собой еще какого-нибудь старика. Его научимъ, чтобъ онъ тоже шелъ въ наемку къ довѣренному и задатку просилъ какъ можно больше, а ужъ мы не выдадимъ. Старика, это, выберемъ, выгладимъ, подмуштруемъ, и явимся. У довѣреннаго-то, какъ увидить такихъ молодцовъ-рабочихъ, ажъ глаза разбѣгутся. Сейчасъ къ писарю: „Можно-ли нанять такихъ-то и такихъ-то.“ Тотъ отпишетъ, что можно. Станетъ смотрѣть насъ довѣренный: все рабочіе хотъ куда, только одинъ плоховать. Вотъ и скажетъ: „Ты ужъ, братецъ, старъ, куда тебѣ?“ А тотъ: „Чтò за старъ? я еще работникъ.“ Ну коли довѣренный заупрямится,—мы и объявимъ, что молъ нанимаемся артелью, и безъ старика нейдёмъ. Жаль довѣренному отпустить насъ, да и старика взять не хочется. Вотъ и станетъ онъ уговаривать идти безъ него. Мы упрямся: „Нѣтъ, молъ, безъ него нейдёмъ; какъ хошь, а то пойдемъ къ другому.“ Ну нечего дѣлать, побьется, побьется: видить—уперлись! Начнетъ спрашивать о задаткѣ, сколько, молъ, нужно? А мы и говоримъ: „Не знаемъ, молъ, ваше почтеніе. Спросите большака.“ А большакъ такую заломитъ цѣну, что просто бѣда. Опять станетъ довѣренный торговаться; мы не уступаемъ. Ну, видить онъ, что дѣлать нечего,—дастъ.

— Какая же вамъ выгода отъ этого?

— А вотъ какая. Разъ, больше задатку,—значить, дольше покутить можно; а, второе, и стариковы деньги намъ же поступать. Вѣдь, онъ ни къ чорту не годенъ, и знаетъ, что изъ дому не уйдетъ.

— Зачѣмъ же нанимать такихъ стариковъ?

— Какой ты безтолковый, отвѣчалъ Юшкевичъ: — хорошихъ рабочихъ всякому довѣренному отпустить жаль, а коли они безъ старика нейдутъ, что тутъ дѣлать? Ну, довѣренный подумаетъ, да въ умъ и разчитаетъ, что старика куда-нибудь тамъ на приискѣ сунетъ, хоть въ хлѣбонеки, аль въ другую какую-нибудь легкую работу....

— Значить, и онъ можетъ быть полезенъ.

— Да, коли дойдетъ.

— Но, вѣдь, можно съ него вытребовать деньги.

— Держи карманъ! Что ты возьмешь съ поселщика? Голь непроходная. Да притомъ же старикъ, какъ придетъ время идти на приискъ, не отказывается: „Бери, говоритъ, я иду.“ А куда ты его поведешь! Еще наплачешься съ нимъ; умретъ дорогой, аль заболѣетъ; бѣды да хлопотъ себѣ наживешь. Другой довѣренный увидитъ, что его поддѣли, — плюнетъ, и броситъ. Пропали, значить, его денежки.

— Однако съ вами, ребята, надо быть осторожнѣе.

— Чего осторожнѣй? Разсудокъ только надо имѣть.

— Какой же разсудокъ?

— А такой, что какъ прivedешь ты въ волость, перво-на-перво, ублажи хорошенько писаря. Это, братъ, всему дѣлу голова! Тамъ, братъ, эти засѣдатели, исправникъ, аль другіе какіе чиновники, все плевое дѣло! Первое лицо въ волости писарь. Это такъ ты и знай; онъ всѣмъ орудуетъ. Второе, не бросайся нанимать изъ чужихъ волостей прохожихъ работниковъ. Надуютъ, какъ разъ, потомъ ищи ихъ! А главное, себя соблюдай: не кути и за дѣвчатами не бѣгай, а то такъ оплетутъ, что и не опомнишься!

— Спасибо, братъ, за совѣтъ! Непремѣнно воспользуюсь.

— Да, вотъ еще что: коли тебѣ случится нанимать въ деревнѣ въ ту пору, какъ выходятъ прищипки изъ тайги, будь ты терпѣливъ и ничѣмъ не обижайся. Много тебѣ придется вытерпѣть въ то время. Станутъ надъ тобой прищипки куражиться, разныя штуки выдѣлывать, смѣяться; ты не серчай, а помалчивай. Въ ту пору нашъ братъ гуляетъ; значить, толку никакого нѣтъ; хмѣль въ головахъ бродитъ; а главное,

у всѣхъ деньги есть. Другой еще нарочно напьется, и къ до-
вѣренному пойдетъ, штофъ съ собой притащить, сядетъ, рѣчь
заведетъ, подчивать, аль смѣяться надъ тобой станетъ. Попро-
буй-ка тогда осерчать, аль выбрать, ну, и самъ не радъ бу-
дешь. Онъ еще пуще привяжется. Коли же ты промолчишь, да
поймешь, что онъ хочетъ показать себя: гляди, молъ, какъ
гуляетъ нашъ братъ и вами пренебрегаетъ,—коли выждешь
время, когда онъ пропьется, все будетъ ладно. Въ твоихъ ру-
кахъ будетъ, далеко не уйдетъ. Таковъ, братъ, обычай. Худъ
ли, хорошъ ли, не нами заведенъ, не нами и кончится.

Егоръ замолчалъ. Въ балаганѣ воцарилась тишина. Я не
хотѣлъ болѣе продолжать разговора на эту тему. Мнѣ сдѣ-
лалось какъ-то невыносимо больно, когда я узналъ еще одну
грустную сторону жизни нашихъ поселенцевъ-рабочихъ. Ра-
бочіе тоже молчали и, повидимому, находились сами подъ
вліяніемъ какого-то непріятнаго впечатлѣнія.

Такъ прошло минуты двѣ.

— Развѣ разказать вамъ, братцы, вы, мои любезные, вдругъ
прервалъ эту тишину Юшкевичъ, начавъ свой монологъ са-
мымъ робкимъ голосомъ: — развѣ разказать вамъ, какъ на-
дулъ я разомъ цѣловальника и дистаночнаго?

— Ну-ка, ну-ка, разкажи, рыжая твоя борода! поспѣшно
заговорили почти всѣ рабочіе.

— Было это, братцы мои, въ нашей волости, началъ Юш-
кевичъ, — былъ у насъ цѣловальникъ, Николай Петровичъ
прозывался; малый такой плутъ и проныра, что другого та-
кого поискать только. Какъ тамъ начальство ихнее не би-
лось, чтобы, значить, поймать его, и чего, чего для этой
причины не дѣлало, все вывертывался!... Разъ, такъ подъ ве-
черъ, пошелъ я въ кабакъ, не то чтобы выпить, а такъ, про-
сто, посидѣть: въ карманѣ-то пусто было, заложить тоже не-
чего; а онъ, подлецъ, въ долгъ, не то что нашему брату, по-
сельщику, а отцу родному не вѣрилъ. Вотъ, подхожу это
я къ кабаку, и вижу, стоитъ кто-то у окошка и посматри-
ваетъ что тамъ дѣлается. Думаю,—кто бы это такой? Оста-
новился я и сталъ приглядываться. Вижу: дистаночный. Я было
и пошелъ своею дорожкой. Вдругъ онъ оборотился, подошелъ
ко мнѣ, и спрашиваетъ меня таково ласково: „Куда идешь, ми-
лый человѣкъ?“ — „Въ кабакъ“, говорю.— „Вотъ, братъ, и хо-
рошо; мнѣ такого-то и нужно. Хочешь я тебя угощу?“ — „Какъ,

говору, не хотѣть, хочу!“—„А ты мнѣ послужишь?“—„Извольте, говорю, ваше почтеніе, чѣмъ только могу?“—Посмотрѣлъ онъ на меня таково пристально, значить, вглядѣться хотѣлъ, да и говоритъ:—„Видишь ты, братецъ, я не здѣшній, и хотѣлъ бы купить водки, да самому въ кабакъ идти совѣстно; купи для меня?“—„Извольте, говорю, съ нашимъ удовольствіемъ! Сколько вамъ потребно?“—„Да хошь полведра. Я тебѣ дамъ пять рублей, ты возьми водки въ кабакъ какъ есть съ посудой, да смотри, неси осторожнѣй. Коли дадутъ за печатью, не сломай, а коли отольютъ изъ бочки, не пролей. Послѣ сколько хошь дамъ, а теперь, пожалуста, осторожнѣй. Вотъ тебѣ денеги, ступай, а я здѣсь подожду.“—Взялъ я деньги и пошелъ, а самъ думаю: шалишь, братъ, цѣловальнику яму хошь вырыть, подкузмить; а меня съ подсыломъ посылаешь. Хоша онъ и плутъ, а все мнѣ выдавать его не рука — пригодится. Вошелъ я въ кабакъ, и прямо къ стойкѣ. Цѣловальнику мигнулъ: „Дѣло, молъ, есть.“ Тотъ догадался; поднялъ стойку, пропустилъ меня и спрашиваетъ: „Чтò, говоритъ?“—„Дистаночный, молъ, здѣсь.“—„Гдѣ?“—„Да у кабака; меня съ подсыломъ послалъ.“—„Сослужишь, говоритъ, службу, утащишь вотъ это?“ Да и показываетъ подъ стойкой два полуштофа и ведерную бутылъ съ водкой.—„Дяча не утащить, утащу“, говорю.—„Ну, такъ забирай, да съ Богомъ, чрезъ заднія двери, и бѣги къ Дормидонту,—знаешь?“—„Знаю“, говорю. Пихнулъ я полуштофы за пазуху, бутылъ взялъ въ руки, да и былъ таковъ. Вышелъ на дворъ и думаю: вотъ, молъ, судьба-то! Не было ни гроша, вдругъ сталъ алтынъ, — деньги и водка,—эка благодать привалила! И зачѣмъ мнѣ къ Дормидонту нести; развѣ я самъ выпить не умѣю. Вѣдь цѣловальникъ эту водку у православныхъ же укралъ; значить, и мнѣ грѣха не будетъ украсть у него. Раздумалъ я такъ, да и пошелъ домой; забрался въ свой чуланъ; малую толику выпилъ, а прочее припряталъ, и самъ съ собою надъ обоими посмѣиваюсь. Посидѣлъ я это дома, и разобрало меня любопытство: чтò подѣлываетъ дистаночный на фатерѣ? Пойду, молъ, къ нему, — благо хозяинъ пріятель. Однако, подумалъ, такъ опять идти неловко: неравно признаетъ. Дай-ка, молъ, выбрѣюсь. Сейчасъ это, значить, бороду долой; волосы подрѣзалъ; другой азямъ надѣлъ и отправился. Ну, наперво, какъ увидѣлъ меня хозяинъ безъ бороды, принялся было расспрашивать: чтò такое значить? Я ему мигнулъ: „молчи, молъ, дядя, опосля скажу.“ Онъ

и замолчалъ. Ждать, пождать, смотримъ, катитъ мой пріятель,—ругательски ругается! „Обманули, говорить, какъ дурака; только денежки мои пропали. Ничего у плута не нашель. И куда эта другая бестія дѣвалась! Точно сквозь землю провалился.“ Онъ ругается, а я сижу да посмѣиваюсь. Сталъ онъ на меня искоса поглядывать, а потомъ и привязался: „Ужь не ты ли, говорить, сыгралъ со мной такую штуку, что-то твоя рожа мнѣ знакома!“ Извѣстно, сталъ я заператься, да еще въ обиду вошелъ. „Что ты это, говорю, лаешься? Съ чего взялъ честнаго человѣка корить? меня вся деревня знаетъ,“ и пошелъ, и пошелъ. Хозяинъ за меня заступился, ну, дистаночный и опѣшилъ; видитъ, взять нечего; пошелъ на мировую; насъ же еще водочкой угостилъ. Смѣхъ, право! Спровадили мы его. Сходилъ я домой; принесъ водки, что отъ цѣловальника взялъ, и стали мы ее въ свою сласть распивать. Вдругъ, глядимъ, катитъ самъ цѣловальникъ, такой сердитый, прямо на хозяина и накинудся, зачѣмъ онъ не далъ ему вѣсточку о дистаночномъ. Извѣстно, хозяинъ пустился оправдываться. Побранились они немного, а потомъ цѣловальникъ и говорить мнѣ: „Ну спасибо, Тимоѣеюшка, выручилъ, голубчикъ.“—„Радъ, говорю, стараться, Николай Петровичъ.“—„Считай другъ за мной полштофъ.“—„И на томъ молъ благодарствуйте.“—„Ну, а снесъ ты къ Дормидонту, что я далъ-то.“—„Что, молъ, такое?“—„А посудыны-то?“—„Какія посудыны?“—„Какъ какія, говорить, аль не помнишь? Какія взялъ?“—„Что-то, говорю, позапамятовалъ, Николай Петровичъ. Да не другому ли вы отдали, поглядите-ка хорошенько?“—Поглядѣлъ онъ на меня и понялъ въ чемъ дѣло.—„Ахъ ты, говорить, плутъ эдакой, Іуда окаянный! Не стыдно?“—„Что же вы браните безвиннаго?“—„Толкуй безвиннаго,“ говорить.—„Ну а за штофомъ-то завтра зайти прикажете?“—„Не много ли будетъ, братъ, и то жирно сцапалъ?“—„Другой разъ, говорю, услужу, а нѣтъ такъ подведу.“—„Ну, да ладно, ладно,“ говорить...

— Выходи ужинать! Ей, ребята, ужинать, ужинать,—выходи! закричалъ громко кашеваръ.

Возгласъ этотъ магически подѣйствовалъ на обитателей балагана. Всѣ, безъ исключенія, не дослушавъ дальнѣйшихъ походовъ Юшкевича, вскочили и быстро отправились къ котламъ. Я тоже, чтобъ освѣжиться и разогнать тяжелое впечатлѣніе этого вечера, пошелъ за ними.

Ужинъ обыкновенно былъ у насъ самымъ оживленнымъ

часомъ. Тутъ рабочіе, отдохнувъ отъ своихъ тяжелыхъ занятій, дѣлались веселы и шутивы. У котловъ уже толпился народъ: иные наливали щи; другіе крошили говядину; нѣкоторые обгладывали кости, или, усѣвшись артелями, въ ожиданіи когда подадутъ имъ общія чашки, болтали между собой. Глядя на эти довольныя, веселыя лица, слыша искренній смѣхъ, оживленный разговоръ, совершенно невозможно было подумать, чтобы въ слышанныхъ мною разказахъ о кутежахъ, обманахъ, и другихъ продѣлакахъ прищиковъ, могла идти рѣчь обо всѣхъ этихъ людяхъ. Вѣроятно, думалъ я, только не многіе употребляютъ такъ безпутно свой заработокъ, плодъ тяжкихъ трудовъ и лишеній. Въ этой мысли утверждало меня еще и то обстоятельство, что артель, къ которой принадлежалъ Юшкевичъ съ товарищами, пользовалась нехорошею репутаціей. Я рѣшился разспросить обо всемъ этомъ людей болѣе порядочныхъ! Вотъ хоть бы Иванъ, Дубровинъ и другіе. Всѣ они живутъ въ одномъ балаганѣ; всѣ они ссыльные, значить, пользуются однимъ и тѣмъ же положеніемъ въ обществѣ; а между тѣмъ они и здѣсь ведутъ себя гораздо лучше другихъ. Я пошелъ къ нимъ. Выслушавъ нѣсколько сказокъ и анекдотовъ, я склонилъ разговоръ на интересующую меня тему, и разказавъ сущность всего что слышалъ отъ ихъ товарищей, прямо спросилъ, неужели правда что прищики такъ безпутно тратятъ свои трудовыя деньги?

Всѣ замолчали и посмотрѣли другъ на друга. Первый заговорилъ Иванъ:

— Что грѣха таить? Всѣ мы здѣсь на одинъ ладъ: изъ-за того только и бьемся на прискахъ, чтобы кутнуть въ Енисейскѣ. Какъ хошь дѣйствуй, а туда, попадешь! Потому и заведенье такое,—это что говорить... И онъ, махнувъ рукой, замолчалъ.

— Эхъ, сударь, повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить, заговорилъ Дубровинъ. Стоить разъ втянуться, а тамъ не вырвешься. Да и сами выразсудите, что намъ остается дѣлать. Участь наша горькая. Думаете, съ радостью идемъ мы на приски? Вѣдь здѣсь каторга, а право другой бѣднякъ со слезами уходитъ отсюда. Вѣдь, здѣсь онъ сытъ, обутъ, подъ кровомъ; а въ волости что онъ? Другому некуда и голову приклонить.

— Вы бы могли обезпечить себя хоть немного, еслибы не пропивали вашихъ заработковъ. Вѣдь ваши заработки не маленькіе.

— Да, по разчетнымъ листамъ; а на^{дѣлѣ}многа ли получимъ? Вотъ, начнемъ хоть съ задатку. Ну, положимъ, возьмемъ при наймѣ рублей шестьдесятъ, али болѣе¹; изъ нихъ безпремѣнно отдай писарю рубля три, если не болѣе; да вычтутъ съ тебя рублей тридцать податей.

— Чтò ты, братецъ? Гдѣ берутъ такіа подати?

— Гдѣ берутъ? Здѣсь, въ Сибири. Съ насъ вычитаютъ на какіе-то тунные расходы: не дашь—сиди дома! Это вѣрно.² Не то писарь подвернетъ тебѣ такую ковычку, что и не выпутаешься.

— Все чтò ты говоришь, возразилъ Дубровину Иванъ,—коли хошь, и такъ да не такъ. Скажи лучше: доля наша такая, да и сами мы не тѣ люди,—вотъ чтò.

— Да, отвѣчалъ Дубровинъ, правда твоя... Чтò дѣлать,—судьба значить. Живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велѣлъ.

— Такъ, знать, на роду написано, продолжалъ Иванъ съ тяжелымъ вздохомъ:—не тотъ я былъ не такимъ и быть хотѣлъ,—чтò дѣлать!

— Но кто же ты былъ Иванъ? спросилъ я.

— Кто? повторилъ онъ горько усмѣхнувшись. Кто? Пропздіи чловѣкъ, вотъ кто! Однако баринъ поздно, спать пора. Утро вечера мудренѣе. Прощай, добавилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, закрываясь азымомъ.

Всѣ послѣдовали его примѣру. Съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ вышелъ я изъ этого балагана и долго, долго въ ухахъ моихъ слышались эти слова и тонъ, которымъ они были сказаны.

¹ По закону, поселенцу велѣно давать въ задатокъ по 7 р. 50 к., но какъ этотъ законъ исполняется извѣстно всякому золотопромышленнику. Задатковъ выдаютъ отъ 50 руб. сер. и болѣе. Это фактъ.

² Въ 1859 году, въ Енисейской губерніи, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, дѣйствительно съ поселенцевъ нанимающихся на прииски взыскивалось отъ 25 и болѣе рублей. Эти деньги платили довѣренныя при наемкѣ. Куда поступали онѣ, я положительно сказать не умѣю, но вѣрно то, что сумма ихъ отиѣчалась обыкновенно писаремъ на билетахъ карандашомъ, и потомъ удерживалась довѣреннымъ и передавалась въ волость. Какъ теперь дѣлается, я не знаю. Но что это было, могутъ подтвердить всѣ кто частвовалъ въ наемкѣ.

VI.

По случаю отдаленности главнаго прииска нашей К^о, съ котораго моя партія получала провіантъ и людей, въ случаѣ недостатка въ рабочихъ, у меня было поставлено за правило давать вновь прибывшимъ въ партію два дня отдыха. Это распоряженіе очень нравилось пришельцамъ, и мнѣ ни разу не случалось замѣтить, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, въ теченіи льготныхъ дней, принялся за работу, несмотря на то, что бездѣйствіе начинало, видимо, тяготить ихъ со втораго же дня прибытія въ партію. Въ одинъ вечеръ, явились ко мнѣ съ главнаго прииска пять человѣкъ рабочихъ и плотникъ. Предъявивъ свои билеты и выслушавъ съ большимъ удовольствіемъ распоряженіе о льготныхъ дняхъ, эти люди тотчасъ же принялись за постройку балагана. На другой день утромъ я примѣтилъ, что одинъ изъ вновь прибывшихъ работаетъ что-то топоромъ. Предполагая, что онъ хлопочетъ объ окончаніи своего жилища, я, не обративъ на это особеннаго вниманія, пошелъ на работы; но возвращаясь обратно, замѣтилъ того же работника уже съ долотомъ въ рукахъ; а какъ этотъ инструментъ для постройки балагановъ не употреблялся, то меня заинтересовало, что онъ дѣлаетъ?

— Чѣмъ ты занимаешься, братецъ? спросилъ я, подходя къ нему.

— Стоякъ дѣлаю, ваше почтеніе. Нарядчикъ говоритъ, что нужно.

— Оставь, братецъ. Стоякъ еще не уйдетъ. Отдохни, вѣдь ты вчера пришелъ, небось, усталъ?

— Что за отдыхъ? Нашему брату безъ дѣла не привычно, да и въ балаганѣ лежать—скука. Дѣло-то не тяжелое, все какъ будто веселѣе.

— Ты плотникъ?

— Плотникъ.

— Какъ твоя фамилія.

— Блиновъ.

— Молодецъ. Спасибо за прилежаніе. Если хочешь, работай; но помни, что въ эти два дня я съ тебя занятій не требую.

— Знаю, да ужъ я поработаю. Что баклуши-то бить.

Въ балаганѣ я засталъ своего нарядчика Александра Яковлева за чаемъ. Разказавъ ему о ревности Блинова, я похвалилъ его за прилежаніе.

Нарядчикъ засмѣялся.

— Чему ты смѣешься?

— А тому, что видно онъ малый не промахъ, и должно-быть, плутъ. Вы вотъ повѣрили, что онъ прилеженъ, а онъ просто задобрить хочетъ, заискиваетъ.

— Ну, какой вздоръ. Чтò ему за надобность?

— Чтò за надобность? Вы говорите, что это плотникъ.

— Плотникъ.

— Ну, вѣрно ничего не смыслите, отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ нарядчикъ.

— Да, съ какой же стати послали бы худаго въ шурфовку? Я просилъ хорошаго.

— Ждите! такъ вамъ Х....нъ и дастъ хорошаго! Хорошіе-то имъ самимъ нужны, а въ шурфовкѣ и какой-нибудь сойдетъ. Вотъ и послали плохенькаго!

— Если это и такъ, какая же надобность ему заискивать?

— Какой вы право!... О томъ, что у насъ въ партіи жить хорошо, всѣмъ извѣстно. Всѣ знаютъ, что пищи вдоволь, заработокъ хорошъ, да и В....въ вамъ съ руки. Попросите за кого, такъ все сдѣлаетъ; вотъ и лѣзутъ сюда.

— Но почему же ты думаешь, что Блиновъ плохой плотникъ?

— Думаю я, что онъ плохой, потому что, какъ я вамъ говорю, хорошаго не пошлютъ; а второе, еслибъ онъ смыслилъ свое дѣло, не сталъ бы заискивать и раньше времени работать; а лежалъ бы на боку, благо дано два дня отдыху. У хорошаго рабочаго увѣренность есть, что, молъ, хоша и пролежу, да потомъ себя покажу. А этотъ, какъ чувствуетъ что плохъ, вотъ и думаетъ: дай, молъ, возьму хоть тѣмъ, что на первыхъ порахъ покажусь прилежнымъ, авось понравится, и довѣренный будетъ помилостивѣе, коли чтò и плохо сдѣлаю. Плутъ народъ эти поселенцы: вездѣ разчетъ!

— Но, кажется, Блиновъ не поселенецъ. Онъ такъ порядочно одѣтъ, такой скромный, притомъ и старъ.

— А! это тотъ, чтò съ сѣдою бородой? Челдонъ, должно-быть. Ну, это еще хуже нашего брата посельщика; плуты первой руки. И нарядчикъ началъ самыми яркими красками описывать испорченность челдоновъ:—Вотъ, помяните мое

слово, что Блиновъ плохой плотникъ, заключилъ онъ свою рѣчь.

— Увидимъ! отвѣчалъ я съ сомнѣніемъ.

— Увидимъ! повторилъ не безъ досады, нарядчикъ. — Я тѣ покажу его сразу: пойду сейчасъ, да дамъ ему работу, — не стоякъ дѣлать, — это что! Есть у насъ дѣло похитрѣе. Пусть-ка покажетъ свою удалъ.

— Ну-ка испытай. Да, чуръ, не бранить его.

— Зачѣмъ бранить; вѣдь не съ К...мъ въ партіи. Вы всѣмъ потачку даете: ну, и съ Богомъ. Мое дѣло сторона; вашъ отвѣтъ.

Нарядчикъ ушелъ, видимо разсерженный, а я занялся чаемъ.

— Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился.

— Далъ работу Блинову? спросилъ я.

— Далъ-съ.

— Да смотри, не трудную ли какую-нибудь?

— Какую трудную? велѣлъ сдѣлать колѣно къ помпѣ.

На этотъ разъ нашъ разговоръ тѣмъ и окончился.

Прошло три дня, колѣно не было готово, несмотря на то что хорошему рабочему нужно было употребить на эту работу развѣ всего нѣсколько часовъ. Занятый болѣе серьезными дѣлами, я сперва не обратилъ на это вниманія; но наконецъ спросилъ нарядчика:

— А что же колѣно?

— А спросите Блинова, отвѣчалъ онъ, лукаво улыбаясь: — угодно, я позову его?

— Нѣтъ! пойдѣмъ вмѣстѣ.

— Пойдемте.

Мы отправились. Взглянувъ на работу Блинова, я тотчасъ же удостовѣрился, что нарядчикъ правъ, и что Блиновъ дѣйствительно ничего не понимаетъ. Онъ не сумѣлъ не только что придѣлать, но даже хорошенько выдолбить колѣна. Признаюсь, я разсердился и велѣлъ, чтобы работа непременно была кончена къ вечеру, причемъ обѣщалъ, въ противномъ случаѣ, завтра же отослать его на главный приискъ. Блиновъ выслушалъ мой выговоръ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго возраженія. Повидимому, онъ растерялся и только похаживалъ вокругъ лежащей передъ нимъ колоды, и постукивалъ топоромъ. Лицо его, чрезвычайно добродушное и симпатичное, приняло самое страдальческое и тоскливое выраженіе. Когда же я объявилъ о высылкѣ его обратно, онъ

такъ поблѣднѣлъ, что мнѣ стало невыразимо жаль его. Что бы скрыть невольное смущеніе, я повернулся и быстро отошелъ прочь.

— Ну что, чья правда? спросилъ меня торжествующій нарядчикъ, когда мы пришли въ балаганъ.

Я молчалъ.

— А вѣдь помпа, не будетъ готова, продолжалъ онъ,—старикашка топора въ рукахъ держать не умѣетъ и не члдонъ, а нашъ братъ посельщикъ.

— Можетъ ли быть? быстро спросилъ я.

— Право. Что вы будто удивились?

— Да у него такое доброе, тихое лицо, необдуманно отвѣчалъ я.

— Мало ли у нашего брата тихихъ-то лицъ, возразилъ, какъ бы обидѣвшись, нарядчикъ; видно, что вы новичокъ. Эти тихіе только проводятъ такихъ, какъ вы.... Нарядчикъ хотѣлъ было прибавить какой-то жесткій эпитетъ, но удержался.—А раскусите-ка, такъ узнаете, гдѣ раки зимуютъ.

Я не сталъ болѣе говорить съ нимъ о Блиновѣ, и въ этотъ день не подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ старикъ работалъ. Мнѣ было досадно на себя за мою горячность и выговоръ, особенно когда я представлялъ себѣ страдальческую болязненную фигуру старика, полную не притворной печали. Моя симпатія еще болѣе увеличилась, когда я узналъ, что этотъ добродушный, тихій человѣкъ—ссылный, значить, преступникъ.

Работы уже кончились. Люди въ ожиданіи ужина занялись своимъ дѣломъ; но съ той стороны, гдѣ долбилъ Блиновъ свою злосчастную помпу, все еще слышался стукъ долота. Я подошелъ къ нему.

— Пора, братецъ, кончать; скоро позовутъ ужинать, сказалъ я.

— Хочется додѣлать, ваше почтеніе. Завтра, быть-можетъ, другое что найдется.

— Брось, братъ. Утро вечера мудренѣе.

— Слушаю, отвѣчалъ онъ, не переставая работать.

Послѣ ужина, когда я пилъ чай, въ мой балаганъ вошелъ Блиновъ.

— Ваше почтеніе! началъ онъ, низко кланаясь.—Сдѣлай ты божескую милость, пожалѣй меня, старика, не обижай. Богъ тебя наградить.

— Чѣмъ же я тебя обижаю, любезный? отвѣтилъ я, удивленный этимъ вступленіемъ.

— Да давѣ ты пообѣщаль отослать меня на приискъ.

— Ну?

— Да вѣдь это смерть моя; пропаду я злосчастный, заговорилъ онъ, видимо взволнованный.

— Чтò ты? Богъ съ тобой! Развѣ не все равно работы — что здѣсь, что тамъ?

— Какъ для кого, а для меня не все равно. Пошлешь ты меня, выгонять старика съ прииска; вотъ я и пропалъ. А выгонять безпремѣнно.

— За чтò же? помилуй!

— Да ужь это, какъ Богъ святъ. Чтò грѣхъ на душу брать? Какой я плотникъ! топора въ рукахъ держать не умѣю, обманулъ я окаянный, на старости лѣтъ, вотъ Богъ и попуталъ. Х...нъ къ тебѣ съ тѣмъ послалъ: „Коли, говорить, не уживешься тамъ, такъ вонъ ступай.“ А я ужь безъ того въ заборѣ, значить, пропаду. Вся надежда на тебя!

— Зачѣмъ же ты нанимался въ плотники, когда не знаешь этого дѣла?

— Вотъ, поди жь ты! отвѣчалъ онъ, разводя руками. — Алчность разобрала. Довѣренныя въ рабочіе не нанимаютъ — старъ. А коли бы и наняли, мало бы денегъ вынесъ, силы нѣтъ, а въ плотникахъ-то и денегъ много, да и работа какъ бы полегче. Грѣшнымъ дѣломъ думалъ, авось сумѣю угодить. Анъ дѣло-то вышло не подходящее. Х...нъ-то къ тебѣ посылая, такъ и сказалъ: „Здѣсь, говорить, на приискъ тебя держать нельзя, потому что на глазахъ, а ты ничего не знаешь; неравно В...въ увидить, бѣда будетъ; ступай въ шурфовку, тамъ авось удержишься; а коли выгонять оттуда, ну, такъ убирайся.“ Не погуби, сдѣлай божескую милость, заключилъ онъ свою рѣчь, низко кланяясь.

— Ну, если такъ, Богъ съ тобой, оставайся. Дѣла здѣсь немного, привыкнешь.

— Спасибо, кормилецъ, отвѣчалъ Блиновъ повеселѣвъ. — Дай Богъ тебѣ здоровья. Вотъ коли бъ я за свое ремесло принялся, ну тогда не ударилъ бы лицомъ въ грязь.

— А какое твое ремесло?

— Да былъ я садовникъ и огородникъ. Этимъ жилъ.

— Ты откуда?

— Казанской губерніи, Козьмодемьянскаго уѣзда.

— Давно здѣсь?

— Да ужь на порядкахъ. Десятый годъ пошелъ.

— Сосланъ?

— Да, вотъ поди жь ты! Переслали въ крестьяне, такъ и записанъ; да это, почитай, что въ ссылку, не лучше. Раззорили въ пухъ. Такой грѣхъ.

— За что же тебя переслали?

— Да, по правдѣ сказать, такъ и самъ не знаю. По приговору, слышь, общества; а общество, вотъ тѣ Богъ, и дѣла то не знало. Задаромъ погибъ. Просто по волѣ начальства угодилъ сюда.

— Можетъ ли быть?

— Вотъ тѣ Христосъ; такая притча вышла, что и ума не приложу.

— Разкажи, братецъ, пожалуста! Да что ты стоишь? Садись.

— Отчего не сказать? Для меня не зазорно. Скажу твоей милости все, безъ утайки; какъ передъ Богомъ откроюсь, началъ Блиновъ, садясь на землю.—Видишь ты, былъ я государственный крестьянинъ Казанской губерніи, Козьмодемьянскаго уѣзда, села Спасскаго; жилъ я не богато, да и не бѣдно, а такъ себѣ, напорядкахъ. Занимался огородомъ и садъ держалъ, тѣмъ и промышлялъ. Тоже и обществу служилъ: восемь лѣтъ писаремъ былъ при сельской расправѣ; мальчиковъ грамотѣ обучалъ, и думалъ попасть въ волостные писаря, анъ въ Сибирь угодилъ. Село наше богатое, продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія,—стоитъ на самой Волгѣ, значить, на бойкомъ мѣстѣ; и было выстроено оно, такъ себѣ, плохонько; дома старые, приходились все, почитай, въ плотную другъ къ другу; только въ серединѣ былъ у насъ хорошій домъ и жилъ тамъ нашъ же братъ крестьянинъ, Тургинъ прозывался. Онъ былъ всѣхъ позажиточнѣе; умѣлъ хорошо дѣла вести. Случилось у него несчастье, загорѣлся домъ, а отъ него-то и сгорѣла, почитай, вся деревня. Ну, извѣстно, при этомъ несчастіи многіе православные по міру пошли. Вотъ, какъ велѣли новую разверстку произвести, чтобы, значить, выстроить деревню по плану, міръ возьми, да мнѣ его мѣсто и отдай, а Тургину отведи, почитай, что за самою деревней. Это, вишь ты, съ сердцовъ сдѣлали; знай же, молъ, что серчаемъ и уваженія тебѣ не оказываемъ. Ну ладно. Тургинъ съ міромъ не поспорилъ. Мѣсто хоша и взялъ, но строиться не сталъ, а куда-то уѣхалъ. Долго онъ у насъ

не былъ, такъ что я тѣмъ временемъ и поустроился маломальски. Домашко сталъ ставить, садикъ разводить, и радовался, что Богъ далъ мнѣ такое счастье — получить, почитай, что ни есть лучшее мѣсто. Приѣхалъ это Тюргинъ; опять въ споръ съ міромъ не пошелъ, а только сказалъ: „Ну, ладно, я и безъ васъ обойдусь.“ Взялъ и уѣхалъ въ уѣздный городъ, а городъ-то отъ насъ всего въ шести верстахъ былъ. Вотъ, прошло еще немного времени, вдругъ требуютъ меня въ окружное правленіе. Пошелъ я и думаю: зачѣмъ бы это? Дѣловъ, кажись, у меня никакихъ нѣтъ, провинности такъ же, что за притча? Прихожу. Повели меня прямо къ окружному, — а онъ первымъ дѣломъ и спрашиваетъ: „Ты, говорить, Блиновъ, получилъ по разверсткѣ мѣсто Тюргина?“ — „Получилъ, говорю, ваше высокородіе.“ — „Отдай, говорить, назадъ.“ — „Какъ же это, говорю, ваше высокородіе, вѣдь міръ мнѣ отдалъ?“ — „Что, говорить, значить твой міръ! Возьми, говорить, да и промѣняйся полюбовно, вотъ и все.“ — „Да, помилуйте, говорю, за что же я буду уступать ему хорошее мѣсто? Своимъ я доволенъ, да ужъ и построился; еще колибы по началу, такъ куда ни шло.“ — „Это все, говорить, вздоръ; ты промѣняйся.“ — „Ну, я сталъ доводы приводить; куда те, не слушаетъ! Присталъ ко мнѣ: отдай, да отдай. Я поуперся и напоследокъ говорю: „Помилуйте, ваше высокородіе! гдѣ же слыхано, чтобъ отъ своего добра отказывался человѣкъ. Поди-ка, васъ попробуй теперь куда-нибудь въ худое мѣсто послать, вѣдь не захотите, — такъ-то и мнѣ.“ Ну окружному пришлось это не по нраву; разбранилъ онъ меня, да и говоритъ: „Смотри, не наживи бѣды, не упрямясь. Даю тебѣ три недѣли сроку, подумай.“ Съ тѣмъ я и ушелъ. Пришелъ я домой, разказалъ обо всемъ сусѣдямъ; тѣ говорятъ: „Чего тебѣ бояться, міръ отдалъ; ты, значить, правъ; безъ міру ничего окружный не подѣлаетъ.“ Спрошалъ я кое у кого совѣта: какъ моль будетъ дѣло; всѣ говорятъ, что мое дѣло правое, и бояться нечего. Даже самъ засѣдатель уѣзднаго суда, и становой, и тѣ говорили, что со мной ничего не подѣлаютъ. Вотъ я и понадѣлся. Чрезъ три недѣли окружный опять потянулъ меня къ себѣ, опять сталъ приставать съ тѣмъ же. А я и говорю: „Нѣтъ, ваше высокородіе! дѣлайте что хотите, а я не согласенъ, да и только.“ — „Ну, говорить, смотри: коли что худо будетъ, на себя пеняй!“ — А я ему и отвѣтилъ: „Ничего, моль, не будетъ ваше высокородіе; мое дѣло правое,

не боюсь я никого.“ Съ тѣмъ мы и разстались. Забылъ я въ ту пору, продолжалъ съ тяжелымъ вздохомъ Блиновъ,—что Тургинъ богатъ, а я бѣденъ, вотъ и пропалъ. Прошло послѣ того, почитай, съ полгода. Меня никто и не трогалъ; я ужъ думаю: слава Богу, забыли. Вдругъ снова требуютъ меня въ окружное правленіе. Воля начальства, какъ не пойдти? Пришелъ. Самаго окружнаго въ ту пору дома не было; меня прямо посадили въ арестантскую; удивился я; думаю, вѣрно по ошибкѣ; сижу. На другой день повели въ полицію. Смотрю, а тамъ и солдаты съ ружьями, и при нихъ унтеръ съ сумкой. Чтò, молъ, такое? „Да, говорятъ, ступай въ Казань.“—„Зачѣмъ молъ?“—„То не наше дѣло. Велѣно отправить тебя за буйство, да за неповиновеніе начальству.“ Взылъ я благимъ матомъ. „Помилосердствуйте, говорю, когда же я буянилъ?“—„Ну, говорятъ, тамъ разчитывайся, а мы тебѣ не судьи. Ступай.“ Отправили меня, да таково скоро, что и женѣ вѣсточки дать не успѣлъ. Нечего дѣлать, пошелъ. Все еще думалъ оправдаюсь. Анъ вышло не такъ. Посадили меня въ острогъ, а тамъ слышу, и въ Сибирь выслать ладятъ. Слышь ты, по приговору будто общества. Диву я дался тогда? Вотъ передъ Богомъ, баринъ, коли я лгу, чтобы мнѣ провалиться,—вся моя вина въ томъ состоитъ, что, значить, бѣднякъ я былъ, а пошелъ противъ богатаго. Вѣришь ли? и приговора-то не было! Ну какъ бы мнѣ не знать? Да и какой я грубіянь, аль буянь; въ жизни моей курицы не обидѣлъ, не только что человѣка. Вся деревня знаетъ.

— Отчего же ты не жаловался?

— Какъ не жаловался, жаловался, да ничего не помогло. Жена, какъ услышала, прикатила сердечная въ Казань. Ужъ пытали подавать прошенія и въ палату, и прокурору, и губернатору,—ничто не помогло. У нашего окружнаго сильная рука была, ну и оклеветалъ невиннаго. Суди Богъ моего лиходѣя. Такъ всѣхъ обморочилъ, что на, поди! Такъ меня съ полгода волочили. Наконецъ вижу я, что противъ меня сила. Покорился, рукой махнулъ,—думаю, чтò будетъ, то будетъ, знать плетью обуха не перешибешь; оставилъ хлопотать. Богъ съ ними, съ моими злодѣями; заплатитъ имъ Господь на своемъ праведномъ судѣ.

— Гдѣ твоя жена?

— Умерла подъ Томскомъ, царство небесное моей голубушкѣ. Пошла было со мной въ Сибирь, да не дошла сердечная.

— А семья твоя?

— Не было у меня семьи. Была правда одна дочь девяти лѣтъ, да ту еще допрежь того взялъ дядя на воспитаніе. Онъ бездѣтный. Та въ Россіи осталась....

Блиновъ замолчалъ.

— Да вотъ, ваше почтеніе, что я еще скажу тебѣ. У меня приговоръ есть. Становой нашъ мнѣ прислалъ, дай Богъ ему здоровья, — добрый былъ баринъ. Подъ приговоромъ всѣ крестьяне нашей деревни подписались, что я сосланъ невинно. Нарочито онъ и составилъ его. Это какъ меня-то сослали, становой случаемъ въ нашу деревню и наѣхалъ, да какъ услышалъ, что сосланъ, удивился; взялъ да отъ сусѣдей подписку и отобралъ, гдѣ меня всѣ одобрили и подписали, что я невиненъ. Эту подписку онъ сюда переслалъ ко мнѣ, чтобъ я хлопоталъ о себѣ.

— Что жъ ты съ ней сдѣлалъ?

— На первыхъ порахъ хотѣлъ было въ ходъ пустить, да какъ померла жена, такъ вѣришь Богу, обо всемъ забылъ, — растерялся. Потомъ, опять, далеко очень попалъ; вѣдь годъ съ мѣсяцемъ шелъ, — наскучило. Сперва все откладывалъ день ото дня, а потомъ на хлопоты денегъ не случилось, а тамъ хилъ сталъ больно: думаю, когда еще выйдетъ рѣшеніе, може къ тому времени и умру, да пожалуй и не дойду, такъ и оставилъ. А подписка-то у меня и до сихъ поръ въ волости хранится. Коли, Богъ дастъ, будешь у насъ, — покажу.

— Чѣмъ же ты здѣсь занимаешься?

— Да чѣмъ? Ремесломъ своимъ заниматься не могу, земля, значить, не такая, а крестьянской работы я не знаю, да и никогда ея не зналъ. На первыхъ-то годахъ по приискамъ ходилъ, думалъ деньгу зашибу.

— Ну и что же?

— Куда тебѣ, ничего изъ тайги не вынесъ.

— Отчего же?

— Да какъ тебѣ сказать? Въ первый-то годъ въ худую артель попалъ, соблазнили окаянныя. Вышелъ изъ тайги, да всѣ денежки-то прокутилъ. Такой грѣхъ случился! На второй-то годъ не посчастливилось, — въ плохой компаніи служилъ: заработокъ былъ, да и забору было много, такъ что ничего не вынесъ. Бросилъ прииски, не сталъ ходить.

— Значить, ты всего здѣсь въ третій разъ?

— Въ третій. До нынѣшняго года на станціи писаремъ

былъ, да, вишь ты, содержатель старый умеръ; а съ новымъ мы не поладили. Вотъ я и пошелъ на приискъ; думаю, авось поправлюсь.

— А хотѣлъ бы побывать на родинѣ?

— Какъ бы не хотѣлъ! Кажись бы, полетѣлъ, да, вишь, старъ больно, не дойти. Опять же обтерпѣлся; девять лѣтъ здѣсь живу. Богъ милостивъ, авось дотяну, ваше почтеніе, закончилъ онъ, поднимаясь и кланяясь:—не обижай старика, не высылай на приискъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Будь спокоенъ, не вышлю, не бойся!

— Ну и спасибо. Дай Богъ тебѣ здоровья. Какъ-нибудь заслужу. И поклонясь, не дождавшись отъ меня болѣе никакого вопроса, Блиновъ быстро вышелъ изъ балагана. Какія чувства волновали и какія горькія воспоминанія пробудились въ его душѣ—пусть судить читатель.

VII.

— Вамъ не мѣшало бы съѣздить на Наготу¹, сказалъ мнѣ однажды нарядчикъ.

— Зачѣмъ?

— Туда, говорятъ, отправилась партія отъ Р—ва и уже нашла богатое золото.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Конюхи, что привозили къ намъ провизію. Имъ сказывалъ зимовщикъ. Третьяго дня прошла мимо зимовья партія; а вчера, слышно, нарочный проскакалъ на Г—скій приискъ. Нужно ѣхать, добавилъ нарядчикъ, — право нужно, какъ бы не проморгать.

— Твоя правда. Думать нечего, зѣвать нѣкогда.

— Коли ѣхать, такъ сегодня; а то, чего добраго, заявятъ подъ носомъ, останемся въ дуракахъ. Я пойду распоряжусь.

— Ступай, братецъ, распорядись какъ можно скорѣе.

Нарядчикъ ушелъ, а я началъ собираться въ путь-дорогу съ какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ. Вѣсть о томъ, что въ 60-ти верстахъ партія чужой компаніи отыскала золото, да еще богатое, произвела на меня дѣйствіе электрической искры: я уже началъ входить во вкусъ золотопромышленности.

¹ Одна изъ рѣкъ сѣверной системы Енисейскихъ приисковъ.

Сборы были не долги. Скоро были осѣдланы три лошади: для меня, конюха и рабочаго; партія сдана нарядчику; а мы, вооружась кѣйлами, топорами и лопатами, отправились искать прѣзрѣннаго металла.

Было утро, когда я оставилъ свою стоянку, и нигдѣ не останавливаясь, пробираясь для сокращенія дороги напрямикъ дѣвственнымъ лѣсомъ, переваливая съ хребта на хребетъ, переплывая ручьи и рѣчки, руководимый лишь компасомъ и соображеніями моихъ провожатыхъ, лишь къ вечеру прибылъ на зимовье, выстроенное на рѣкѣ Наготѣ г. Л.—мъ.

Мы и лошади устали до крайности; нужно было остановиться, подкрѣпить себя и собраться съ новыми силами на дальнѣйшіе поиски.

На зимовьѣ, къ которому мы пріѣхали, былъ новый, хорошенькій домъ, съ тремя комнатами: первая, довольно большая и опрятная, предназначалась для такъ-называемыхъ служащихъ, то-есть, управляющихъ, довѣренныхъ и другихъ лицъ, составляющихъ пріисковую администрацію; другая, нѣсколько поменьше, для прислуги и конюховъ—тоже лицъ немаловажныхъ на пріискахъ; а третья, большая, съ русскою печкой и нарами вокругъ стѣнъ, для рабочихъ, во время ихъ прихода и выхода изъ тайги. Саженьхъ въ тридцати отъ дома, подъ утесомъ, обросшимъ лѣсомъ, тянулись большія конюшни, съ кладовыми и амбарами. Всѣ эти зданія, полныя жизни и движенія весной и осенью, были теперь пусты и глядѣли такъ мрачно и непривѣтливо, что мы рѣшились лучше расположиться на открытомъ воздухѣ чѣмъ провести ночь подъ ихъ кровомъ.

Пока конюхъ распрягалъ и стреноживалъ коней, мы съ рабочимъ занялись приготовленіемъ чая и ужина.

Въ тайгѣ не станешь прихотничать и будешь довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ, и вотъ одинъ изъ двухъ взятыхъ нами мѣдныхъ котелковъ, былъ обращенъ въ самоваръ; а въ другой положенъ кусокъ солонины.

Скоро закупѣла вода съ кирпичнымъ чаемъ, и мы втроемъ, усѣвшись около костра, пустились весело болтать, строя разныя предположенія о завтрашнемъ днѣ и объ исходѣ нашей экспедиціи.

Такъ прошло часа два. Мы стали подумывать о ночлегѣ: я и конюхъ разостлали кошмы, положили подъ голову сѣдла и улеглись подъ открытымъ небомъ, а рабочій отправился

въ домъ. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ явился обратно, видимо озабоченный.

— А вѣдь здѣсь, братцы, не ладно, сказалъ онъ, подходя.

— Что такое?

— Да здѣсь люди!

— Кто и гдѣ?

— Да вонъ въ комнатѣ лежитъ человѣкъ, и Богъ его знаетъ, умеръ ли онъ или умираетъ, я не посмотрѣлъ хорошенько.

Мы повскакали съ своихъ мѣстъ и бросились въ комнату. На полу, повернувшись ничкомъ, лежалъ человѣкъ, повидимому, уже мертвый. Его одежда, покрытая лохмотьями, вся была запачкана кровью и грязью; на затылкѣ виднѣлась рана, изъ которой сочилась кровь, и собиравшаяся на полу, образовала довольно порядочную лужу. Когда мы приподняли его и повернули на спину, онъ протяжно застоналъ, и у рта показалась пѣна; лицо было искривлено судорогами; глаза закрыты.

— Да это шорникъ съ нашего Н—го прииска, сказалъ конюхъ, всматриваясь въ несчастнаго.—Вѣдныя! Все лѣто былъ боленъ; знать, домой пробирался.

— Эко дѣло! проговорилъ рабочій, почесывая затылокъ.

— Что же намъ дѣлать? спросилъ конюхъ.—Того и гляди умереть.

Въ самомъ дѣлѣ, что намъ дѣлать? Вопросъ былъ самый естественный и самый затруднительный. Положеніе наше было ужасно. На нашихъ глазахъ умиралъ человѣкъ, а мы были не только безсильны помочь ему, но даже облегчить его страданіе. Лѣкарствъ съ нами не было, приискъ далекъ лошади измучены. Что тутъ дѣлать? Пока мы стояли въ недоумѣніи, страдалецъ глубоко вздохнулъ, на мгновеніе открылъ помутившіеся глаза, потянулся и захрипѣлъ. Еще одно, другое конвульсивное движеніе, и передъ нами былъ трупъ.

— Царство ему небесное! проговорили мы всѣ трое, крестясь.

Первый, пришедшій въ себя отъ этой неожиданности, былъ конюхъ. Онъ закрылъ азымомъ трупъ и, взявъ его котомку, хотѣлъ подложить подъ голову.

— Стой, Иванъ! сказалъ рабочій:—это, братъ, не дѣло. Вишь, у него кровь течетъ; а можетъ въ котомкѣ пашпортъ аль деньги,—запачкаешь.

— И то дѣло, отвѣчалъ конюхъ.—Посмотрите, что у него тамъ, продолжалъ онъ, подавая мнѣ котомку.

Въ ней, кромѣ двухъ рубахъ, худенькаго азяма, проходнаго билета, выданнаго съ Н—го прииска, и квитанціи на получение въ енисейской конторѣ 50 рублей, ничего болѣе не оказалось. Денегъ не было ни копѣйки.

— Разчитанъ, значитъ! сказалъ рабочій.

— А ужъ его обшарили, замѣтилъ конюхъ.—Эки аспиды! Креста нѣтъ на вороту.

— Почему ты думаешь? спросилъ я. — Кому же въ тайгѣ придется въ голову обшарить умирающаго?

— Статочное ли дѣло, чтобы человѣка выпустили съ прииска безъ денегъ? отвѣчалъ конюхъ.

— Но у него квитанція?

— А на проходъ все же дали! Безъ того нельзя. Квитанція квитанціей, а деньги деньгами. Знать, росписку-то, бѣдняга, самъ взялъ, чтобы не такъ опасно было идти. Да, вишь, не дошелъ!

— Но кто же могъ его ограбить?

— Да вѣдь, поди-ка, не одинъ шелъ, все же товарищи были. Куда ужъ такому больному тащиться одному. Жаль бѣдняжку; тихій былъ парень, продолжалъ конюхъ,—я давно его знаю. Онъ, почитай, лѣтъ десять все на наши прииски ходилъ. А—нѣ его любилъ. Да и шорникъ же былъ бѣдовый! Вонъ наши сѣдла, все онъ дѣлалъ. Одно за нимъ было: пить былъ лютъ, да до дѣвокъ охочъ.

— Отчего кровь на немъ? Ужъ не убили ли?

— И, нѣтъ! Какая корысть убить такого убогаго. Вотъ еслибы при немъ денегъ было много, аль паспортъ, ну, то другая статья! Поди чай, самъ разбился. Онъ, вишь ты, припадочный былъ. Частенько, бывало, стоитъ, стоитъ, да вдругъ и упадетъ. Да вотъ, посмотрите, продолжалъ конюхъ, осматривая трупъ,—экъ, хватился сердечный, ажъ раму выломалъ.

И конюхъ, поднявъ руку умершаго, разжалъ окровавленный кулакъ, въ которомъ былъ обломокъ оконной рамы, да нѣсколько осколковъ стекла, глубоко врѣзавшихся въ тѣло. Я посмотрѣлъ на окно. Рама была разбита и одинъ переплетъ выломанъ.

— Эко, парень, дѣло, заговорилъ рабочій,—поди жъ ты, гдѣ привелось умереть. Побылъ бы денька два на приискѣ, хоша бы похоронили по-христіянски.

— Да и теперь похоронять, сказалъ я.

— Теперь жди, когда еще попь наѣдетъ; вѣдь не близко. На приискѣ все бы поваднѣе.

— Однако тутъ ему лежать не приходится, сказалъ конюхъ.

— Нужно въ амбаръ вынести. Ишь, какая жара, вѣдь протухнеть. И сюда, вишь, часомъ наѣзжаютъ. Когда еще похоронять, Богъ вѣсть. Бѣри-ка, Петруха, за ноги; а я подхвачу за голову.

Мы вынесли трупъ, обмыли, одѣли, сколотили гробъ и положили въ одномъ изъ чулановъ возлѣ конюшенъ.

Это происшествіе сильно подѣйствовало на насъ, и мы долго сидѣли, толкуя и разсуждая о немъ. Поздно легли мы и поздно встали на другой день. Первый предметъ, поразившій насъ, былъ густой, ѣдкій туманъ, закрывшій всю окрестность.

— Тайга горитъ; сказалъ рабочій.—Знать, проклятые Тунгусы палы пустили.

— Зачѣмъ это? спросилъ я.

— У нихъ такой обычай: коли звѣрь близко отъ стада бродитъ, аль волкъ оленя зарѣзалъ, вотъ они палы и пусятъ.

— Будто одни Тунгусы жгутъ лѣсъ?

— Всяко случается! Другой разъ какой-нибудь бродяга оставитъ костеръ, вотъ и пойдетъ пазгашъ, только держись. А то часомъ и нашъ братъ, рабочій, огонька подложить. Такъ, для потѣхи. Дай, молъ, погляжу, какъ ель, аль сосна загорится. А тутъ глядь, огонь-то хватить, и пошла потѣха. Да что лѣсу-то жалѣть? Вишь, глушь какая, на вѣкъ хватить, закончилъ рабочій.

— Однако пора ѣхать, сказалъ конюхъ, — разъ, поздно, а второе, какъ бы насъ не охватило: гдѣ горитъ не знаемъ, а какъ попадемъ въ огонь,—бѣда будетъ. Я пойду коней ловить, а вы тутъ собирайтесь.

Мѣшкать было нечего; скоро мы отправились въ путь-дорогу. Но экспедиція наша была не удачна. Партіи мы не нашли (оказалось потомъ, что ея и не было). Только три дня бесполезно проболтались въ тайгѣ, едва не сгорѣли, и спаслись только тѣмъ, что забрались въ средину рѣки и ѣхали по водѣ до тѣхъ поръ, пока не попали на мѣсто, до котораго еще не дошелъ огонь. Къ вечеру четвертаго дня мы были опять къ зимовью. Это мѣсто, пустынное и печальное,

теперь представляло самое грустное зрѣлище. Лѣсъ кругомъ сгорѣлъ. Нѣкоторые нн еще тлѣли, распространяя ѣдкій дымъ. Конюшни и амбары сгорѣли до тла, издавая отвратительное зловоніе отъ тлѣющаго навоза. Мы были поражены этимъ зрѣлищемъ.

— Вотъ тѣ и шорникъ. Поминай, какъ звали, проговорилъ рабочій.—Знать, сгорѣлъ бѣдняга!

— Знать сгорѣлъ, сердечный! отвѣчалъ конюхъ. Эка напасть сердечному,—и не похоронили путемъ.

— Горемычная жизнь! проговорилъ рабочій.

— Да братъ, не красна была его жизнь, отвѣчалъ конюхъ, на своемъ вѣку не много радости видалъ, да и умереть-то какъ привелось. Царство ему небесное.

Молча разсѣдали мы лошадей; молча стреножили ихъ и отправились отыскивать остатки несчастнаго шорника. Скоро подъ развалинами, мы нашли совсѣмъ обгорѣлый трупъ: отъ человѣка осталось только нѣсколько внутренностей и по какому-то случаю уцѣлѣлъ одинъ бродень. Собравъ въ груду остатки, мы сдѣлали новый гробъ и положили ихъ туда.

— Похоронимъ-ка его, сказалъ конюхъ, а то, пожалуй, еще звѣрь съѣстъ. Чтò отдавать христіанское тѣло на поруганіе. Попъ отпоетъ и послѣ.

— Да какъ же это сдѣлать? Вѣдь еще слѣдствіе будутъ наряжать?

— И баринъ! сказалъ рабочій,—кто тамъ будетъ слѣдовать? Умеръ человѣкъ, да еще посельщикъ,—вотъ и вся не дотя. Отмѣтять на пачпортъ, да пошлютъ въ волость, и шабашъ дѣлу. Станутъ много заботится о нашемъ братѣ! Ему-то, бѣднягѣ, все же легче будетъ, хощь косточки успокоятся. Право, похоронимъ.

Мы вырыли яму, положили туда остатки несчастнаго шорника, и наваливъ груду камней, прочли, какія знали, молитвы.

Все это произвело на меня такое грустное впечатлѣніе, что я началъ тотчасъ же собираться изъ зимовья. Спутники мои тоже были довольны этимъ. Они съпоспѣшностью принялись ловить и сдѣлать лошадей. Вскорѣ мы уѣхали отъ этого печальнаго мѣста, и несмотря на усталость, остановились, проѣхавъ не менѣе десяти верстъ, на лужайкѣ, среди лѣса пощаженаго огнемъ. Всѣмъ намъ было, чтò называется, не по себѣ; разговоръ не вязался, и мы тотчасъ же легли спать. На другой день вечеромъ я

былъ у своей партіи, и затѣмъ таежная жизнь потекла обычнымъ порядкомъ.

Въ концѣ августа я былъ вызванъ на главный приискъ. Другой довѣренный принялъ мою партію. Съ особеннымъ чувствомъ простился я съ рабочими. Повидимому, и они не совсемъ равнодушно разставались со мной. Забудутъ ли они меня или вспомнятъ когда-нибудь? Но изъ моей памяти никогда не изгладятся ни они, ни ихъ рассказы, ни то время, которое провелъ я въ сибирской тайгѣ.

К. ЗОЛОТИЛОВЪ.